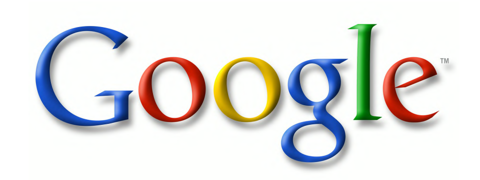

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

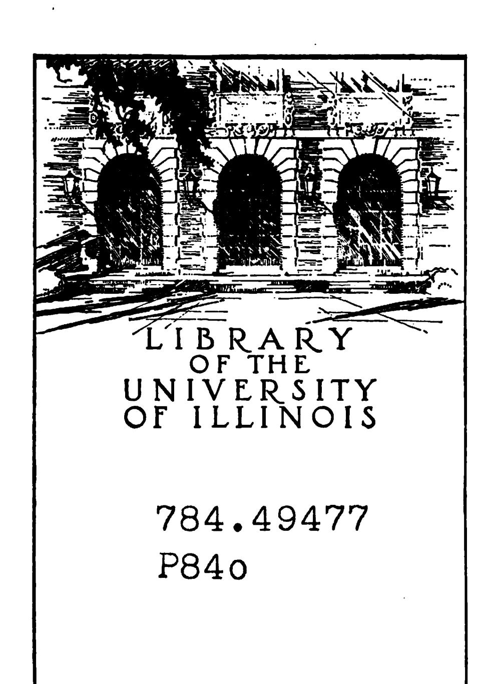
О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу `http://books.google.com`.

784.49477
P84o

AHH 223.60.

OAK ST. HDSF

784.49477
P84o

Digitized by Google

The person charging this material is responsible for its return to the library from which it was withdrawn on or before the **Latest Date** stamped below.

Theft, mutilation, and underlining of books are reasons for disciplinary action and may result in dismissal from the University.

To renew call Telephone Center, 333-8400

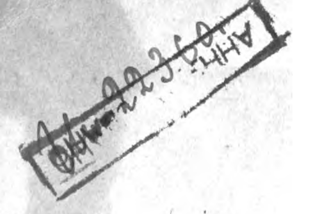
UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY AT URBANA-CHAMPAIGN

JUL 10 1980
JUN 17 1980
JUL 21 1981
JUL 06 1981
MAY 22 1984
FEB 09 1987
AUG 16 1989
JUL 20 1989
AUG 17 2009

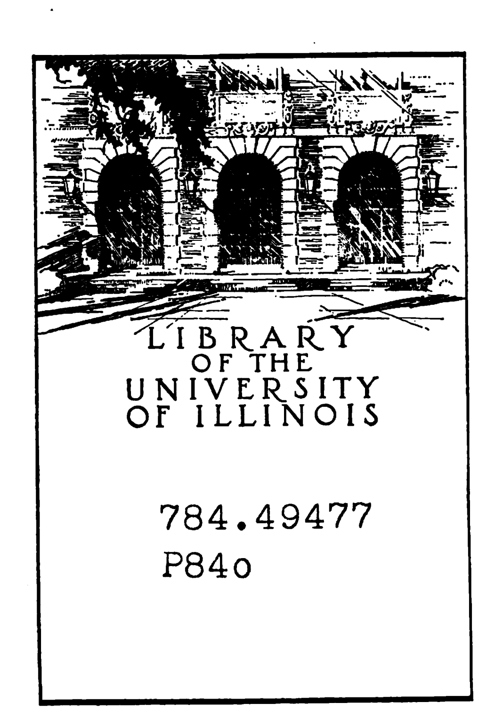
L161—O-1096

Digitized by Google

OAK ST. HDSF

784.49477
P84o

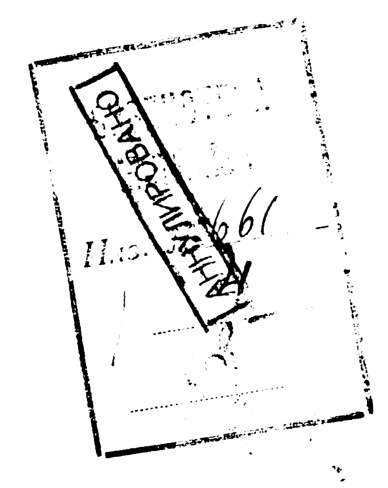
The person charging this material is responsible for its return to the library from which it was withdrawn on or before the **Latest Date** stamped below.

Theft, mutilation, and underlining of books are reasons for disciplinary action and may result in dismissal from the University.
To renew call Telephone Center, 333-8400

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY AT URBANA-CHAMPAIGN

JUL 10 1980
JUN 17 1980
JUL 21 1981
JUL 06 1981
MAY 22 1984
FEB 09 1987
AUG 16 1989
AUG 17 1993

L161—O-1096

Digitized by Google

А. А. ПОТЕБНЯ.

ОБЪЯСНЕНІЯ МАЛОРУССКИХ И СРОДНЫХ НАРОДНЫХ ПѢСЕНЬ.

Отдѣльный оттиск из „Русскаго Филологическаго Вѣстника".

АННУЛИРОВАНО

ВАРШАВА.
Въ типографіи М. Земкевича и В. Ноаковскаго.
Краковское-Предмѣстье, N 415 (15).
1883.

Digitized by Google

Прим. Предисловіем к этой книгѣ может служить часть статьи того же автора: Рецензія „Нар. п. Галицкой и Угор. Руси, собр. Я. Ѳ. Головацкаго“, Зап. Имп. Ак. Н. XXXVII, II (Отчет о 21 присужд. наград. Гр. Уварова), 103—52, Отд. отт. 40 сл.

Дозволено Цензурою. Варшава, 15 Сентября 1883 г.

Digitized by Google

784.49477
P84o

I.

Малорусскія пѣсенныя выраженія мысли „что к чему идет“, „что к чему пристало“, „ровня“.

(Ср. „Хто бы мнѣ знал жену да *супротивную*:
„Да и *станом* мнѣ *ровну́* и *умом сверстну*,
Кир. П. III, 61 et pass.).

Эта и слѣдующія замѣтки вызваны сочиненіемъ Н. Ф. Сумцова „О свадебных обрядах, преимущественно русских“, Харьков 1881, V+206, уже обратившим на себя вниманіе нѣскольких ученых.

Упомянув об умыканьи невѣст „у воды“, автор говорит (l. c. 104—5): В Люцинск. у. Вит. г. раскольники, похитив дѣвушку, объѣзжают с нею три раза вокруг одного большого мѣстнаго озера (Терещ. Б. Р. н. II, 28). В слѣдующей мр. пѣснѣ проглядывает древній обычай совершать бракосочетаніе при водѣ и посредством воды:

Ой у (v. на) полі та озеречко,
Там плавало відеречко,
Сосновоє відеречко, дубовоє денечко!
Ходім повінчаймось, моє сердечко,
Костом. в Бесѣдѣ 1872, V, 102; Метл. 27“.

К такому пониманію этой пѣсни привело автора то, что он упустил из виду обычный поэтическій пріем, состоящій, говоря вообще, в том, что традиціонному поэтиче-

Digitized by Google

скому образу предпосылаются такія черты, неимѣющія с ним внутренней связи, которыя придают этому образу вид непосредственнаго воспріятія дѣйствительности. В частности этот пріем состоит в изображеніи „того пути", первоначально дѣйствительнаго, „которым пѣвец приходит к возможности.. вспомнить" традиціонный образ. Сюда относятся между прочим запѣвы, как: „ой піду я...", „ой зійду я...", „ой стану я...", „ой сяду я..." и подобныя этим начала заговоров, о чем см. мою ст. „Малорусс. н. пѣсня по списку XVI в." Воронеж 1877, 18—20, 24—6, гдѣ (24—5) указана ошибка Аѳанасьева, принявшаго упомянутыя начала заговоров за описаніе обряда, сходная с ошибкою г. Сумцова. К приведенным в моей статьѣ мр. и вр. примѣрам прибавлю еще болгарскій. Дѣло идет об общеславянском древнем образѣ умирающаго воина, лишь затронутом в моих замѣтках „К ист. зв." II, 3 (Сокол и конь), III, 123 сл. К этому образу пѣсня подходит так:

Се качи'ме [1]) тамо горе,
Тамо горе на планинà,
Тамо има [2]) бела чешма [3]),
Чешма има, води нема,
Сал' [4]) ми [5]) има студен камен,
На камену болан юнак... (Веркович, Нар. п. Макед. Буг. 332); юнак просит орлов неклевать ему очей, пока не напишет письма к матери.

Весьма вѣроятно, что в вышеприведенной мр. п. первые два стиха внесены лицом, которое видѣло перед собою или вспоминало только что видѣнное озерцо с плавающим на нем вѣдром. Этот обыкновенный образ удержан и закрѣплен пѣсенью лишь потому, что он приводит на мысль содержаніе третьяго стиха, в символическом значе-

---

[1]) Серб. попесмо се, мы взошли.
[2]) =мр. аж там...
[3]) Фонтан.
[4]) Только, лишь.
[5]) Dat. ethicus.

Digitized by Google

нiи коего дано основанiе присоединенiя к нему 4-го ст. („ходим повiнчаймось“).

Символическое значенiе 3-го ст. („мы пристали друг другу, *как дубовое дно к сосновому вѣдру*“) сходно со слѣдующим: „*нить пристает к чему, свивается с чьм*“ или „паутина повилась по тыну“, лоза (виноградная) вьется по дереву=дѣвица любит такого-то (ровню). К примѣрам, собранным в моем соч. „О нѣкоторых символах в слав. н. поэз.“ X. 1860, 116—22, прибавлю еще слѣдующее:

Сходство значенiй нити, паутины, хмелины, дерева склоняющагося на другое ведет или к переходу одного образа в другой, к варьированью дающему неясные образы, или к тому, что по поводу одного вспоминается другой, к сравненiю прибавляется еще сравненiе. На пр. вполнѣ ясен образ:

Ой бiлая паутина на тин повилася; (=)
(=) Молодая дiвчинонька в козака вдалася;

но в слѣдующем:

Ой тонкая хмелинонька *на яр* повилася;
Молодая дiвчинонька в козака вдалася:
Якi руки, такi ноги, така й головонька;
(по этому)
Як зiйшлися, обнялися—люба й розмовонька
(Укр. п. вид. Баллиноï, 23—4; Чуб. V, 309)

„*на яр*“ (вмѣсто „на тын“, которое дало бы ясный образ), негармонирующее с „повилася“, взято из другого образа: дерево клонится на яр, к другому дереву=дѣвка к парубку, к ровнѣ. Ср.

Зеленая ялиночка на яр подалася;
(вар. Зелёная дубровонька на гай...)
Молодая дiвчинонька в козака вдалася,
Чуб. V, 122—3; Сб. пам. нар. тв. Свз. кр., 133.

Этот случай принадлежит к семейству представленiй *склонности* (в переносном значенiи, т. е. любви, и отсюда соотвѣтствiя, равенства) *наклоненiем* в яр, в долину, по вѣтру вниз:

Digitized by Google

а) Похилився дуб на дуба, гільем на долину;
Ліпше тебе, любцю любью, як мати дитину,
Гол. II, 346, 766; I, 263; Метл 60; Явор, Гол. II, 757; верба, II, 742;

Похилився дуб на дуба, гільём на долинку;
(т. е. я ее люблю, но...)
Ой прийдеся з села пійти через чорнобривку,
Гол. IV, 458.

б) Рубай дерево, куда хилиться;
Віддай, мати, дочку, куда при(й)меться,
Чуб. V, 565; Шейн, Р. н. п., 99;

Рубаю я яворину,
Она паде (наст. вр.) на долину,
Из долини на мураву;
(т. е. люблю тебя и пр.)
Приклонь, мила, свою главу... Гол. II, 552.

в) Туда лози хилилися, куда им похило;
Туда очи дивилися, куда серцю мило,
Гол. II, 340.

Туди лози хилітеся, куди вітер віє;
Туди очка дивітеся, отки любко їде,
Гол. II, 408 (764—6); ср. Метл. 38; Чуб. V, 324.

г) Тече річка по каміню, годї ю сперети (нельзя... остановить);
Міні рибку полюбити, хоть бы умерети,
Гол. II, 742.

Ой вийду я за ворітечка, да рине вода, рине;
Несилуйте мене за нелюба, да нехай же він згине,
Метл. 243.

д) Топилися снїги з гори, на долині стали;
Любилися сиві очи, тепер перестали,
Гол. II, 340, 828.

е) Котилися вози з гори, на долині стали;
Кохалися, любилися, тепер перестали,
Гол. I, 258; II, 344, 401 (727—8); препятствіе в любви: Гол. II, 311, 363, 401; „и не скреба туди, куди люде“: Гол. II, 426 (550).

Digitized by Google

ж) Ой у гору та score можу, у долину рушу;
За челлені чоботятя любити я мушу,
Гол. IV, 513.

Нетороплива любовь:
Ой из гори на долину помаленьку зійду;
„Звари, душко, пироженьків: в вечір до тя прийду,
Гол. II, 283, 363.

Слѣдующая пѣсня Хорватов угорских (Kurelac, Jačke ili n. pěsme... puka Hrvatskoga... na Ugrih, Zagreb 1871. 3), служит примѣром перехода к другим, синонимичным сравненіям, их собиранія и развитія:

„Oј ти вишна, вишница!
„Камо ти се нагнула?
—А ја сам се нагнула
К бору [1]) зеленему.

„А ти млада дївојка,
„К кому си *се привила?*
—А ја сам се привила
К младому јунаку,
Кот [2]) ми се привија
И свила к бумбаку [3]).—
Лїпа ти [4]) је та свила,
Іош је лїпша та мила.
Лїп ти ли је тај бумбак,
Іош је лїпши млад јунак.
Лїпо ти је свилу ткат,
Іош је лїпше с милом спат,
Липо ти је с свилом шит,
Іош је лїпше с милом бит.

Для достиженія правильнаго параллелизма, при котором эта пѣсня могла бы состоять только из двух четверостишій,

---

[1]) К соснѣ.
[2]) Как.
[3]) Шелк к бумагѣ, на пр. при витьѣ шнурка.
[4]) dat. eth.=вѣдь.

Digitized by Google

нужно бы в 6-м ст. этой п. употребить выраженіе из круга человѣческой жизни, как на пр.

Несвивайся (bis) трава с повиликой;
Несвыкайся (bis) [1]) молодец с дѣвицей:
Хорошо было свыкаться, тошно разставаться
(Якушкин, Р. п., 181).

Введеніе новаго сравненія („се привила") в 6-й ст. влечет за собою прибавку стихов 9—10, объясняющих намек. Ст. 10—14 есть величанье, показывающее, что с любовью, представляемою свиваньемъ двух различных нитей, связывается мысль о соотвѣтствіи, согласіи: точка зрѣнія, противоположная той, с которой соединеніе в ткани двух различных веществ есть брак, дающій противоестественную помѣсь (Второзаконіе, XXII, 11; Ген, Культ. растенія и домашн. животн., 256). Ст. 15—8, обобщая величанье, уже необращаясь прямо к величаемым, вносят два новые синонимичные образа: ткать и шить=любить. В варіантѣ той же хорв. п. собиратель отмѣтил два ст.

„Одвиjаш се од рода
Кот китица од бора",

указывающіе на то, что пѣсня — свадебная (ср. серб. свадеб. Кар. I, 34: Одви се Маре од рода...) и вносящіе еще один образ, составленный из черт данных в серб.

„Па се виjе ружа око бора,
Као свила око ките смиља,
Кар. I, 240.

Вышеупомянутый ряд представленій (шелковина—дѣвица, свиванье — любовь, ср. вр. Шейн, Р. н. п., 455, 509) объясняет слѣдующее противоположеніе:

Ай Боже мій милосердний, ти шовкова нитко!
Гей все (всі?) рибки сюда ходят, моеї невидко,
Гол. II, 406.

Возвращаясь к п., послужившей поводом к отступленію, мы видим, что между „сосновеє відеречко, дубовеє денечко" с его значеніем и „ходім повинчаймось" — отно-

---

[1]) *Свыка,* любовь. См. мое Сл. о П. Иг, 49.

Digitized by Google

шеніе основанія и заключенія. В слѣдующем дѣйствительность противорѣчит подобному выводу, и он удерживается в мысли, как основа высказываемаго желанія:

Я по саду ходила,
Цвіт—калину ламала,
Цвіт—калину ламала, до серденька пхала,
Бо-м тяжкий жаль мала.

(Калиновый цвѣт утоляет сердечную скорбь, Костомар. Об ист. зн. р. н. п. 46; а какая это была скорбь, видно из слѣд.:)

Ой сосновоє ушко,
А дубовоє денце

(чего, казалось, недостает для любви и счастья? а между тѣм...);

Чом неговориш, чого загнівався
Мое любоє серце? Гол. III, 297.

... Ой піду-ж бо я, піду
Де з милим сиділа;
(Ой) там була травка, була зелененька,
А тепера почорніла.

(остались одни воспоминанія, неоправдывающія дѣйствительности; ибо)

Ой у полі озерце,
Там плавало відерце:
(Ой) соснові клепки, а дубове денце;
Нецураймося серце!

(Чуб. V, 81; Ср. іb. 256 и 129; всѣ три, особенно послѣдняя представляют болѣе-менѣе неумѣлыя сшивки, с рѣзкими нарушеніями даже внѣшняго единства размѣра).

Дѣвица, невѣста = *сосуд* (чаша, бочка).

а) *Невѣста*=*чаша* [плавающая по меду, Гол. II, 101 (4)]. Вслѣдствіе большой обычности этого образа, он стал запѣвом многих свадебных пѣсень, неимѣющим непосредственнаго отношенія к их содержанію, но представляющим

Digitized by Google

лишь формальное их опредѣленіе; „у тій чашейці солодок медок", Гол. II ,117—127; ср. 531—2; вр. „Чарочка медяная гостей упоила..." Сах, Сказ. р. н., кн. 3, 128—9. Эту чару упускает из рук мать, подхватывает свекровь (Zieńkiewicz, Piosenki gm. ludu Pińsk. 50). Один из случаев глубоко-древняго сходства мотивов свадебных мр. и вр. пѣсень: (сваты)

Мімо сад ехали...
Сад поломілі,
Голубы погонілі,
Золотого кубочка
Коньмі розбілі...

(дѣвица плачет, сваты утѣшают:)

Молодая Ганночка!
Колі будеш наша,
То мы сад посадім,
Голубы принадім,
Золотого кубочка
Медью наладім, Zieńk. l. c. 118—20,

с чѣм ср. в вр. свадебной: сваты „подломили сѣни новые", „раздавили чару золотую", „выпугали соловья из саду". Жених утѣшает: „Я солью тебѣ чару золотую... Я у тебя соловей во саду", Сахар. Сказ. кн. 3, 142—3, 163—4; Шейн, Р. н. п. 454, 461; Колосов, Замѣтки о яз. и нар. п. 50.

б) *Невѣста—бочка меду:*

Мід солодейкий,
Чуп (=чоп, zapfen) коротейкій;
Бочку разрубати,
Меду скоштовати,

Голов. II, 119; IV, 389; Чуб. IV, 422, 442 (NB. воронка, с чѣм ср. Шейн, Р. н. п. 554).

Бр. свадеб.:

Мавіла бочечка
У півницы стаючи:
„Калі мяне невыпьеце,
„Сама выкачусе,

Digitized by Google

„Па дваре разліюсе,
„(   ) крыніцей,
„Сцюдзёней водзіцы *(ей?)*.
Мавіла Агатка
У таткі сядзючи:
„Калі мяне невыдасі,
„Так я сама пайду [1]),
„Па дваре памаленьку іду,
„За варота у грунь пабягу,
Этн. Сб. III 240 [2]).

Отсюда „*зробити на коновку денце*“ — полюбить дѣвицу, при чем, как в слѣдующей п., символизм принимает на себя облик дѣйствительности (ср. выше стр. 210 и мой Разбор Пѣс. Г. и Уг. Руси Головац., 67, 85—6):

Як я взяла коновочку, пішла по водочку,
А там Федор чорнобривий рубит колодочку.
„Зроби мині, Федорику, на коновки денця,
„Сшию я ти ново платье з мого полотеньця.
„Платье буде роскошное, ошийник вишию,
„Лише ти ся непотвори на тоту бестию.

(Гол. II, 426—7, гдѣ 3 двустишія приняты за три коломыйки), т. е. лишь бы ты неполюбил (извѣстной) соперницы.

---

[1]) Ср. серб. *добјеглица*, Кар. Рјечн. s. v.

[2]) Мр. бранное названіе женщины „халява“ („Бахус... Венерю лаяти почав... „Невірна, пакосна халява“, Котл. Эн.), хотя могло бы возникнуть и само по себѣ, находится однако в связи с представленіем женщины бочкою, ибо бочка с вином загадывается так: „стоит голенище, а в голенищѣ суслое масло...“ (Сах. Ск. Р. н., кн. 2, 97; Худяков, Заг. 16), а в мр. „як неспиться, заглянь *у бочку* (т. е. в ближайшем и в дальнѣйшем переносном значеніи, так как бочка — женщина, а затѣм, как предразсудок, и в буквальном смыслѣ) *або в халяву*“. Ср. чеш. предразсудок: „чтоб спалось хорошо—переверни (poklop) два горшка на стол“, Houška Pûvěry 534. Б. м. в связи с этим: „естьли кто из малолѣтних крѣпко спящій испускает урину на постелю, то того сѣкут голенищем, вѣря что оное к прекращенію того великую имѣет силу“, (Чулков) Абевега 156—7.

Digitized by Google

Что пріем в развитіи образа здѣсь дан традиціей, видно из того, что таким же способом из выше разсмотрѣнного круга представленій „вить (сучить) — любить“ выводится: *„зсучи волоки“*—полюби:

Ой вівчарю синетарю (?), ссучи ми волоки!
Будеме ся любовати за чотирі роки.
Ей ссучи їх, ей ссучи їх, лем оби тоненькі;
Будеме ся туловати, хоть їсьме маленькі.
Ей ссучи ми, ей ссучи ми, оби [1]) ся нервали;
Будеме ся туловати, вби [1]) люде незнали,

Гол. III, 240—1.

Т. о. в предыдущей п. (Г. II, 426) любовник — бондарь, как он и назван в слѣдующей, чисто символической:

...Ой бондаре, бондаре, чого в тебе попрошу:
Набий мені коновочку, що я мед—вино ношу,
А я тобі заплачу—сорочку пошию...

Чуб. V, 905.

На ту же тему есть нѣмец. простонародная п., помнится, слишком прозрачная.

Если женщина—вѣдро или бочка, а содержимое—любовь, то течь — невѣрность — от того, что дно неплотно входит в уторы (общеслав. **ж-торъ*, поль. wątor, нарѣзка для дна в ладах или клепках):

Богині в гніві—також баби,
И так же *на утори слаби,* Котл. Эн.

С „вѣдро и дно“ сходны по значенію слѣдующіе образы:

a) *Koła* i *rozwora* (drzewo u spodu wozu, rozszczepione z końca; ср. мр. підтоки, Чуб. VII, 402):

Jaworowe kołka, dębowa rozworka
(Это пара; таким же образом:)
Spodobała mi się Wołasowej córka,

Kolberg, Lud I, 84.

---

[1]) =*Оби,* чтобы.

б) *Сопілка* и *денце:*

Вийди, Грицю, на улицю і ти, коваленку,
Заграй мені в сопілочку зтиха помаленьку.
Сопілочка з калиночки, ясенове денце,

(т. е. как же тебѣ молодцу меня нелюбить, такую хорошую? а впрочем...)

Ой хтож мене неполюбить, рожен ёму в серце,
Чуб. V, 10 (уличная).

Знати мого миленького, що вулицею йде;
Сопілочка, як бджілочка у рученьках гуде [1]).
Сопілочка—як бджілочка, дубовое денце,
(= между нами гармонія, по этому)
Як заграе—заспівае, втишить мое серце
(Ромен. у. уличная).

...Та уже ж мені надокучило та миленького ждучи,
(и потому „мисленьки заносять", ей видится уже, что он „вертаеться з дороги":)

Гей із-за гори із-за кручі скриплять вози йдучи,
Вози скриплять, ярма риплять, воли ремикгають,
По переду мой миленький в сопілочку грае.
(Тут переход к символизму:)
Сопілочка з барвіночка, калинове денце:
(она „грае—вимовляе":)
„Вийди-ж, мила чорнобрива, потіш мое серце!"
Ук. п. вид. Балл. 77 (ср. Кар. Пjес. I, N 352).

Сопілка — милая, барвінок — дѣвственное зелье, калина — любовь, играет—вспоминает, любит. Менѣе послѣдовательный символизм (*оріхове* д.=з ліщини) у Чуб. V, 271:

Що сопілочка з барвіночка, оріхове денце,
Як заграе, як сам знае, болить мое серце.—

Неможет от людей укрыться не только любовь (Серб. п. Кар. Пjес. I, 324 (N 444) и сходная новогреческая), но даже простая привѣтливость дѣвицы:

Їхав козак дорогою: помагай—біг женче!
Вона стала, одказала: „бувай здоров, серце!"

---

[1]) Какое сравненіе!

Digitized by Google

Та вже тая слава по всім світі стала,
Що дівчина козака серденьком назвала.

Можно думать, что в слѣдующем „калина“ и „ліщина“ есть именно „сопілочка з калиночки, оріхове денце, так что, значит, сама любовь „наробила слави“:

Ой калина говорила, ліщина співала,
Що дівчина за миленьким три рази вмлівала,
Гол. II, 775.

в) *Скрипка* и *струны*.

Есть прямыя доказателяства, что скрипка (и гусли, бандура)—дѣвица, женщина, играть—любить. На этом теперь останавливаться небуду. Замѣчу только, что сюда—стих извѣстной п. „Ой за гаем, гаем“: „Та наняла козаченька у скрипочку грати“. Точно так „скрипочка з василечка (барвіночка) а струни із рути (мъяти)“ очевидно может имѣть лишь символическое значеніе (василек—барвинок=козак; рута—мъята=дівка), как выше *дно* и *сопілка*. Игра на такой скрипкѣ—„людьская слава“ (поговір) [1]):

А скрипочки из липочки, а струнви з ліщини [2]):
Як заграе—защебече, чути до дівчини.
А скрипочки из липочки, а струнви з бервінку:
Як заграе защебече, чути на Вкраїнку,
Гол. II, 397;

Ой скрипочки из липочки, а струни з барвінку:
Як заграю заспіваю, чути на зарінку [3]), ib. 252.

Такую игру „далеко чути“; а так как в этом самом или другом сродном кругу представленій сложилась ассоціяція „далеко чути — *неможна забути*“ [Гол. II, 770; ср. ib. 765 (21—4), 767 (33—4)], то игра на скрипкѣ и примѣ-

---

[1]) „Ой непійде дівка заміж без людьскої слави“.

[2]) М. б. взято из другого образа: Сопілка, а денце з ліщини.

[3]) *Рѣнь* („Перуня рѣнь“, Лаврент. и Ипат. л. под 988 г.) нанесенный водою пѣсок, мѣль; нынѣшнее галиц. *рінь*, откуда *за-рінок*.

[3]) См. выше.

няется к случаям, незабвенным по причинам, весьма далеким от любви и ея мирных символов:

...„Ви, молоді новобранці, верніться до дому!“
— —..Ради би сьми ся вернути, цісарь не пускає,
...Сидит собі на креселку, на скрипочках грає,
А скрипочки з василечка, а струни из рути:
Як заграє в Тернополі, на всю Польщу чути,

Гол. III, 99, с чѣм ср. Чуб. V, 969, 1000 (воловий смичок). Он стал незабвенным именно тѣм, что

Седит цісарь на стілчику, вибранчики пише,
Гол. I, 142.

Кровавая дороженька до самого Відня,
А ктож її покровавив?—рекрутоньки бідні.
...Не так цісарь, не так цісарь, як цісарска мати:
Хтіла нами сиротами Польщу (=Турка) звоївати.
Ой скрипочки из липочки, а кілочки з рути:
Як заграют а во Львові, на всю Польщу чути.
А скрипочки из липочки, а струни з барвінку:
Як заграют а во Львові, чути на Вкраїнку,
Гол. III, 111; Чуб. V, 970.

К разъясненію взгляда народа на упомянутое здѣсь явленіе служат пѣсни, в коих упоминается цісарь (Гол. I, 132, 133, 134, 135, 137, 142, 151; II, 298 (285—6), 302, 805 (15, 19), 806—7; III, 111—2, 131; IV, 474), непривычная одежда (ib. I, 143, 145), казарма (ib. I, 150), бѣгство (ib. I, 142, 145); сюда же Зап. ю. з. отд. Геогр. Общ. II, 566—8.

Мнѣніе Н. И. Костомарова относительно образа „скрипочка з василечка и пр.“ см. в Бесѣдѣ 1872, VI, 24—5.

Возвращаясь к вышеупомянутому соч. г. Сумцова и к способам превращенія народнопоэтических образцов в миѳологическіе, этнографическіе факты, замѣчу еще:

Вѣрно то, что „заключеніе брака“ может быть „поставлено в зависимость от сбора пшеницы“ (Сумц. 1. с.

Digitized by Google

66) [1]), но в поль.

Jest pszeniczka, będzie mąka;
Są dziewczątka, będzie żonka

говорится не это, а тоже, что в мр.

Чорна гречка, білі крупи,

т. е. что „з дівки—молодиця", к чему мр. п. прибавляет: тогда

Непопадайсь дівча в руки.

— Может быть и существует вѣрованье, что „молодые оказывают благотворное вліяніе на растительность" (Сумц. ib. 71); но в приводимой в подтвержденіе болг. п.

Кога за Јелка пойдоха,
Вишни—череши цавтеха [2]);
Кога [3]) се с Јелка вернаха [4])
Вишни—череши узрели,

(из Карадж. Безс. Болг. п. II, 16),

а то, что невѣста была „презморка" (за-морянка) и сватам было так далеко ити по невѣсту, что между их отправленіем и возвратом прошло время от цвѣтенья до созрѣнья вишень и пр. Так в серб. п. дѣвица плачет, что отдают ее далеко за-муж. Сноха ее утѣшает: меня-дѣ выдали еще дальше:

Када су мене гледали,
Онда су вишње сађене;
Када су мене просили,
Онда су вишње цватиле;
Када су мене водили,
Онда су вишње зобане,

Кар. П. I, 303; ср. Kurelac Jačke, 295.

— Может быть „свѣча на свадьбах служит знаменіем солнца" (Сумц. 91), но невѣрно и несюда относится то, что будьто „в мр. веснянкѣ перед солнцем и мѣсяцем горят зажженныя свѣчи" (ib. со ссылкою на Костомарова

---

[1]) Ср. на пр. Милод. Бълг. н. п., 482 (566).
[2]) Цвѣли.
[3]) Когда.
[4]) Возвращались.

Digitized by Google

в Бесѣдѣ 1872, IV, 68). Дѣло идет о сравненіях: свѣтел =мил, свѣтлѣе—милѣе (в моем соч. О нѣкотор. симв. 40):

Поставлю я свіченьку напротив місяченька:
Ци буде так ясная, як місяченько ясний?
Поставлю я свекронька напротив батенька:
Ци буде такий милий, як батенько рідний?

Конечно, ни свѣча, ни свекор, не выдержат сравненія, ибо „ставить против“=сравнивать.

— Имѣют ли болг. выраженія „тояга-та ѥ Божо дрвце“, „тояга-та из рай излиза“, Карав. Пам. народн. быта Болг. 137—8, отношеніе к обрядному употребленію палки (Сумц. ib. 95), это еще вопрос. Скорѣе в них говорится о палкѣ, как священном орудіи воспитанія, в духѣ стишков (Красицкаго), которыя до недавняго времени печатались в польских букварях:

Rószczką duch święty dziateczki bić radzi,
Rószczka bynajmniej zdrowiu niezawadzi,
Rószczka napędza rozumu do głowy, etc.

II.

Лелю—полелю, диди—ладо. Г. Сумцов (О свад. обр. 46—8, 64, 67, 71) нетолько вѣрит тому, что с давних пор говорится о миѳологическом значеніи этих слов, но даже нѣсколько расширяет их толкованія: „брак Лады, богини весенняго солнца" и т. п.

1.) Между прочим он говорит: „в польских свадебных п. *встрѣчается Лель* и *Полель,* в русских — только *Лель"* (47). Проф. В. Миллер, один из послѣдних, писавших об этом (Очерки Арійск. Миѳ. Аçвины-Діоскуры, 296), гораздо осторожнѣе. Он приводит, как источник баснословія Стрыйковскаго и автора Синопсиса о Лелѣ и Полелѣ, мѣсто из Кромера De orig. et reb. gest. Polonorum, lib. III, p. 30, изд. 1589: „solitos enim viros et mulieres, senes et juvenes ad lusus et choreas pariter convenire in diebus, quos nos Pentecosten vocamus, eumque coetum *stado,* quasi gregem vel armentum appellatum esse" (ср. смолен. *толпище,* сходки и хороводы на *красной горкѣ,* начиная с Ѳомина воскресенья, когда в пѣснях припѣвают „ой лелю", Терещ. V, 16—7)... Sunt, qui his (diis Polonornm) addunt *Lelum* et *Polelum,* quos in conviviis et compotationibus appellari adhuc audimus, eos que Castorem et Pollucem esse autumant". Проф. В. Миллер думает, что то, „почему боги (?) Лель и Полель стали сыновьями Лады, основано единственно на звуковом сходствѣ Лады с греч. Ледой, матерью Кастора и Поллукеа"; что принятье „*двух* богов братьев основано только на припѣвѣ, lelum—polelum", *якобы* употреблявшемся у Мазуров и Поляков, но, на сколько нам извѣстны припѣвы славянских пѣсень, в послѣдних можно указать только Леля" (ib. 322).

Мнѣ же кажется, что и этого указать нельзя и что Лель, как имя божества, навязаннаго безвкусицею XVIII в.

Digitized by Google

даже Пушкину (вмѣстѣ с Харитами и пр.), есть не факт, а очень шаткая догадка. Кромерово „addunt Lelum et Polelum“, как винит. от латинизованнаго именительнаго Lelus, Polelus, ближайшим образом предполагает не Лель, Полель, а лишь восклицаніе „лелю—полелю“. Лишь с меньшею вѣроятностью, на основаніи выраженія Стрыйковскаго „подпѣвши восклицают лелюм — полелюм“ (В. Милл. l. c. 295) можно допустить, что кромѣ припѣва *лелю* был и *лелюм*, составленный из перваго и сокращеннаго *-м* из dat. eth. *ми* (ср. припѣв *ели-м* я ладу, Безс. Бр. п. 154 и мр. „що-м (из *ми*) же то за соколічок“, Zieńk. P. l. Pińsk. 104; уже в концѣ Ипатьев. сп. лѣт.[2] „от брата-*ть* ото Лва“, 600; абы-*мь* вѣдомо было, 611).

Примѣром того, как возникают учоныя сказки, может служить слѣдующее. Вуйцицкій (P. l. II, 129) свидѣтельствует, что над Бугом, при выѣздѣ молодых в церковь, поют:

Ей розлейся (е=и?) *Полелю* по бору по кореню;
Ой розплачся, Ганулю, перед родним батеньком,

и замѣчает по этому поводу: „Rozléj się!“ przekleństwo powszechnie (?!) używane = żebyś zmarniał, zniszczał. Niedziwujmy się, iż w téj pieśni znajdujemy przekleństwo na Polela: jest to dowodem, iż istotnie z dawnych wieków pochodzi. Ze zmianą zakonu, i pieśni też z przeciągiem czasu zmieniano..... Gdy za słowiańszczyzny przedchrześciańskiéj używano pomocy Polela na obrzędach weselnych i przy radośnych biesiadach, potem umieszczono przekleństwo, nieoddalając go wszakże z pieśni weselnej“.

И все это, я думаю, по пусту, ибо на основаніи обычнаго и весьма древняго представленія горя и слезъ разливом (мое Сл. о П. Иг. 73—6; разбор Нар. п. Гал. и Уг. Р. Головац., 86—8) и на основаніи сравненія приведеннаго выше двустишія с бр.:

(Ой) разлійся, *вадзіца* а па лугу, па даліне...;
(Ой) разплачся, Ганулька, па раду, па племяні,
Шейн, Бр. п. 199;

считаю нужным читать, вм. „Полелю“,

Ей розлийся, *полóю*, по бору, по кореню“.

У Даля *по-лой*, поемное мѣсто и разлив; мр. *полій*, род. зв. *полою*, вода выступившая по-верх льда; серб. *полоj*, мѣль и поемное мѣсто. Таким же образом от другого, сродного корня, болг. *порой*, поток (или разлив? Миладин. Бълг. н. п., 104).

„*Полелю*“, хотя б. м. никогда невходило в состав, пѣсеннаго припѣва, хотя б. м. никогда ни для кого, кромѣ учоных, неозначало божества, непохоже однако на выдуманное слово. Относительно его происхожденія предлагаю такую догадку:

Для выраженія многократнаго, частаго, послѣдовательнаго повторенія дѣйствія служит между прочим не только повтореніе глагольнаго междометія и глагола без союза и с ним [мр. тупу—тупý!; шупу—шупу! (=вр. шушý); як туп, так туп; ходить та й ходить, як ходить, так ходить], но и оборот, в коем на втором мѣстѣ ставится глагол с предлогом *по* (=послѣдовательность во времени). Болѣе архаично здѣсь употребленіе глагола в одной и тойже формѣ (мр. ходить—походить, болг. расла—порасла); новѣе—усиленіе степени длительности второго глагола: мр. ходить—похожає, вр. ходит—похаживает. С тѣм же предлогом и значеніем ставится и глагольное междометіе, на пр. в мр. анекдотѣ про Литвина: „ён мене кеды-некеды (изрѣдка) абухом, а я яго *шастý-пашастý* (часто) кашелём“ (Ном. 16). Таким же образом для выраженія частаго повторенія припѣва *лелю!* (а м. б. и *лелю-м*) могла сложиться поговорка *лелю — полелю*. Ср. „*lelum — polelum*, fistum pofistum, verba effutitia, Rysiński, Przypowieści Polskie, у Линде s. v.

Если это так, то осталось бы отыскивать значеніе одного только припѣва „*лелю*“, который в этой или сходной звуковой формѣ встрѣчается в весенних пѣснях, имѣющих, по видимому, отношеніе к совершившемуся или предстоящему браку. а) Молодым на третій день свадьбы и потом, когда опи катаются на масляницѣ, кричат „о лелю, моло-

Digitized by Google

дые“, Дїев обыч. нерехотск. Чт. в Об. И. и др. 1846, II, 26. б) В пѣснѣ, сопровождающей „вьюнец (вьюнишник, вьюнитство, см. мое соч. К ист. зв., II, 11)“, обряд совершаемый в Суботу на Святой (Даль) или в воскресенье на Ѳоминой (одновременно с вр. Радуницею и серб. дружичало) и состоящій в привѣтствіи молодым в первую весну послѣ их брака, Терещ. V, 16—7. Ни из чего невидно, чтобы в этой пѣснѣ:

Ой лелю, молодая, о лелю,
Ты вьюная, о лелю,
Ты по горницѣ пройди, о лелю,
Покажи свое лицо, о лелю, и пр.

„Лелю“ имѣло смысл ласкательнаго слова, обращеннаго к молодой (Сумц. 1. с. 47). в) М. б. в связи с „вьюнцем“ припѣв вр. лѣтней, хороводной пѣсни о выборѣ молодцом дѣвицы:

Вью, вью, вью, лелю!

(из Прача Терещ. IV, 216; таже п. с припѣвом „лели“, Сах. 3, 45, „лелё“ ib. 70). Подобные припѣвы (лели, люли, люлюши) часты в вр. хороводных. Мр. п. с припѣвом „люлюшки-люли“ (Черниг., Метл. 295) — заимствована из вр. г) В серб. „кралицких“ пѣснях (Троицких), величальных, имѣющих отношеніе к браку:

Овде нама кажу, лељо,
Мому неудату з, лељо.
Ја л' је ви удајте,
Ја л' је нама дајте, лелё,
Да је ми удамо

(Карадж. Рјечн. Краљице; „леља-ле“ ib. s. v.; Карадж. Пјесме I, 97—116; Милићевић, Живот срба, Гласник V (XXII), 100). д) В болг. великодной („леле“), Каравелов, Пам. н. б. 214) и Лазарской:

„Леле, леле, Лазара, о Лазаре!

Миладин. 493. е) Припѣв нѣкоторых мр. колядок „лелія“ (на пр. Гол. II, 33; IV, 50—1) можно разсматривать, как видоизмѣненіе того же „лелю“ под вліяніем христіянскаго „алилуя“ („гей, гей, лелія“ в колядкѣ о Рождествѣ Х.,

Digitized by Google

Гол. IV, 31;

Алилуй, гей алилуй,
Господи Боже, помилуй!

в колядкѣ Господарю, Гол. II, 3, 8—9). Сюда же, по видимому, припѣв литовской великодной пѣсни, по размѣру и содержанію равной мр. щедровкам: Łábas wákars, pon gaspádor, Vaj łáłu, łáłu, łáłu, pon gaspador и пр., откуда *lalûti* пѣть такія пѣсни, *łałauninks*, волочобник, A. Juškevič, Liétuviškos dajnos, I, 301.

От этого „лелю" слѣдует отличать междометіе: мр. леле, лелечко! (горе! бѣда!); серб. леле мене до Бога jеднога! леле мени! куку леле! (vae mihi); болг. о лелѣ, id. В этом смыслѣ в болг. п.:

Заплакала ми голѣма нива...:
Оф леле, Боже! оф мили Боже!

(Милад. 504), точно так, как в „леле майко", ib. 134, а никак не в том, что „леле" есть эпитет к „Боже" (ср. В. Миллер, Оч. Ар. миѳ. 322).

Вот все болѣе-менѣе достовѣрное, что можно сказать теперь о припѣвѣ „лелю". Нельзя утверждать, что упомянутое выше мр. серб. болг. междометіе *леле!* возникло из *лелю*, хотя это и возможно, в виду того, что припѣв болг. лазариц „леле", по видимому тождествен с „лелю". Нельзя утверждать, на вѣрно, и того, что *„лелю"* образовано как междометія „тупу", „шушу", ни того, что оно есть звательный м. р. имени с темою на *у* (как сыну, раю), при именит. *лель*, которое наши предшественники слишком поспѣщно возвели в значеніе собственнаго имени божества брака, солнца и пр. Конечно, в пользу того, что *лелю* есть зват. можно привести слѣдующее сравненіе:

Диди в припѣвѣ *диди ладо*, о коем—ниже, могло бы быть звательным от темы на *и* (и=литов. ё: господи=лит. зв. vёszpatё от vёszpat(i)s; ср. Mikl. Gr. III², 3). Относительно значенія уже с давних пор сравнивают лит. *didis* великій и *dёdas, дѣдъ* [между прочим, Соловьев, Ист. Р. I¹, 65: дид (дѣд) Ладо, т. к. Русскіе назывались внуками Дажьбога]. Каково бы ни было в частностях отношеніе

Digitized by Google

didis к *дѣд* (П. Лавровскій, Корен. знач. в назв. родства, 32—3, „в противность Гильфердингу" полагает, что не *dëdas* получило значеніе от *didis*, а на оборот), слова эти сродны.

Подобно этому *лелю* (собств. *лѣлю*) сближают с лотыш. *lêls* великій (лит. *leilas*, тонкій и высокій, о людях; изношонный, истертый, о вещах), а то и другое с ц. сл. *лѣля*, болг. *lelê*, тетка, рум. *лѣле*, старшая сестра, алб. *ljaljъ*, отец, старшій брат, древан. nos lgölga (=nos lela), наш дѣд (о Богѣ), Соловьев, Ист. Р. I, Прим. I, 77 со ссылкою на Добровскаго Slovanka I, 13; Mikl. Lex. *лѣля*.

Тот, кто бы захотѣл видѣт в припѣвах *диди* и *лелю* значеніе „дѣд", „дядя" и т. п., мог бы вспомнить, что как в извѣстной весенней хороводной пѣснѣ „сѣянье проса"—припѣв „диди ладо", так в сродной словацкой, хорв. моравской (мощенье золотого моста, выдача дѣвицы за проѣзд через него, Sbornik Matice Sloven. I, 144; Kurelac, Jačke 293; Hanuš, Bajeslovný kalendař 154; Sušil, Mor. p. 730) есть припѣв „Hoja, duňďa (djundja, морав. jajunda), hoja!", в коем среднее слово напоминает серб. *дундо*, дядя. У Гуцулов к отцу (дядику) обращаются называя его *лєлю*, Гол. II, 130; *лєльку*, Голов. IV, 347, 353. Имѣет ли *диди* какое либо отношеніе к припѣву серб. додольских п. „Oj додо ле, мој Боже ле!" Кар. Пjec. I, 111, не ясно.

Все это имѣет лишь слабую степень вѣроятности. Весьма много сомнительнаго и в слѣдующем мнѣніи В. Миллера:

„Корень припѣва *леле* конечно (?) тот-же, что в... *лелѣять*, и соотвѣтствует инд. *лал-*, играть, шутить, causativ. *лâлај*-ласкать; от этого корня происходят слова: *лалана-*, играющій (про игру свѣта), *лаланâ*, женщина, супруга, *лалана-м* игра, *лалата* игривый милый, и наши *лёля* (владим.) крестный отец и крестная мать, *ляля* (?лёля), дѣтская рубашечка (кур. и бр.), ц.-сл. *лѣля* тетка... *Тот же* корень с гласным *у*, *лул-* имѣет болѣе конкретное и потому первоначальное значеніе двигаться, колы-

Digitized by Google

хаться, откуда скр. *лола* подвижной, *лôлата* сладострастіе. Ср. наше *люлька* колыбель и припѣв *люли*. И так оба... припѣва *леле (лелю)* и *люли* восходят к древнему глагольному корню, и уже потому не могут считаться звуками, лишенными всякаго значенія. Этот корень выражал понятіе любви физической и нравственной и слова *лель* и *леля* означали первоначально приблизительно тоже, что *Ладъ* и *Лада*" (Оч. Арійск. миѳ. I, 323). Прежде всего считаю невозможным заключеніе: в производных словах встрѣчается значеніе любви, *слѣдовательно* это значеніе заключено было в корнѣ (ср. мое соч. Из запис. по Русс. Гр. I, 21 сл.). В частности это противорѣчит данным, ибо ни скр. *лалати*, шутит, играет, ни скр. *лôлати*, движется, волнуется, никакой любви неозначают. Поэтому, чтобы сдѣлать вѣроятным, что *лелю* и *люли* имѣют какое либо отношеніе к любви, нужно было бы приурочить их к производным, притом славянским словам с этим значеніем, что едвали может быть сдѣлано. Невидно также достаточных основаній для сближеній: а) *лелѣяти* и названій старших родственников (*лѣля* и пр.; ср. выше сближеніе с лотыш. *lêls*); б) *лелѣять* и *лелю*. Впрочем семейства *лел-* и *люл-* дѣйствительно сходны [1]).

---

[1]) *Лелѣяти* (и *-ся*), волновать(ся), качать на руках (дитя) и отсюда—воспитывать; блестѣть, я сблизил с скр. интенсивным от *лӣ*, *лêлâјати*, колеблется, качается, дрожит (Сл. о П. Иг. 95—7), то есть отнес *ѣ* к корню, как в *лѣ-ють*. Но т. к. слав. *е* предполагает в скр. не *ê*, а *а*, и т. к. есть мр. (галиц.) формы *лелiти*, кучерi *лелiли*: то лучше дѣлить *лѣл-ѣ-яти*, сближая это слово по корню с скр. *лал-а-ти* шутит, играет, причинн. *лâлаjати*, ласкает и пр., как это сдѣлано в Словарѣ Бетлинга и Рота. Сюда же вр. *лелякать* лалыкать, говорить по дѣтски, *л* вм. *р* (скр. *лал-анâ*, язык, от движенія его) и вр. мр. поль. *ляля*, кукла, ребенок.

Русс. *люлю* и *люли* припѣв при убаюкиваньи ребенка, *люляти* (мр., Метл. 2), *люлюкать* укачивать дитя, *люлька* колыбель и соотвѣтственныя слова с тѣм же значеніем во всѣх славянских нарѣчіях имѣют при себѣ: литов. *lul-éti* волноваться (о морѣ), дрожать (о жирѣ на тѣлѣ), *luloti* качаться на качели

Digitized by Google

2.) В. Миллер (Оч. и пр. 318), ссылаясь на Аѳанасьева (П. В. I, 227), находит, что нужно быть слишком недовѣрчивым, чтобы сомнѣваться о существованіи славянской богини Лады, соотвѣтствующей Фреѣ, Афродитѣ, Венерѣ. Так думали и прежде (Hanuš, Bajesl. kalendař, 154).

Однако:

а) В Mater verborum глоссы „*Lada*, Venus, dea libidinis“, равно как „*Priye*, Afrodis, venus“ суть поддѣлки (A. Patera, České glossy v „Mater verborum, Praha, 1877, 38, 45).

б) Измышлены каким либо ревнителем языческаго благочестія литов. пѣсни у Нарбута и др. с обращеніями: „Lado, Lado, didie musu dewe“ „Lado, Lado saule“ (у Терещ. VI, 143. Ср. также сомнѣнія у В. Миллера l. c.

или доскѣ, плыть качаясь, *lulynas* засохшее сверху зыбучее болото (ср. вр. зыбун, зыбень, шатун, трясина); лот. *lôlôt*, *lôlovêt*, качать, убаюкивать, (нѣм. *einlullen*), *lulôt* баловать (сюда ли лат. *laulat* соединять браком, *lauliba*, брак,—сомнительно); скр. *лул-*, *лôлати*, приводить в движеніе, волновать (perturbare mentem); *лôла-* безпокойный, и отсюда жадный до чего („що аж труситься“). Сюда же непосредственно или, через латин. *lolium* (*o* из *au*, как в *lotum—lautum*), нѣм. *lolch*, относятся слав. названія разных ядовитых растеній, как причиняющих головокруженіе, опьяненіе, обморок (=вр. шат): поль. *lulek*, hyosciamus, чеш. *lilek* id. et solanum, lolium temulentum, *lulík* atropa belladonna и пр.; серб. љуљ (в черн. горѣ *врат*) в пшеницѣ, по видимому, не куколь, а головня; хорут. *ljulj*, lolium.—Форма *люли*! (=баю!) могла бы быть понята как повелительное наклоненіе, несомнѣнное в подобном по значенію и б. м. сродном чеш. *nynej!*, поль. *nynaj*, dziecię moje!, серб. *нинај*, злато моје (спи!). Вр. припѣв разгульных пѣсень *люлú* мог бы быть отнесен сюда же на основаніи сравненія лотыш. *lîgo!* (припѣв купальских пѣсень, радостное восклицаніе) с *lîgôt*, качаться, пѣть купальскія пѣсни, литов. *lingot*, качаться.

Со всѣм этим, само собою, неслѣдует смѣшивать поздняго заимствованія от восточных народов: серб. *лула*, мр. *люлька*, курительная трубка (собств. чубук). Персид. *лӯле*, труба, качубук (Матер. для Сравн. Слов. I, 87, 326).

Digitized by Google

319). Замѣчу по поводу отождествленія здѣсь Лады с солнцем, что купальскія пѣсни с припѣвом „сонейко“ (Шейн Бр. п. 154, из Сб. Чечота), вѣроятно, тоже поддѣлка.

в) Незаслуживают довѣрія два стиха:

Ой Ладо, Ладо, богинё!
За што си тако чинила...,

записанные Коравеловым (Пам. н. б. Болг., 204) от нѣкоего Караконова. Или же „богинё“ есть имя дѣвицы, к которой обращена пѣсня, и в таком случаѣ „ладо“ неимѣет отношенія к этому имени.

г) Явная поддѣлка, основанная на другой теоріи, хорв. п. (см. Аѳ. П. В. I, 229):

Lepi Ive terga rože
Tebi, Lado, sveti bože.
Lado, slušaj nas, Lado!

д) Недостовѣрно, что в вр. п. (Аѳ. ib. 218 со ссылкой на Костомар. Слав. Миѳ. 27, 74) стояло *лада*, а не „*ладо*“ и чтобы „мати“ относилось не к матери поющей дѣвицы, а к богинѣ Ладѣ:

Благослови, мати, весну закликати,
Ой мати, лада, мати, весну закликати.

За тѣм остается достовѣрным только то, что припѣв *ладо* и т. п. встрѣчается в пѣснях весенних, лѣтних и свадебных:

а) В пѣснѣ, упомянутой выше под д), „закликанье весны“. Пѣсня с подобным началом — и перед завиваньем вѣнков в Семик:

Благослови Тройца, Богородица
Нам вѣнки завивать, вѣнок сплести,
Ай дид, ой ладо! Тер. VI, 159.

б) В „приглашеніи парней в хоровод“, Терещ. IV, 140. Припѣв — „диди-лади, диди ладушки“. Отношеніе пѣсни к предстоящему браку видно из того, что здѣсь соколы и лебеди (парни и дѣвки)

Собиралися всѣ на единой на точек
Между собой та(о?)ковалися,
Всѣ по парѣ разбиралися,

Digitized by Google

Они думали гадали,
Как гнѣздушка собирать будем...

Дальше пѣсня внушает сомнѣнія. И приведенные стихи в формальном отношеніи невполнѣ удовлетворительны; но мнѣ кажется весьма архаичным то, что игрище названо *током*, игра—*токованьем*. Об этимологическом значеніи слов *ток* и *гумно* (собств. δρόμος, от молотьбы скотом или лошадьми), см. мое К ист. зв. III, 29. К сказанному там прибавлю, что потерянное в нынѣшнем языкѣ значеніе утолоченнаго игрища [„видим бо игрища утолочена и людій много множьство, яки упихати начнуть другъ друга (ср. выше *толпище*, игра, собств. мѣсто гдѣ толпа)... а церкви стоять“ (заростъше), Лавр². 166, под 1068; Ефр. Сир. по сп. XIV в., Вост. Слов. подъ утлачити] в словѣ *ток*' мнѣ кажется, засвидѣтельствовано переходом этого слова к птичьим любовным игрищам, к тетеревиному *току* („в лѣсу на прогалинѣ, гдѣ вся трава вытолочена“), точку стрепета (на степи гладко вытоптанный кружок) и *токованью* (Даль s. v.). Т. о. я думаю, что значеніе птичьяго тока (в см. дѣйствія и мѣста) и токованья — не первообразны (как у Даля) и что основаніем для такого значенія послужило не только сходство птичьяго тока с гумном, но и то, что в старину—игрищами были именно токи, которые могли находиться „межю селы“ (Лавр². 13), т. е. между полями (см. мою статью Село, деревня, Русс. Фил. В. 1881, I, pass et 149), так как хлѣб мог обмолачиваться на мѣстѣ. То, что в Черной горѣ *гумно* есть по большей части вмѣстѣ и игрище для молодых, мѣсто сходок для стариков, может, стало быть, зависѣть не от одних тамошних мѣстных условій (избы стоят нерѣдко на кручах и подлѣ них *нѣгдѣ* водить кола), но и от древняго обычая, существовавшаго и на равнинах.

в) В хороводной весенней п. „сѣянье проса“. Припѣв: „Ой диди ладу“, Терещ. V, 19; диди ладо, диди ла*да*, диди ла ой, Терещ. IV, 305—8; Ой дид ладо, Сахар. Сказ., кн. 3, 27; Гуляев, Оч. Ю. Сиб., 73; без припѣва,

Шейн Вр. п., 201 (N 147); „Ой диди, калинка моя, Ой ладо, малинка моя“, Сах. ib. 46.

Из „диди—ладо“, понятого как „дид *и* ладо“ возникла подделка „Ой дид *со* Ладой“, Сах. ib., 47. В такой же мр. п.—„Ой дід ладо“ (Чуб. III, 66), „Ой ми з ладом“ (ib. 67), „Та й у лад ладом“ (Лубны, Метл. 297). У Wacł. z Oleska 53 — „Ой дід лада“, но пѣсня с великоруссизмами.

Сюда же вр. п. о сѣяньи льну („Ой дид, ой лада“, Терещ. IV, 196). О значеніи этих пѣсень и их связи с нѣкоторыми другими, тоже иногда с припѣвом „ладо“, будет сказано особо.

г) В трех различных свадебных пѣснях, весьма прозрачно указывающих на любовь и брак у Кохановской, Остатки бояр. пѣс., Русс. Бес. 1860, II, 75, 83, 98: „Ладо, ладо, ладо мое“ и „ладо—ладо“.

д) В вр. весен., хоров. о борьбѣ молодца с дѣвицей, Терещ. VI, 158, с искаженіями записывателей. („Ой дид ладо“).

е) Вр. хоров.

Репей стелется, разстилается,
Ой дид мой репей,
Ой лада, молода,
Да небыть репью с тыном ровну,
Да небыть свекру супротив батюшки моего,

(свекрови — против матушки, небыть ладу (будущ. мужу) против братцев), Тер. IV. 218. Ср. вышеприведенную мр. свадебную п. „поставлю свіченьку напротив місяченька“.

ж) Вр. хоров. „пиво варить“. Припѣв Ладо мое, ладо, Тер. IV, 297; Сах. Ск. 3, 48; Ладо (ter), Гул. Оч. Ю. Сиб. 84; „млада“, Колосов, Замѣтки, 164; Шейн Р. н. п., 122, 172. Пиво варить=сынов женить, горѣлку гнать= дочек давать, Этн. Сб. III, 213.

з.) Вр. хоров. „за кого ити за муж?“, Сахар. Ск. кн. 3, 31, 51. Припѣв „диди, калина моя, диди малина моя“ и „лели, лели“. Ср. мр. весеньнія игровыя сходнаго содержанія: Žeg. P. I, 23 = Чуб. III, 35—6; Гол. II, 687;

Digitized by Google

IV 168, 179, 182, 184 сл.; Зоря Галиц. 1860 г., 515—7.

и) Вр. вечериночная, при игрѣ в фанты:

Сидит, сидит ящер [1])
Ой диди, ой ладо!
На золотѣ стулѣ,
Грызет, грызет ящер
Орѣховы ядра
(Гул. Оч. Юж. Сиб., 86) [2]).

Это—„выбор невѣсты“. Пѣсня обращена к тому же молодцу, сидящему в кругу дѣвиц и ловящему одну из них

---

[1]) *Ящ-ер, я́щ-ур* (т. е. *-ер* суффикс, в коем *е* через *о* переходит в *у*, как ящерица, мр. я́щурка, зна́хурка из -арка, -орка, мачуха из -еха, -оха, так что нѣт нужды предполагать сближенія со *щур*, в коем *у*—коренное), 1) вр. род мыши, myoxus avellanarius, с чѣм ср. скр. *âkh-ý*, м. р. мышь, крыса, у Вильсона (у Б. Р.) и graber, spaten (по Б. Р. из предл. *â* и *khan* — рыть, по другим — *â·kh-y*, при чем *kh'* — из **ска*, рыть); 2) ящерица и (чеш. слов. jašter, поль. jaszczur, влуж. ješčer'), змѣя (vipera) при чем та и другая представляется зубатым, ядовитым и злобным животным; 3) отсюда русс. *-ур*, серб. *-ерица*, род болѣзни языка у людей (серб.) и скота (русс.), подобно тому, как названіе горловой болѣзни *жаба* предполагает представленіе жабы зубатою (мое соч. О миѳ. зн. нѣкр. обр., 200). Отношеніе ф. *ящер* к серб. болг. *гуштер*, ящерица, неясно.

[2]) На основаніи сходства размѣра, можно отнести сюда же хорватскую (около Вараждина) п., о примѣненіи которой впрочем свѣдѣній неимѣется:

Чук (род совы) седи, чук седи
На боровом трчку,
Сам седи, сам седи,
Сам девојку сноби:
„Ојди сем, ојди сем
Дјевојчица млада!“
—Нејдем ти, нејдем ти,
Да ме мајка кара.—
„Че бош ти, че бош ти
„Мајку послушала,
„Кесно бош, кесно бош
„Својим љубим спала“.
(Plohl-Herdvigov, Hrv. nar. pjes. 31.

или собирающему с них фанты, который в другой пѣснѣ при этой же игрѣ представлен оленем (Гуляев ib.) или селезнем [Сах. Ск., кн. 3, 37 (33)]. При такой же мр. весенней игрѣ поют:

Сиди, сиди, ящуре, горохьяный вінку,
Піймай собі жінку, як перепілку
(Чуб. III, 96);
Ходит *качор* (селезень) в гороховім вінку,
Вибирай си, качорику, що найкрасшу дівку
(Зоря Гал. 1860, 517 = Гол. II, 689).

i) От части и я виновен в том, что В. Миллер (Оч. 319), ссылаясь на ниже приводимое мѣсто из Терещенка и на меня, неосмотрительно повторившаго это мѣсто, представляет как факт: „у Славян празднованіе Лады пріурочивалось к лѣтнему времени“. Терещ. VI, 48, говорит: „нѣкоторые утверждают, что в день Св. Петра солнце на восходѣ играет радугами. Чтобы видѣть это многіе восходят на гору... и едва (солнце) появится *привѣтствуют его* хором:

Ой ладо, ой ладо! *на курганѣ*
Соловей гнѣздо совивает,
А иволга развивает.
Хоть ты вей — невей, соловей
Небыть твоему гнѣзду совитому,
Небыть иволги дѣтям вывожатым...“

Я думаю, что здѣсь соловей и иволга тоже, что в свадебных и др. п. сокол и галка, что в мр. веснянкѣ соловей и галка:

Ой там *на горі* дим—не дим (=диво):
Там соловейко гніздо звив
Да всю ніченьку невсипав
Собі галочку прикликав:
„Ой чи будеш ти, галочко
„Моїм діткам маткою?=
... = Ой чи будеш ти (дівчино) жоною,
Моїм діточкам слугою, Чуб. III, 138, 177.

В вр. петровочной иволга (=дѣвица) развивает гнѣздо,

Digitized by Google

нехочет еще быть дѣтям матерью, что согласно с общим содержаніем веснянок [1]). Таким образом пѣсня неимѣет прямого отношенія ко встрѣчѣ солнца. Припѣв связан с нею, как и с другими весенними, и неможет считаться привѣтствіем солнцу.

к) Мр. „гаївка“:

Ой діді (дід і), діді ладо:
Жона мужа била,
На добре учила, ой д...
Повідж, мужу, правду,
Як старі діди скачут?

(далѣе: „як баби, парубки, дівоньки...“)

Žeg. P. I, 16=Гол. IV, 163.

...Ой дід, дід та й ладо!
Ти повідай кізле правду,
Як паняночки (et c.) скачут?

Гол. II, 181; Чуб. III, 89.

По содержанію эта п. стоит в длинном ряду веснянок на тему „величанье дѣвиц, насмѣшки над парубками, бабами и пр.“ По началу ср. веснянку:

Кібчику та горобчику!
Скажи мені усю правдочку:
Кому воля, кому неволя?
—Що дівочкам уся воленька...
...А жіночкам та неволенька,

Чуб. III, 58—9 (отрывок у Гол. II, 684); сродная вр. хоровод. у Сах. Ск. кн, 3, 33 (21), 56 (1 и 2).

л) Как в Сарат. г. говорят „давайте *дидикать*“, т. е. играть хороводныя п., от припѣва *диди* (Терещ. IV, 219); так в серб.-хорв. припѣв *ладо* в весенних пѣснях дал производныя: *ладати* (у Хорв. около Карловца): дѣви-

---

[1]) Ср. весеннюю:

Зазуля куе, льецечко чуе,
Ой рано, рано! льецечко чуе,
Марыся плаче, *замуж нехоче*...

Заблудовье, Этн. сб. III, 92.

Digitized by Google

цы римско-катол. закона, украшенныя вѣнцами, ходят в селах на кануне Юрьева дня (22 Апр.), а в городѣ на Юрьев день утром от дома к дому и поют. *Ладавица, ладарица* — „дјевојка која лада“ (Кар. Рјечн.). Кукулевич прибавляет, что „пјесме ладарске“ поются от Юрьева до Иванова дня и приводит их нѣсколько, почти всѣ величальныя (Kukuljević, Djela, IV, 249 сл.), по размѣру большею частью тождественныя с пѣснью, которую Катанчич (1750—1825) слышал в молодости:

Три девојке жито желе,
Ладе ми, ладе миле, ладе мой!

(ссылку у Žeg. P. P. R. I, 16).

Это *ладе ми* б. м. объясняет вышеупомянутые мр. *ладо-м* и вр. *м-ладо* (из ладо-ми, ладо), согласно с предположенным выше *лелю-м*. Сюда же — „пјесме од коледована“, записанныя и у Самцу и Крушевици, Славон. крајине:

...Ми идемо, љељо!
Ми идемо, краљу, љељо!
Сад пред бјеле, љељо!
Сад пред бјеле дворе, љељо!
Добра господара,
Ладо ле миле, љељо ој!
И носимо, љ., и носимо, кр. љ.
Бјелом двору, љ., бјелом двору, кр. љ.
Здравље и весеље, ладо и пр.

—

Молимо се, ладо!
Молимо се вишњем Богу, ој ладо, ој!

(и далѣе с такими же припѣвами:)

Да попухне тихи вјетер,
Да удари росна киша,
Да пороси наши пола
И травицу мекушицу,
Угоје се наши стада...

—

Тогда же (на Рождество?):

Дај нам, Боже, коледо, добру пашу, коледо,

Digitized by Google

За кравице, к., за овчице, к.
Да нам даду, к., шатре млика, к.
Да можемо, к., окупати, к.
Младог Бога, к., и божића, к.

—

Ми идемо, *коледо*, ми идемо, *коледари*,
Од истока до запада
И носимо вашим горам
И нивами плодно лето,
Вашем дому здравље срећу
и весеље,
Вашим стадам добре паше,
Вашим нивам тежно класје.

(M. Stojanović, Pučke pripov. i pjesme, Zagr. 1867, 277 сл.).

м) „Ладе ладо" в болг. п. в началѣ весны (Карав. 190) и в весенней, Лазарской, на тему „дочь дороже отцу добытка" (ib. 204).

н) В мр. (галиц.) *ладканя* вообще свадебныя пѣсни, *ладкати* пѣть их (Гол. IV, Распредѣл. и оглавл. 8 et pass), хотя мр. свадебных пѣсень с припѣвом „ладо" сохранилось чрезвычайно мало: одна („ладі, ладі") у Чуб. IV, 74 (из сб. П. А. Кулиша), другая, сообщенная мнѣ г. Халанским [1]).

---

[1]) Ой під дубом, під зеленим,
Ой під листом, під широким
Там староста траву косе,
А сванечка на віз носе,
На віз носе, коня просе:
„Ой їж, коню, наїдайся,
„Ой пий, коню, напивайся!
„Буть тобі, коню, у-вобозі,
„У-вобозі, в важкому возі,
Під молодою сванечкою,
Ладо, ладо, ладо, ладо,
Під молодою сванечкою.
(Любимовка, Рыльск. у., Кур. г.).

Отсюда, по видимому, заимствована (а не на оборот) вр. свад. п. Староос. у. Кур. г. (Коханов., Нѣск. р. п. Р. Бѣс. 1860, I, 77)

Digitized by Google

Это свидѣтельство языка дает возможность выдѣлить достовѣрное из учонаго баснословія в извѣстном мѣстѣ Густинской лѣтописи: „Ладо (си есть Pluton), богъ пекельный. Сего вѣрили быти богомъ женитвы, веселія, утѣшенія и всякаго благополучія, яко же Еллины Бахуса. Сему жертвы приношаху хотящіи женитися, дабы его помощію бракъ добрый и любовный былъ. Сего Ладона бѣса по нѣкакихъ странахъ и *донынѣ на крестинахъ и на брацѣхъ* величаютъ, поюще своя нѣкія пѣсни, *руками о руки* или *о столъ плещуще, „ладо, ладо“ припѣтающе,* пѣсни своя многажды поминают“ (П. с. лѣт., II, 257). Т. к. купальскія пѣсни составляют с весенними один ряд, то вѣроятно, что ночное „плесканіе“ на игрищѣ 23 Іюня, упоминаемое в посланіи игум. Памфила (1505) и в стоглавѣ („нощное плещеваніе“, „в троицкую суботу... плясати и в долони бити“) (Аѳ. П. В. I, 444) сопровождало именно припѣв „ладо“. Отсюда мр. *ладки, ладусі* (Чуб. IV, 32), вр. *ладки, ладушки,* как приговоривают, уча дѣтей бить в ладони. На сколько это содѣйствовало великорусскому измѣненію *долонь* в *ладонь,* „в *ладоши* хлопать“, невызываемому никакой опредѣленной звуковой наклонностью, пусть остается вопросом.

о) По припѣву и содержанію заслуживает вниманія вр. (юж. Сиб.) свадебная пѣсня, величанье женатым:

На лугѣ, лугѣ,
Уряди, дид ладо, уряди!
Стояли три роты,
Три роты военны.
Посередь роты ходит
Господин наш полковник,
Свѣт Андрей Николаич,
На нем шуба соболья,
Она крыта парчею...
... Как бояре-то спросят... [1]):
... „Тебе кто шубой дарил?

---

[1]) Настоящее вр., форма архаич.

„Али тесть, али теща?...
—Не тесть дарил, не теща,
Что дарил государь царь—
За мою службу вѣрну,
За мою неизмѣнну.

(Гул., Этн. оч. Южн. Сиб., 14; Библ. для чт., 1848, XC). Упоминаніе здѣсь рот и полковника заставляет г. Сумцова (О свад. обр., 47) замѣтить: „Припѣвы „ладо“ и пр., как окаменѣлый остаток далекой древности, присоединяются иногда к пѣсням новѣйшаго происхожденія“. Подобныя мнѣнія высказывались и раньше. Г. Кохановская, приводя п., которая поется на масляной, шедши домой с катанья (в ст.—Осколь. у. Кур. г.):

1. Вечер поздно три роты шло:
Ладо, ладо!
Первая рота Московская,
Другая рота Литовская,
Третья рота Турецкая.
А в Турецкой барабаны бьют,
А в Литовской трубы трубят,
А в Московской дѣвка плачет,
Замуж нехочет:
9. Что не батюшка выдает,
Что не матушка снаряжает,
Что не братцы в пóѣздѣ,
Не сестрицы в свашеньках;
Выдавает свѣтёл мѣсяц,
Снаряжает красное солнце,
Частыя звѣзды в пóѣздѣ
Вечерняя заря в свашеньках,

(Нѣсколько русс. пѣс., Русс. Бес. 1860, I, 44—5), говорит: „упоминаніе рот *неоспоримо* должно отнести пѣсню к Петровскому времени, но ея поэтическій лад... и пр. дышат силою первичных поэтических представленій народной фантазіи... Дѣвичій плач в Московской ротѣ—знакомый плач русской пѣсни: „что дѣвка плачет, замуж нехочет“; но здѣсь она плачет не потому, чтобы нехотѣла за-

Digitized by Google

муж... а потому, что ни свѣтёл мѣсяц... ни что... в мірѣ незамѣняет дѣвкѣ ея родной семьи". На это редакція Русской Бес., соглашаясь, что слово новое может быть вставлено и в древнюю пѣсню" (рота вм. рать), приходит к неожиданному заключенію, что „дѣвица — плачущая Малороссія, идущая" (на соединеніе с Москвою) „по собственной волѣ но с болью сердечною". Каковы бы ни были изложенныя там же основанія, я их опускаю, придерживаясь слѣдующаго:

Болѣе обширное сравненіе показывает, что а) пѣсня „Вечер поздно" состоит не менѣе, чѣм из двух мотивов, первоначально ненаходившихся между собою ни в какой связи. Стихи 1—8 служат запѣвом, внѣшней поэтической рамкой для 9—16. Связью первой части служит ст. 8 „замуж нехочет", один из основных мотивов весенних пѣсень (см. выше, под і). О миѳологических основаніях ст. 13—16 я здѣсь говорить небуду и замѣчу только, что подобный мотив встрѣчается в другой связи, без трех рот и плачущей дѣвицы (на пр. Аѳ. П. В. I, 80) и что он употребляется, как величанье. б) В переизданной мною мр. пѣснѣ по сп. 1571 г. (Мр. н. пѣсня по сп. XVI в. 2—3, 31—3) уже встрѣчается, как запѣв, мотив „три роты", въ 3-ей, найболѣе близкой к пѣвцу (т. е. Волосской — в мр. п. сложившейся среди населенія тяготѣвшаго к Волохам, б. м. смѣшаннаго с ними, на пр. в Буковинѣ, и Московской — в пѣснѣ порубежнаго вр. а м. б. и мр. населенія) — дѣвица плачет" [1]). Хотя бы и отвергнуть мою догад-

[1]) Гавр. Я. Стрижевскій сообщил мнѣ интересный бр. варіант этой пѣсни, записанный, по видимому, весьма тщательно в Шацкѣ Мин. губ. и занимающій середину между мр. XVI в. и вр. (у меня l. c. 2—3, 31—2). Вмѣсто ȣ, которым записыватель обозначал дифтонг уо͡, ставлю *уо* (один слог); вм. мр. *ы* (=ъı)—*ы*; в [ ] помѣщены легко опускаемыя слова, нарушающія размѣр.

[Ой] Дунаю, Дунай, чаго ціха йдзеш?
За сабою, Дунай, три палкі ведзеш:
[Ой] да ў першуом палку конікі і ржуць,

Digitized by Google

ку, что первообраз этого мотива отразился уже в Сл. о полку Иг. (Мр. п. I. с. 33), все же ясно, что плачущая дѣвица никак неможет быть Малороссіей. Упоминаніе о ротах Литовской и Турецкой тоже вошло в пѣсню не позже XVI в. Оно, вѣроятно, преобразилось в пѣснѣ того же склада (Кохан. I. с. 44):

Ой и дочь к отцу собиралася
Тремя мылами умывалася:
Одно мылечко-то Турецкое,
Другое мылечко-то Литовское,
Третье мылечко-то Московское...

Упоминаніе о враждебной Литвѣ, именно представленіе сватов (ср. Слово о П. Иг. „сваты напоиша...") Литвою, по всей вѣроятности, появилось гораздо раньше. Ср. мр. свадебн.:

Ой ненаходь Литва:
Буде з нами битва,

А ў другуом палку малуойцы пєюць,
А ў трейцюом палку дзєўчина плаче.
Конікі іржуць — ат вады ідуць,
Малуоцы пєюць — з сабою бєруць.
Ой стаў капітан дзєучіны пытаць:
„Дзєўчіна мая, чаго ты плачеш?
„Ах узяў бы [я] цєбє [за сєбє], — нєруовная мнє.
„Вазьму-ж я цєбє за свайго слугу:
„Єму будзєш жана, а мнє мілая;
„Єму будзєш [кашулю] шиць, а мнє вышиваць;
„Єму будзєш [пасьцєль] слаці, а со мною спаць".
— Жаль, жаль, капітан! нєпраўда твая!
[А] дзє-ж [тыє] два мєсєцы прі аднуой зарє?
[Дзє] два мужі живуць прі аднуой жанє?
Каму буду жана, таму й милая;
Каму буду [кашулю] мыць, таму й вышиваць;
Каму буду [пасьцєль] слаці, с тым і лягу спаць.

Ст. 3 и 5 (конікі іржуць... дзєвчина плаче) ср. с мр. веснянкой (в моей ст. Мр. п. XVI в. 36—7). Ст. 11 („нєруовная мнѣ") ср. со ст. 15 мр. п. XVI в. (ib. 3). Ст. 12 и слѣд.: один из многих подобных случаев разсказан в „Черниговкѣ" Н. И. Костомарова.

Digitized by Google

Будем воювати,
Марьечки недавати, Метл. 215.

и в вр. п. „с Литвы сват ѣдет“ и посл. „к людям Богородица, а к нам все Литва“, т. е. к людям хорошіе женихи (собственно гости : намек на колядки, гдѣ в гости является Богородица и пр.), а к нам невѣсть что (Коҳан. I. с. 46). Что вмѣсто *рота* могло стоять нѣкогда *полк*, на это указывает привлеченная мною к сравненію бр. пѣсня (в моем соч. Мр. п. по сп. XVI в., 33) и другая, приведенная выше. Кромѣ того в подобных пѣсенных началах *полк* мог приниматься не только в значеніи военнаго отряда, но и в смыслѣ толпы („дѣвок полчок“=„дѣвок табунок“), народа (серб. *пук*: „чуј пуче и народе“, нѣм. volk).

Возвращаюсь к сибир. пѣснѣ с припѣвом „ўряди, дид ладо, ўряди“, напоминающим „Ой дай Боже!“ мр. колядок и этим наводящим на то, гдѣ искать сравненій. В этой пѣснѣ начальный мотив „три роты“, довольно древній и в этом видѣ, но не первообразный, не необходимо вяжется с главным. Для „похвальбы шубой“ и т. п. нужны не именно три роты, а лишь сцена и зрители. То и другое, в силу еще очень распространеннаго и, судя по этому, очень древняго пріема (Мр. п. по сп. XVI в., 33—7) может быть представлено в трех отдѣлах. Это и находим в другой свадеб. величальной п.:

Пантелей—государь ходит по двору...
...Кунья на нем шуба до земли...
...Суженая смотрит из-под полога,
Бояре то смотрят из города,
Боярыни-то смотрят из терема.
Бояре-то молвят: чей то такой?
Боярыни молвят: чей то господин?
А сужена молвит: мой дорогой!
Сах. Ск. кн. 3, 119.

Этому вполнѣ соотвѣтствует один из мотивов мр. колядок и вр. былина, о чем подробнѣе — в другом мѣстѣ.

Т. о. здѣсь неоправдывается, впрочем a priori вѣро-

Digitized by Google

ятное мнѣніе г. Сумцова, что припѣв *ладо* присоединяется к пѣсням новѣйшаго происхожденія.

Грамматическая категорія припѣва *ладо* неясна, кромѣ случаев „ладо мое" о которых можно думать и то, что в них согласованіе вызвано окончаніем. Как слово, опредѣленное в формальном и лексическом отношеніи находим: а) в Сл. о П. Иг. **лада*, ж. р., но во всѣх четырех мѣстах в примѣненіи к мужу: „на моѥя лады вои", „на ла*дѣ* (=ы) вои", „мою ладу", „жены рускія въсплакашась а ркучи: уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити..." Неможет ли такое несогласіе грамматич. рода и пола служить указаніем на то, что ближайшее предшествующее значеніе было нарицательное [1]), а не собственное, не миѳологическое? б) В нынѣшних вр. пѣснях — частью также в ж. р. [„лада идет" (муж), Терещ. IV, 167, с опечаткою „*лида*"; „я ищу ласков*а* ладу", ibid. VI, 166; „я сама пойду, милу ладу найду" Даль; „я ищу себѣ ладу милую" (невѣсту), Тер. IV, 276; „кабы знал, что тут милой ладѣ спать" Даль], частью в среднем („мое ладо ревниво: и сам игры нелюбит", Кохан. Нѣск. р. п. 89; „Ой и свѣт мое прежнее ладо, Я котораго попрежь сего любила" ib. 109). В видѣ прилагательнаго: „милый ладый",

---

[1]) Как в других словах примѣняемых к милому и к милой: „ровня", „обрадушка", радость"; мр. „сердце", мр. „дружина", „слово". Послѣднее в слѣдующем:

Нема цвіту найсинішого над ту ожиноньку;
Нема слова найвірнішого над ту дружиноньку,

с чѣм ср. вр.: племянница покойника, обращаясь к его вдовѣ:

Отпустили свои ласковы словечушка...
...Во могилушку с тобой мы во сыру землю,
Барсов, Причитанья, 171;

мр. Ой од Ромна до Полтавы битая дорога,
Туды пішла, поїхала *любая розмова*
...Вернись, вернись, мій миленький, любая розмова!
Укр. пісні вид. Балл., 89.

Ср. также „Ой *ирадо*, чорні очи маєш", Метл. 111.

Digitized by Google

Рыбн., IV, 113. С уменьш. суф.: „вѣнечный ладушко“, Кохан. ib. 83; „любезный ладушка“, Д. — Предложенное мною этимологическое объясненіе—в моем соч. К ист. зв. I, 130. Оно основано а) на том, что ст. русс. *ладьнъ*, ровный, четный, откуда вѣроятность, что *лада* собств. ровня, пара; б) на том, что основныя дославянскія сочетанія *ар*, *ал*, в началѣ слова, перед согласною дают не только русс. *ро*, *ло*=ц.-сл. *ра*, *ла* (ролья=ралии, ровьн=равьнъ, что в формѣ *ровесьникъ* предполагает дославянское не *равас-* (Fick, V. Vb³. I, 743) а **арвас-*] но и общеславян. *ра*, *ла*: ладога, лань, ласка (?), рака, рало и ратай, рамянъ (-ѣнъ), рама, ратъ (Mikl. Ueber den urspr. der worte trêt... 35). Согласно с этим я принял сродство *лад-* с лит. *ard-yti*, дѣлить.

Для миѳологіи положительных результатов здѣсь никаких. Впрочем см. В. Миллера Оч. ар. миѳ. 318 сл., гдѣ между прочим принято что *лад*=скр. *pâdha-* (с коим Фик и др. сближают слав. *радъ*). Все бы это ничего, если бы только добраться, что дѣйствительно была богиня Лада.

Digitized by Google

III.

Веснянки размѣра (4+3+3) и (5+3) и др. сродныя п.

1. **Сѣянье проса.** Эта пѣсня была упомянута выше (стр. 25—26), ради припѣва. Изображеніе в ней земледѣльческой работы с перваго ея шага („А мы *сѣчу* v. *чищу* чистити“, Тер. V, 19; VI, 307); род хлѣба, просо, которое, правда, и теперь сѣется на новинѣ из-под лѣсу, но о котором извѣстно, что в V-м вѣкѣ по Р. оно вмѣстѣ с ячменем было если не единственным, то главным хлѣбным растеніем в Панноніи (ср. Ген, Культурн. раст., 67); форма пѣсни, ея припѣв „Ой диди ладо“, ея распространеніе (ср. и Erben Písně, 69; Sušil, Mor. n. p., 727—8): все это заставляет видѣть в ней остаток глубокой старины. Из такого же предположенія вытекло наивное стараніе собирателя усилить архаичность пѣсни, замѣнив „А мы дадим сто рублей“ стихами „А мы дадим бѣлую куницу“ (вѣроятнѣе было бы просто „куницу“, как ниже „дѣвицу“), или „А мы дадим веверицу“ (!), или — „кун“, или „сто гривен“ (Сах. Ск. Р. н. кн. 3, 46—7).

В конечных стихах пѣсни

(„А нашего полку прибыло, прибыло!“
—А нашего полку убыло, убыло!)

двѣ стороны, на которыя дѣлятся играющіе *по пóлам*, названы „полкáми“. Этому соотвѣтствует:

а) в сродной серб. пѣснѣ о которой ниже: ... *војска* иде: млади момци нежењени ... све ђевојке неудате ... удовице“ (Кар. П. из Херц., 263); б) в мр. веснянкѣ: „чоловіча“ и „жіноча *громада* (v. рада)“ незнает и в ру-

ки неберет зелья барвинку, которое хорошо знакомо только „дівочій громаді“, Чуб. III, 68; Гол. IV, 166 (мотив не исключительно малорусскій: ср. серб. п., Кар. П. из Херц., 252); в) в мр. колядкѣ:

Ой осадив він три села людьми:
Ой єдно село—старими людьми,
А друге село—парубочками,
А третє село—дівчиноньками.

Роли упомянутых двух „полков“ распредѣлены так, что 1-ый чистит сѣчу, дерет дор, сѣет просо (и стережет его), занимает коней „шелковым неводом“ (т. е. охотничьей сѣтью) или „шелковым поводом“, а 2-й выпускает коней, топчет ими просо, выкупает их не стом не тысячею, а ... *дѣвицею.* Эта послѣдняя черта затрудняет объясненіе пѣсни в том видѣ, как она до нас дошла, ибо первая сторона состоитъ из дѣвицъ или молодиц, а 2-ая из мужчин. По этому можно бы ожидать, что на предложеніе одной стороны

„А мы дадим молодца“

уже не послѣдует возраженія и новаго предложенія:

„Ненадо нам молодца
—А мы дадим дѣвицу,

а прямо согласіе:

Вот тото нам надобно! Тер. IV, 307.

В пользу такого предположенія говорит слѣдующее: а) прямое указаніе одного вар., что сѣют именно женщины:

Красны дѣвушки чищу чистили,
Молодушки пашню пахали, Терещ. ib.

Впрочем, если этот вар. можно признать недостовѣрным, то в таком случаѣ—б) основываться на другихъ многочисленных указаніях что (в пѣснях) сѣют именно дѣвицы, топчут именно парни [1]) и их кони. Конь—обычный сим-

---

[1]) *Сѣянье.*

(Размѣр 4+3). Посѣяли дѣвки лён,
Ладо, ладо, дѣвки лен,

Digitized by Google

вол молодца. Поэтому, как в п. про лен, сѣявшей „за тѣм замужем быть“, кто топтал; как в извѣстной вр. свадеб.

Во этот ли во ленок
Повадился паренек,
Леночек весь испримял,
В Дунай—рѣку побросалъ...
(Нижегор. г., Балакирев, Сб. р. н. п.)
Пасеелі девкі лён,
Пасеелі далгавой.
Сказалі пра лён,
Што увесь приваліён.
„Знаю, знаю, хто валял,
„Знаю, знаю, хто таптал:
„За кем замужем быть,
„Танкапрядицай слыть“.

(Щигров. у. Кур. г. с. Россоховец, записал М. Халанскій; Шейн, Р. н. п., 136—8, 140, 144, 146).

Ср. в мр.: дѣвица сѣет просо, Гол. III, 248; жито:

Ой я жита несіяла, само жито сходит;
Я козака нечар'вала, сам до мене ходит
(Гол., II, 323, 763), с чѣм ср.
Сію рожу по дорожу (v. по морозу), сама рожа сходит;
Я козака не чарую, сам до мене ходит,

(Гол., III, 353; II, 341; Чуб. V, 216; неродить=неходить, Гол. I, 189; Чуб. V, 307).

Садить (сад и пр.) = *любить*, Гол., I, 250; II, 769; I, 326.

По поводу приводимых здѣсь сравненій считаю нужным высказать общее положеніе, без признанія коего, мнѣ кажется, невозможно пониманіе языка народной (да и всякой) поэзіи. В этом языкѣ, как и в словѣ, связью образа со значеніем служит *представленіе*, т. е. взятый из образа признак. Отсюда слѣдует: а) что образы, различные по совокупности своих признаков, могут быть почти тождественны по представленіям (или точкам, с коих разсматриваются) и значеніям, на пр. в настоящем случаѣ: сѣять просо, лен, коноплю, жито, розу, разсаду; сѣять и садить; б) что один и тот же образ может имѣть различныя, иногда противоположныя значенія, т. к. из него могут быть выдѣлены различныя представленія, или, иначе говоря: он может разсматриваться и примѣняться со стольких точек зрѣнія, сколько в нем признаков. По этому, на пр., сказанному выше о значеніи сѣянья нисколько непро-

Digitized by Google

вмѣсто соловья, выпуганнаго из саду — „я (жених) тебѣ (невѣстѣ) соловей в саду: так плата, которую молодец

тиворѣчит существованіе другого преемственнаго ряда символов: если земля есть женщина, мать, то оранье, сѣянье и пр. будут обозначать любовь мужчины (см. мое соч. О нѣкр. симв. в слав. н. п., Харьк. 1860, 151). Отсюда: нѣкому за плугом ходить=нѣкому любить дѣвицы:

Ой у лузі, в лузі стоять волі в плузі,
Та нікому воли погонити,
Та нікому за плугом ходити:
Плугатири старії, погоничі малії,
Та нікому воли погонити,
Та нікому за плугом ходити.

Непосредственно за этим запѣвом, без видимой связи с ним, слѣдует жалоба дѣвицы:

Ой чом неприйшов, чом неприїхав,
Як я тобі серденько казала? (2)
Чи коня немав, доріжки незнав,
Чи матуся їхать незвеліла? (2) и пр.
(Запис. мною в Харьк. г.).

Ср. Гей во лузі воли в плузі, навпереді качка;
Взяв бы я тя, дівчинице, коб єсь не брехачка.
(Гол., II, 435).

Оранье, волы в плугѣ — любовь (с модальными оттѣнками возможности, невозможности и пр.); но любовь естественно сочетается с молодостью, откуда *волы* в плугѣ — „літа молодиї" в извѣстной п.:

Гей воли мої та половиї та чом ви неорете?
Гей літа мої та молодиї, чому ви марно йдете?

а также у Голов., II, 760:

Воли мої старенькії, не орати вами;
Літа мої молоденькі, тож ми жаль за вами.—

Из сказаннаго вытекает методологическое правило: для изученія *распредѣлять символы* не только по образам (как почти исключительно у Н. И. Костомарова, положившаго у нас начало изслѣдованіям этого рода своим соч. Об истор. зн. русс. н. п. Харьк. 1843, под вліяніем котораго было написано мое вышеупомянутое сочиненіе, см. ib. стр. 8; за тѣм Истор. знач. и пр. Бесѣда 1872; на пр. роза, рута, мята, барвинок и пр.), но и *по представленіям* в их связи, т. е. по параллельным рядам представленій.

Digitized by Google

обѣщает дѣвицѣ за потоптанный его конем сад (Шейн, Р. н. п. 148—50), выкуп за коня (В. Миллер и Форт., Л.

Возвращаюсь к *сѣянью* и пр. Раз что сѣянье в пѣснях весны и дѣвства стало представленіем зарожденія любви, собиранье посѣяннаго будет представлять ея завершеніе. Отсюда весеннія хороводныя пѣсни на тему: полоть и брать *лен* („рвать“ = литов. linus rauti) не со свекром, свекровью и пр. и не с отцем, матерью и пр. (ибо „то не рване, гараване“) а с милым [Терещ., IV, 196 (припѣв: Ой дид, ой ладо!); Сах. Ск. кн. 3, 43, 68; бр. Пам. и Обр. н. яз. и слов., I—IV, 237; мр. Костом. Об ист. зн. р. н. п., 42]. С этими весенними сходны мр. свадебныя пѣсни: сѣять, собирать *руту* дѣвицѣ не с отцем, матерью, а с милым: Гол. II, 130; IV, 283, 350—1; Чуб. IV, 283. Отсюда гаданье дѣвичье: 29 Ноября, на канунѣ Андрея первозв., в полночь взять горсть коноплянаго (и льняного, Терещ. VI, 66) сѣмени, трижды обойти вокруг хаты или повѣтки, сѣя это сѣмя, скородя сорочкою и приговаривая: „Я, святий Андрію Конопельки сію. Дай же Боже знати С ким весільє грати“. Жених приснится неминуемо. Или приговоривать: „хто мені суженний, той прийде зо мною конопельки брати“. Суженый ночью (во снѣ) прійдет дергать коноплю (Маркев. Об. и пов. 20; Чуб. III, 257—8; ib. три другія гаданья тогда же основаны на сходных представленіях: жажда, голодъ=желаніе любви, и суженый подаст пить, съѣст вмѣстѣ кусок; переход через мост—брак, и суженый переведет через мост).

Жито жати—тоже; отсюда:

Було-ж неіти жита жати,
Було-ж неіти конопель брати;
Було-ж неіти, дівча, заміж,
Було-ж мене молодця ждати, Чуб. V, 549.

Жито жати=заміж дати, Метл. 21; ср. Чуб. V, 220. По видимому, с одной и той же точки разсматриваются: жито в упомянутой п. (Метл. 21: „Пора мати, жито жати: колос похилився“) и просо (зрѣлое, с тяжелым склонившимся волотьем), с коим в свадеб. п. сравнивается коса („дѣвичья краса“ вр.), в момент, когда ее отдают „под мечи“ (Гол. IV, 260), расплетают=надѣвают очіпок („очіпляють“)

Ой на горі жито, а в долині просо;
Жаль мені тебе, моя русявая косо!
Ой просо, просо волоття!
Ой косо, косо золоття!

Digitized by Google

н. п. 100), есть сам молодец. Первоначально так могло быть и в пѣснѣ „сѣять просо". То, что теперь она говорит о выкупѣ коней дѣвицей, могло произойти от уподобленія другим хороводным п. того же рода (carmina amoebaea), в коих пѣт смѣшенія ролей и дѣвичья сторона выдает мужской дѣвицу. Дѣйствія, сопровождающія эти по-

---

Не рік я тебе кохала...

... За один ранок зтеряла, Метл. 206; Чуб. IV, 253 (читай „волота" вм. болота), 259; Гол. IV, 297 (золото — волото — просо...), 357. Замѣтим отзывающееся большой древностью согласіе в спеціальном отношеніи к колосу *проса* и овса слов: лит. *wáltis*, хорут. (v) *lat* (rispe an der hirse, am hafer) и мр. *волоття* (собир.).—„Жито жать", „брать лен", как дѣйствительность, пробуждает в одинокой работницѣ мысль о милом, жалобу на его отсутствіе, мечту о нем:

Ой за яром брала я лён, всю долину сходила;
Нема того тай небуде, кого вірно любила,
(Метл. 61; ср. ib. 60, Чуб. V, 219; 210);
Та болять ручки, та болять ніжки, та пшениченьку жнучи;
Та ужеж мені надокучило, та миленького ждучи.

Гей из-за гори из-за кручи (и пр. Укр. п. выд. Балл. 78. Пѣсня эта приведена выше (стр. 11). Теперь видна ея цѣльность и красота.

В связи с предыдущим понятно, что значит:

Сію конопельки, дрібні зелененькі; (но)
Сами неберуться, мені недаються.

(а если и попадаются люди, то достойные презрѣнія:)

Наберу я горстку тай ногою тручу:
Сама добре знаю, що на біду лучу.

(Чуб. V, 3; ср. ib. 210—11, гдѣ безсмысленное „горошку", „по гаю" исправить: „горстку", „ногою").

В лит. п. „лен рвать" см. Nesselmann, Litauische lied. 142.

Топтанье. Жених=конь=олень=стадо топчет зелье, руту, васильки и пр. или сад невѣсты. Ограничусь лишь неполным перечисленіем ссылок: Чуб. IV, 70—1, 113, 121—2, 163, 178—9; Голов. IV, 313—4, 352, 357; Гуляев Этн. оч. юж. Сиб. 89, 96; Караджж. Пјес. I, 12 (N 17), 21 (N 35); Nesselm. Lit. Volkslied. 40—1, 43, 147, 148, 178, 179, 181, 229; В. Миллер и Фортунатов, Литов. н. п. 32, 56.

Digitized by Google

слѣднія п. и согласующіяся с их содержаніем, соединились с сѣяньем проса и внесли в эту пѣсню еще болѣе запутанности:

„Условясь „сѣять просо“ дѣвушки берут друг дружку за руки и становятся рядом; против них, рядом же и взявшись за руки — мужчины. Первыя, начав пѣть („Ай мы просо...“), медленно подходят к послѣдним и, под припѣв „Ой дид ладо“, отступают на прежнее мѣсто. Тоже дѣлают со своей стороны и мужчины. При словах пѣсни „А мы дадим дѣвицу“, двое мужчин с котораго-нибудь края дѣлают *ворота*, т. е. поднимают руки вверх, нераспуская их. В эти ворота бѣгут дѣвушки. Перед послѣднею . . . молодцы опускают руки, удерживают ее, и ставши на прежнем мѣстѣ против дѣвушек, поют: „А нашего полку прибыло . . .“. Пѣсню начинают снова, и так—до тѣх пор, пока всѣ дѣвицы неперейдут па сторону мужчин, становясь с ними попарно“. Т. о. мужского полку, котораго по содержанію пѣсни, должно убывать, так как он выкупает коней, на против прибывает. „Потом . . . крайняя пара дѣлает *вороты*, через них проходят всѣ играющіе, под пѣсню:

Вокруг города, вокруг Архангельскаго
Остров мой, да зелен мой!
Были трои ворота, трои широкія,

которая приведена ниже. (Гул. Этн. оч. юж. Сиб. 74—5).

Спрашивается, небыли ли ассимилирующими именно пѣсни о *воротах?*

---

2. Ворота.

Частностям предпошлю здѣсь общее замѣчаніе. В своем разборѣ Н. п. Гал. и Уг. Руси Я. Ѳ. Головац., 42 сл., я старался показать, что распредѣленіем пѣсень по размѣрам „опредѣлились бы самые широкіе потоки пѣсенного преданія“. Разнообразіе пѣсенных размѣров на пр. в вр., мр., серб., болгарском можно сравнить с подвижностью ударенія в тѣх же языках, тогда как преобладаніе одного,

Digitized by Google

двух размѣров во всей пѣсенности, на пр. лотышской, напоминает постоянство ударенія в лот., западно-славянских и др. Из того, что измѣненіям ударенія в русском, на пр. вода́, во́ду, по́-воду, зват. мр. во́до, соотвѣтствуют такія же измѣненія въ южно-славянских языках, выводится не то, что эти языки переняли эту акцентуацію друг у друга или у какого либо неславянскаго языка, а то, что они пошли от общаго языка, в коем уже была приблизительно такая же акцентуація. Подобно этому, при сходствѣ содержанія, сходство размѣра пѣсни вр., мр., сербской и болг., заставляет прежде всего думать не о позднѣйшем заимствованіи, а о первоначальном сродствѣ или о заимствованіи столь древнем, что отличить его от первоначальнаго сродства уже невозможно. Чтобы от такого предположенія перейти к предположенію же или утвержденію, что такая-то русс. пѣсня заимствована у Сербов и пр., или на оборот; нужны такія же основанія, как и для мнѣнія, что то или другое в языкѣ заимствовано. Мы говорим, что удареніе на предпослѣднем слогѣ в нѣкоторых западно-малорусских говорах, или же обще-малорусс. формы, как *кревний*, возникли под польским вліяніем; потому что эти явленія, будучи несогласны с обычаем русскаго яз., согласуются с обычаем польскаго, с которым, при смежности и политических связях, язык южной и западной Руси находился во многовѣковом взаимодѣйствіи. Подобно этому понятно, что польская пѣсня

U moi Marysi kwatera na moście
Przyjechało do Marysi trzech kozocków w goście

(Kozłowski, Lud, 47—8)—малорусскаго происхожденія:

В Марусеньки хата на помості . . . ;

что многія литовскія пѣсни вмѣстѣ с размѣром перешли из южной Руси. Но я недумаю, чтобы что либо подобное можно было утверждать относительно сходства русс. пѣсень „А мы просо сѣяли“ с приводимою ниже сербскою, ибо тогда пришлось бы считать заимствованіями тысячи общеславянских форм и слов. Правда, как слова для понятій, выражавшихся с незапамятных времен, могут быть заим-

Digitized by Google

ствованы извнѣ [на пр. у Хорв. угор. „*шкура* noћ“ (oscura) вм. существующаго *тамна* ноћ); так могут заимствоваться и пѣсни, и весеннія игры, не смотря на то, что совершенно сходныя существуют в народѣ искони. Так на пр. мр. весенняя игра *жельман*, изображающая сватанье и у Чехов сопровождаемая такими же движеніями, как вр. сѣянье проса (Гол. II, 193, 697; IV, 183—4; Чуб. III, 53—6) взята у Поляков, а ими, вѣроятно, у Чехов (Erb. Pisni, 68). Хорутанская, с другим собственным именем, указываетъ на существованіе чеш. или морав. словац. варіянта, болѣе близкаго к мр. и поль., чѣм приводимый Эрбеном. Она названа свадебной:

Bližej, bližej jezdi Šumar,
Bližej, bližej njega drug,
Bližej Šumarska družina . . .
. . . Če sami je (дочери) nam nedáste,
Jo po sili vzámemo . . .

(Pesni krajnskiga naroda, Lubl. 1839 - 44, I, 1).

Но здѣсь указаніем на заимствованіе в малорусской п. служит язык, тогда как в других случаях сходства—подобных указаній нѣт.

Размѣр п. „А мы просо сѣяли, сѣяли“ есть ²(4 + 3 + 3). По этой одной внѣшней примѣтѣ нужно отнести к тому же разряду тот отдѣл мр. веснянок, в котором размѣр тот же (на пр. „Вербовая | дощечка | дощечка“, Чуб. III, 81) или — без повторенія второй цезуры, м. б. опущеннаго в иных случаях заимствователями („Тума танок розводить“, К истор. зв. II; Чуб. III. 36; „Иди, мужу, до дому“, Чуб. ib. 69 и пр.). Этот размѣр легко превращается растяженіем перваго полустишія до 5 слогов (Та Роман зілля | копає, Чуб. III, 68) в другой, обычный в веснянках: 5 + 3, сродный с первым, но не непремѣнно происшедшій из него.

Тот же размѣр, что в *просѣ* (и со сходным припѣвом?) — в серб. хороводной (она же и свадебная во время сватанья):

Digitized by Google

Ој ти коло велико! (ле леља ле?)
—Што нас зовеш, малено?
Имате ли дјевојак?
—Има, коло велико.
Дајте нама до двије.
—Недамо вам ни једне.
А ми ћемо и силом!
—Сила Бога немоли:
Сјевер гору обломи...
А ви два свата, два уводника!
Отворте врата!
—Отворена су јоште с вечера—
и пометена. Кар. Пјес. I, 1—2.

Два послѣдніе стиха размѣром (5+5+5) указывают на то, что взяты из другой п., вѣроятно, сходнаго содержанія. Вмѣсто них слѣдует взять послѣдіе 2 ст. из вар. (ib. 277) еще болѣе близкаго к „просу“ по размѣру:

...А ми ћемо на силу, на силу!
—Сила Бога немоли, немоли:
Ветар горе обломи, обломи.—
Крижна врата отворај, отворај!
—Отворена с вечера, с вечера.

Таким образом мы видим, что здѣсь в самую пѣсню введены *ворота*, которыя в „просѣ“ изображались только движеніями.

Что 1-я сторона, грозящая взять дѣвицу силой, есть мужская, видно и из того, что 2-я, отпирающая для первой ворота, сравнивает эту 1-ю с сѣвером (т. е. сѣв. вѣтром, с вр. *сѣверик*, сивер [1]), лит. sziaurys) а себя с лѣсом, который этот вѣтер ломает. Ср. мр. свадебн.:

Єдна була тополенька в тім саду.
Буйниї вітри віяли,
З тополі листя незвіяли,

---

[1]) Каково тепло от буйнаго от сивера,
Таково добро от лихой живе мачихи,
Барсов, Причитанья, I, 85.

Аж сходовий вітер повіяв,
З тополі листячко звіяв.
Єдна була Марисенька в тім дому.
Всі хлопци на ню важили,
Но Марисеньки невзяли,
А Ивасенько як наважив,
Тай Марисеньку собі взяв,
(Гол. II, 629; Чуб. IV, 132—3) [1]).

Этим объясняется смысл припѣва купальской пѣсни:

Стояла тополя край чистого поля,
Стій тополенько нерозвивайсь,
Буйному вітроньку непіддавайсь;
На тій тополі чотирі сокілки,
Стій и пр.
Перва сокілка Горпинка дівка

(2-я такая-то и т. д. В. Пасек, Очерки Росс. I, 97—8; Терещ., Б. Р. н. V, 82). Эта пѣсня, хотя и пѣлась на игрищѣ ночью, но неимѣет прямого отношенія к Маренѣ, изображаемой деревом, и Купалу (Пасек, ib.) и есть такое же величанье четырех дѣвиц, как веснянка:

Ой ніхто там небував,
Де ся явір развивав,
Ой яворе, явореньку зелененький!

---

[1]) Сходное представленіе, по видимому, в купальской:

Вітер петрушку відвіває;
Стратій Катерину підмовляє.
Будете, люде, дивитися,
Як я буду женитися, Чуб. III, 219 и в слѣд.:
...Прошу тебе, не зрадь мене, бо я молоденька.
Ти не вітер буйний в полю, а я не билина:
Є у тебе отець, мати, в мене є родина

(Гол. III, 335; II, 260 (70), гдѣ вм. *явір* слѣдует *вітер*), т. е. мы не одиноки и любовь вѣтра и былины нам не образец... мій друже... Гордуєш ти мною, як вітер горою (Чуб. V, 5, ибо „вітер-*буйний*“=що „високо несеться“ и в собственном, и в переносном смыслѣ). Как и в других случаях сходно представляется жених и его староста, дружко, сваты, так сваты („чужи люди“)—вѣтры: см. Спрогис 20—1, 5—6; Трейланд=Бривземн. в Сб. Дашк. II, N, 475.

Digitized by Google

Тілько бувало два місяці ясних,
Два місяці ясних—два парубки красних
(и пр., мое Сл. о П. И., 43).

Припѣв же „стій и пр.“ может быть понят лишь как равносильный с припѣвом веснянки (размѣр 4+3):

Ой вийдіте, дівочки,
На новеє літечко,
Та винесіт корогов
Червоную як огонь.
Ой дівки, весна красна,
Нейдіт заміж!

[Ромен. у. Червоная корогов—знак дѣвства; ее выставляют и носят на перезвѣ „як молода чесна“. См. Чуб. IV, 118 (142) = 450 (1357), 175 (337), 335 (891)]; „нерозвивайсь“ — тоже что и „непіддавайсь“, ибо „развиться= жениться“ (Чуб. III, 214, 220), respect. замуж выйти. Т. о. я немогу согласиться со слѣдующим мнѣніем Н. И. Костомарова. Он сообщает, что есть дѣвичья Троицкая игра: дѣвки привязывают поднятыя вверх руки одной из своих подруг к палкѣ (чтобы неопускались) и водят ее с припѣвом:

Стояла тополя и пр.

и находит тут миѳологичность: в „нерозвивайсь“, дѣвицу как будьто хотят удержать от превращенія в тополю; „непіддавайсь“ заставляет предполагать, что силѣ вѣтра приписывалось самое превращеніе“ (Кост. Ист. зн. и пр. Бес. 1872, VIII, 30—1). Мнѣ кажется, что здѣсь игра могла быть изображеніем чисто-поэтическаго содержанія припѣва. Если же есть миѳологичность, то она составляет болѣе глубокій, пока вовсе незамѣтный слой. И так в разсматриваемой серб· пѣснѣ мужская сторона говорит:

Крижна врата [1]) отворај!

---

[1]) *Крижна* врата, выраженіе непонятное Караджичу, может относиться или к перекрестью в воротах, или к тому, что в игрѣ ворота изображаются поднятыми и скрещенными руками двоих.

Digitized by Google

а женская ей отвѣчает:

Отворена с вечера [1]).

Когда в другой хороводной:

„Калопер Перо, лело! Калопер Перо!
—Што зовеш, вита Јело? што зовеш Јело?

не молодец, а дѣвица требует: „Отвори врата... да прође војска... Стевана бана... из Цариграда“ (Кар. Пјес. I, 277); то здѣсь можно предположить такое же смѣшеніе ролей, как выше в „сѣяньи проса“. Ср. мр. игру в коро-

---

[1]) В варіантѣ: „Отворена су... и *пометена*“, значит, готовы к пріему. Подобным образом выражается ожиданье жениха в мр. веснянкѣ „Ой під вербою неметено...“ Метл. 302. *Мести=вести*, Метл. 211, в см. uxorem ducere, лит. *westi*, лот. *west;* лит. *wedęs* женатый, *newedęs* холостой, ст. русс. жена *водимая*. Ср. мое соч. О нѣкотор. симв. 150.

Согласно с этим *невѣста — золотая метелка*, или *вѣник-золотая ручка:*

Ой Авдотьюшка у батюшки
Дорогая была гостейка,
Золотая метелочка.
Она мела высок терем
Из кута до порога,
До вешняго (?) пода...
Варенцов, Сб. пѣс. Самар. края, 172);
Авдотьина матушка,
Мела, мела сѣни,
Потеряла вѣник —
Золотую ручку,
Шелковую связку,
Бумажныя листья.
„Взойду я в избу,
Туды сюды гляну,
По всѣм уголочкам:
Уголочки пусты,
Авдотьюшки нѣту...
...Григорьева мати...
...Нашла себѣ вѣник и пр.
„Взойду я в избу...
...Уголочки полны,
Авдотьюшка здѣся... (ib., 173—5).

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY
Digitized by Google

ля. Дѣвицы составляют круг (=город), одна (=король) остается внѣ города:

Король иде, земля гуде.
К. „Одчиняй ворота!
„Несуши живота!...
...Королю, край города ходиш,
Королю, дівчат оглядаєш.
Королю, приступи близенько,
Королю, поклонись низенько,
Королю, поцілуйсь гарненько,

Чуб. III, 43—5.

У городі царів син,
А за городечком царевна (должно быть на [оборот)
Приступи царенку до гаю,
Возьми царівну *з раю*,
Приступи, царенку, до близу,
Уклонись царівні до низу,
Приступи, царенку, ще й ближче,
Уклонись царівні ще й нижче.

Чуб. III, 159.

В соотвѣтственной вр. игрѣ „царев сын" [„княжой (царев) сын *хоробер*", черта древняя, подтверждаемая и другими вар. кромѣ Сахаровских, К ист. зв. III, 77] стоит за „городом", царевна в кругу. Самая пѣсня в нѣкоторых, полагаю, болѣе древних вар. сводится к тому же размѣру, что в „просѣ", в серб. („Сила Бога немоли, немоли"), который проглядывает в вышеупомянутой хорутанской („Če sami je (nam) nedaste, Jo po sili vzamemo"), с тою разницей, что в ней допускается непортящее размѣра (т. е. вмѣщаемое в то-же протяженіе времени) растяженіе метров (=цезур) с 4 до 5 и с 3-х до 4-х слогов:

4 (v. 5)+3+3 (v. 4+4):

Вов городѣ царевна, царевна...
Золотым перстнем сіяет, сіяет.
Как за городом (=по загороду) царев сын, царев сын:
„Отворяйтесь ко ворота, ворота

Digitized by Google

(=Вы сѣките, холопы, ворота!)
—Поклонитесь ко пониже, пониже,
Поцѣлуйтесь помилѣе...

[Рыбн. III, 441; Колосов Замѣтки о яз. и нар. п. 162—3; Гуляев Этн. оч. ю. Сиб., 72; Зап. Геогр. Общ. по Этногр. II, 386 („царев сын хоробер...“), 401—2, 406; Ефименко, Матер. по этн. Арх. г. II в Труд. Этн. отд. Общ. л. естеств. V, 124—5; Сах., Сказ. кн. 3, 37 (30—1), 60—1; Терещенко, Б. Р. н. IV, 147, 162, 170—2: княжой сын хоробер... княжна во теремѣ сидит, на ней *вѣнчик горит*...; Шейн, Р. н. п., 12 и также, сходнаго содержанія, 115—8).

Если никакія другія соображенія непрепятствуют, мы обязаны объяснять в произведеніях народной поэзіи болѣе древнее и менѣе ясное болѣе новым и понятным. Что значит теперь „одчиняти ворота“ видно из слѣдующаго. Мать, у которой сватают дочь, говорит: „Я вам, сваночко, росскажу свою пригоду. Дай, Боже, цій доночці лучче; а як я старшую оддавала... да й здается воно молоде ще було, було-б и неоддавати, а я її приневолила. Так вражі люде мене підбили. „*Одчиняй ворота, як одчиняются!*“ Так и дочку, як ягодочку, *оддавай*; як поспіває, то й рви її, а як поспіла, то й сама опаде...“, Чуб. IV, 55.

Ворота—сама дѣвица (хиляються ворота, кланяеться сирота, Чуб. IV, 251); оттворять—любить, брать за себя, затворять—переставать, забывать:

Скрипливиї воротонька, тяженько заперти:
Кого (=котру) люблю, незабуду до самої смерти,
(Гол. II, 281, 345; I, 293).

Скриплять мої ворітенька, неможна підняти;
Люблю, люблю дівчиноньку, та невірно взяти,
(Метл. 62).

Скрипливиї ворітечка, немогу відперти
(=„неможу взяти“; но несмотря на это)
Буду любить дівчиноньку до самої смерти,
(Метл. 63).

Digitized by Google

Скриплять мої ворітенька (= открыты), ніхто й не-
[причинить;
Люблю, люблю дівчиноньку, ніхто й неупинить
(Метл. 62).

На этих основаніях можно попытаться объяснить слѣдующую, на первый взгляд безсвязную веснянку (основной размѣр — 4 + 4 + 3 + 3, усложненіе размѣра 4 + 3 + 3). Дѣвица говорит:

Скриплять мої ворітечка.
На мороз, на мороз? 2.
Горить моє біле личко:
Либонь буде дощ. 2.
Ой дощику поливайчику,
Поливай, поливай! 2.
Козаченьку, до дівчини
Прибувай, прибувай! 2.
(Укр. п. вид. Балл. 103; Чуб. III, 166),

т. е. ворота скрипляг, незапираются, и лицо горит не на мороз, а на тепло, на дождь=любовь встрѣтит отзыв.

Она:

„Ой ти покинь молотити, я покину терти,
„Та підемо до стодоли ворота заперти“.

Он:

—А як-же їх заперати, коли пан некаже?

(До сих пор чистая проза, дѣйствительный разговор молотника и трущей конопли; но за тѣм мысль переходит к поэтическому значенію образа:)

Она:

„А як-же тя нелюбити, коли-сь красний, враже?
(Гол. II, 257).

Я ворота заперaю, вони ся втворяют;
Я милого визираю, як зорі зоріют (Гол. II, 323),

Нехотѣла бы, а люблю: жду до утра.

Если согласно с этим в весенней игрѣ оттворянье ворот связано было с мыслью о выходѣ замуж, то это неисключает возможности того, что в основаніи этих ворот лежит миѳологическій образ.

Digitized by Google

3. Воротарь.

Мр. весенняя игра в *Воротаря* (откуда — „в Володаря“), по которой в нѣкоторых мѣстностях „весь період весенних игр называется „співать володаря““ (Чуб. III, 38—41; Голов. II, 695; IV, 159, 165, 175; Ант. и Драг. Ист. п. I, 38—42, 70, 328—30; Костомаров, Истор. поэзія и нов. ея матеріялы, Вѣст. Евр. 1874, XII, 586—90), нелегко поддается удовлетворительному объясненію.

Играющія дѣлятся на два хора, из коих второй изображает, как и выше, город, а поднятыя руки одной пары — ворота, в которыя пробѣгает 1-ый хор. 1-ый хор просит воротаря оттворить ворота и пустить в город, называя себя в подляских вар. людьми „князя Романа, нашого пана“, в других Михайловыми, князевыми, панскими, царскими („царя Александра“, т. е. II-го) слугами, вообще людьми того, которому принадлежит и город. В нѣкоторых вар. 2-й хор отвѣчает, что князя Р. нѣт дома, поѣхал на торг до Львова по тото [1]). 2-й х. „Що за дар дасте (v. везуть)? 1-й Срібло та золото (в нѣск. вар. „яриї пчоли и фасоньку меду“). 2-ой А в нас того много. 1-й Що нам ще придасте? (что напоминает переговоры о выкупѣ коней в „сѣяньи проса“). В отвѣт на это варіянты как бы расходятся. В одних 1-й хор придает „мизинее дитя“: оно сидит в золотом креслѣ, одѣто дорогим аксамитом, „цяtается . . . срібними орішками“, „підкидається золотим яблучком“; или „Ой чим воно грає? — Золоту дудочку має.“ „А чим загравае? — Червоним лечком“; „Що-ж воно нам дає? — Золоті перстюнки“. „На що-ж ті перстюнки? — На билиї ручки“ (Ант. и Др. I, 70); или оно — „крайнее дитятенько, золотое зернятенько“ (Зоря Гал. 1860, 523),

[1]) Здѣсь игра совпадает с подобною моравской (1-е Pojete (2). — Nesmíme (2). 1-е Pro keho (2)? 2-е Pro pána (2). 1-е Naš pán néni doma, Ani naša paní: Jele se do Brna Po drahý kořeni. Vrata votevřený, Mečem založeny. Kdo se toho dotkne, Hned mu hlavo hotne; Suš., Mor. p., 731.

„дзелене дзерняточко, найкрашше дитяточко“ (Гол. IV, 159). В других вар. говорится глуше, что это „мизильнеє дитя“ — „в срібрі, в злоті, в ткацкуй сороцє“. В третьих — рѣшительно, что это „молода дівонька в рутянім віночку“, „мизилночка дочка в срібрі та злоті“, „мизиноє дитя“ что „шиє вишиває“, ѣст только пшеничный хлѣб, пьет только солодкій мед, спит в пуховых подушках (Кост. l. c. 589).

Издатели Ист. п. Мр. п. хотя и допускают здѣсь в основаніи „древнюю игру“ „с болѣе ясным миѳологическим характером“ (330), болѣе вниманія обращают на относительно позднѣйшія историческія наслоенія и полагают, что кн. Роман подляских вар. есть Роман Мстиславич Галицкій, его люди, приносящіе в дар „яриї бджоли“ („дань медовую“) — Ятвяги, в землѣ которых Роман владѣл городами, входы в которые должны были крѣпко оберегаться воротарями“ (42). Н. И. Костомаров невидит основаній для такого приуроченья: „Пѣсня о воротарѣ безспорно глубокой древности, и крошечный ребенок... в ней... вѣроятно означал символическое изображеніе наступающаго земледѣльческаго года, считавшагося с весны, образ, замѣчаемый во многих миѳологіях. Едва ли не болѣе близкій к древним формам есть тот вар. (Ант. и Др. I, 70), гдѣ вм. „посажено на золотім крієлі“ поется что „Мизине дитятко... На місяцю та посажено... зірками обгорожено“ (l. c. 590).

Мнѣ кажется, что в мр. пѣснѣ могло сохраниться имя Русскаго князя XII в.; но что для объясненія самой игры эта черта несущественна. В сходной серб. игрѣ говорится не о людях князя Романа, а о войскѣ Стефана бана из Цареграда (см. стр. 51). Есть подобная болгарская игра: Двѣ дѣвицы, обнявшись изображают собою ворота. Другія, ставши одна за другою и окружая тѣх, поют:

„Кралю, порталю, отвори порты!
„Че ште да влѣзе царева войска.
1-я — Че коя ми царева войска?
Не си отворям желѣзны порты. —
2-я Кралю, порталю, отвори порты!

Ште ти дадим шиник маргарит (жемчугу), кыло
[жлътицы (червонцев).

Затѣм 2-ыя проходят под руками 1-х, которыя задерживают послѣднюю в ряду и требуют обѣщанных даров. Та отвѣчает что она сирота (В. Чолаков, Бълг. нар. сборн., 7). Т. о. и здѣсь, как в мр. игрѣ, платой за проход служит дѣвица.

Важнѣе именно тѣ черты мр. игры, которыя допускают, по видимому, миѳологическое объясненіе. Заключая от других весенних игр, можно ожидать, что и здѣсь миѳологическія черты, буде они есть, приурочены к сватанью и браку. С этим трудно было бы примирить то, что найболѣе выдѣляющееся лицо есть „крошечный ребенок"; но так ли это? В пѣснѣ говорится про „мизиное дитя v. чадо", и это можно понимать так, как в нижеприводимой игрѣ „мосты", именно „младшая (найболѣе красивая и любимая) дочь". Ц.-сл. и др.-русс. *мѣзинъ*, младшій, *мѣзин-ьць, -ица* младшій сын, младшая дочь (серб. кѣерка мљезиници), нынѣшнее русс. *мизинец*, собств. не малый, а меньшій палец (пальцы представляются дѣтьми и на оборот служат представленіем дѣтей одной матери: „якого не вріж — однаково боляче"). „*Чадейко*" — о дѣвицѣ, см. Гол. II, 75; *білое чадо* именно о невѣстѣ — Гол. IV, 427, точно так, как в колядкѣ „молоде паня", что „На голові ма'т павяний вінок, На ручейці ма'т золотий перстінок" (Гол. II, 71). Общеизвѣстно также употребленіе сущ. и мѣстоим. сред. р. о взрослой дѣвицѣ: *дівча* (п. dziewczę, das mädchen); „старшую оддавала, да й, здаеться, *воно* молоде ще було", Чуб. IV, 55. Т. о. нѣт противорѣчія в том, что это „молоде чадо" — „хороше *зряжене*", что́, как и вр. *снарядить*, может относиться именно к снаряженію (матерью дочери) невѣсты, как в весенней игрѣ „мосты" Чуб. III, 83. Не без того, что иными в этой игрѣ „*дитя*" понималось и как малый ребенок (даже, именно мальчик, Шейков. Быт Под. I, 27), м. б. под вліяніем как самого слова, так и другой игры „мост", в которой по рукам, сложенным в видѣ моста, дѣйствительно ходит маленькая

Digitized by Google

дѣвочка, потому ли, что если дать эту роль взрослой, то игра из эстетической превратится в гимнастическую, или, что мнѣ менѣе вѣроятно (см. ниже), по требованію лежащаго в основаніи миѳа.

По эмпирически выведенному правилу, аттрибуты миѳической личности изображают то же явленіе, что и она сама. Так как золотое яблочко, золотое яичко, золотой перстень суть образы солнца, то и *дитя* (дѣвица) которое ими играет, есть солнце. Вот перевод относящихся сюда лотышских пѣсень, отчасти столь ясных, что толкованіе их излишне:

„Солнце (saule, ж. р.) заходит вечером, *подбрасывая* (metajūt) *золотое яблочко*; всходя утром оно сѣет чистое серебро“ (Бривземніакс, в Сборн. антропол. статей Дашкова, II, N 85), с чѣм можно сравнить образ, примѣненный в мр. колядкѣ к молодцу:

...Золотий стільчик,
На тім стільчику гордий пан сидит
...Трома (v. двома) яблучки підкидаючи,
Двома (трёма) горішки все цитаючи...
(Гол. II, 65—6; IV, 41).

„Горько плачет солнце в яблоновом саду: с яблони *упало золотое яблочко*“ (=закатилось солнце). Неплачь солнечко (ж. р.): Бог сдѣлает *другое* (= т. к. утром всходит уже не то солнце, что зашло с вечера) *„из золота, из мѣди, из серебра“* (Mannhardt, Lettische Sonnenmythen в Zeit. für Ethnologie, VII, 78). В другой сходной п. солнце=золотой челнок:

„Почему так горько плачет солнце? *В морѣ потонул золотой челнок*“ (=закат солнца). „Неплачь, солнце: Бог сдѣлает новый, на половину из золота, на половину из серебра“ (Mannh., ib.).

„Вставай рано, дочь солнца“ (=само солнце, дочь вчерашняго; по другим—заря), „вымой бѣло липовый стол: утром пріѣдут божьи сыновья“ (кто бы ни были, женихи солнцевой дочери) (с тобою?) *золотое яблочко катать*“ [Спрогис, Пам. латыш. нар. творч. 312 (24)]. Подобный

Digitized by Google

образ в русс. сказкѣ: лиса приглашает пѣтуха „на гуменцы *золоты яблочки катать*“, что, по видимому, есть постоянная забава пѣтуха. Пѣтух в этом семействѣ сказок, отчасти сведенном в моем сочиненіи О миѳ. знач. нѣкр. обр. 112 сл., соотвѣтствует Ивасю, у котораго „золотий човнок срібнее веселечко“ и котораго приносит домой гусьлебедь (солнечный символ, Mannh., Let. Sonn., 310) а лиса—вѣдьмѣ, Ягѣ. Я думаю теперь, что и здѣсь, как выше, золотое яблочко и золотой челнок имѣют одинаковое отношеніе к солнцу. В другой сказкѣ (Аѳ. Ск. VIII, 315) подарок отца, наливное яблочко, катясь по серебряному блюдечку, показывает дѣвицѣ города и поля, лѣса и моря.

„Солнцева дочь *метет дорогу*, чтоб можно было *катать* (riṭinât—многократный глагол) *золото* серебряному сынку“ (Бривземн. l. с. 46 (101), гдѣ переведено „для сыночка“). О значеніи *мести* см. выше.

Шведская загадка: „у нашей матери (=земли) скатерть (=небо)—никому несложить; у нашего отца (=Бога) больше денег (=звѣзд), чѣм кто-либо может сосчитать; у нашего брата (Іис. Христа, спасителя) *яблоко* (=солнце) — никому ненадкусить“. В нѣмецких дѣтских пѣснях, вызывающих солнце из за туч: в золотом домѣ „eusi liebi Frau . . . hat en *oepfel* i der hand, sie geht durchab zum sunnehûs, und lôt die heilig sunne ûs, und lôt de schatten ine“; или: ангел с *красным яичком* в рукѣ, „еслиб *яичко* упало (и разбилось), то был бы конец *солнцу* [1]); или: (солнце)—„маленькій ребенок играется золотыми яблоками“ (Mannh., Let. Sonnenmyth., l. с. 104, 210). Сходно с этим и с мр. загадкою „постелю рогожку, посиплю горошку, положу окраець хліба“ (небо, звѣзды и мѣсяц), в латыш. загадкѣ „полно сито гороху (v. *орѣхов)* по серединѣ яблоко“ (звѣзды и мѣсяц), Бривземн. (Трейланд), Матеріалы по этногр. латыш. пл. 110 = Труды Этн. отд.

[1]) Ср. серб. загадку о солнечном закатѣ: „виjала витка, шоала шотка (=утка), на краj горе jajце снесла“, Новаковиħ, Срп. загонетке, 319.

Digitized by Google

Общ. любит. естествозн., VI). Ср. также: „велик [длинен мост, на концѣ моста яблони с разными яблоками = зима (пост?) и Великдень с яйцами, ib. 106. См. тоже у Аѳан. П. В. (указатель): яблоко и яйцо, как солнечные символы.

Веснянка довольно прозрачно представляет закат солнца т. о.:

Котилось яблучко з гори до долу;
Час вам, дiвочки, з гуляння до дому.
(Чуб. III, 131) [1])

Т. к. яблоко=дѣвица („снахо моја, од злота јаблуко", Кар. Пјес I, 41, 62), невѣста, а с другой стороны заход солнца=выход невѣсты замуж (см. ниже), то понятна свад. п.:

Котилося яблучко с Шайгорода,
Прикачалося пiд ворота.
Чи тут, чи не тут (в) бубни бъют,
А в нашому дому гильце въют, Чуб. IV, 113.

Ср. также слѣд. вар. пѣсни, помѣщенной у Чуб. V, 698: записанный в Харьк. губ., г. Эварницкимъ:

Котись, яблучко, куда котишся;
Йоддай таточко, куда хочетьця . . .
. . . Йа те яблучко закотилося;
Йоддав таточко, нехотiлося . . .

Чеш. и морав.:

Kulalo se, kulalo červené jablíčko;
Komu ty se dostaneš, moja galanečko?
(Suš. 707; Erb. P. 116).

---

[1]) Важно было бы найти подтвержденіе достовѣрности варіянта приведеннаго в Мр. литер. сб. Мордовцева, 35=Чуб. III, 209:

Сходилось (=скотилось?) *купало* из долу (до . . ?) до долу,
Час вам дiвочки до дому, до дому . . .

Ср. также свадебную, когда порвут „вiльце", перед отходом дружек молодой домой:

Перед порогом могила,
А в тiй могилi калина,
Спустили гiлечку до долу,
Час вам дiвочки до дому, Метл. 211.

Калина—дѣвица, дѣвство; но оно же и солнце, о чем ниже.

Digitized by Google

Что такое примѣненіе этого символа может существовать при сохраненіи в памяти его примѣненія к солнцу, видно из того, что и солнце и яблоко рядом являются образами женщины:

...Ой що ж бо то за мудрая сванечка!
Укотилася сонцем віконцем до хати,
Покотилося жовтим яблушком по столі,
Покотилося старому старості по полі,
Випробуючи, вишукуючи старосту:
Чи не опуйця, чи не розбуйця староста?
(Сб. пам. свз. кр., 150) [1].

---

[1]) Такое величанье понятно; но на первый взгляд казалось бы странным величанье дѣвицы (дочери хозяина) посредством сравненія с тарелкой:

Гребовичная:

Котилася, розбилася, цинова тарілка;
А в нашого пригіншого дзіндзівер, не дівка:
Ой як вона заговорить—як у дзвони дзвонить;
Ой як вона засміецьця—в Полтаві слинецьця.
(Ромен. у.).

„Пригінший" от прич. прош.; ср. у Носовича пригонщик, пригонятый (т. е.—атай). „Дзіндзівер" род мальвы, Зам. о мр. нар. 63.

Котилася дорогою цинова тарілка,
А в нашого козаченька утіха, не дівка (Чуб. III, 176).

Однако странность величанья исчезнет, если предположим, что разбивающаяся тарелка есть один из солнечных образов. В подобном сочетаніи является зоря:

Ой котилася зоря
З под нового двора.
Ой неесть же то зоря,
Гето-ж панова жона.
Ой як вона заговорить,
Як у звони зазвонить,
(Пам. н. тв. свз. кр., 145—6).

Зоря падая, разсыпается. Осколками ея украшает себя дѣвица:

А вже-ж я ся недивую, чому Марця красна:
Коло неї вчора рано впала зора ясна;
Як летіла зора з неба, та й розсипалася,
Марця зору позбирала, та й затикалася,

т. е. „заквітчалася", Żeg. P. P. L. R. II, 171.

Digitized by Google

Относительно *„золотой дудочки“* в разсматриваемой игрѣ и вообще представленія свѣта звуком см. Воеводскій, Введеніе в миѳологію Одиссеи, 15 слѣд.

О *перстнѣ солнца* — см. ниже.

С „золотым креслом“ на котором сидит „мизине дитя“ ср. то, что в мр. сказкѣ солнце (с косами, стало быть дѣвица) в полдень отдыхает на золотых кроватях (Чуб. II, 10) или золотом креслѣ (ib. I, 6). Быть может такія кресла были и у мѣсяца. В таком случаѣ к его фазам можно отнести то, что *дѣд-щастье* мр. сказки (=усуд серб.) попеременно сидит на золотом, серебряном и мѣдном креслѣ, и этим опредѣляет долю дѣтей, рождающихся на свѣт в это время (Чуб. II, 423).

Справки, вызываемыя другими чертами разсматриваемой игры, каковы *вѣнок, церковь,* упоминаемыя в одном из варіантов, *ворота, мед,* дѣлают возможным старомодное и, как можно бы выразиться в духѣ нѣкоторых строгих ученых „ненаучное“ предположеніе, что первоначальная сцена этой игры есть небо, что дѣйствіе происходящее на ней имѣет отношеніе к восходу или закату солнца и вмѣстѣ с тѣм к браку. Впрочем эти справки могут имѣть нѣкоторое значеніе и сами по себѣ независимо от примѣненія к игрѣ в воротаря.

Солнце-мать снаряжает свою дочь и выдает ее замуж. Нѣкоторых относящихся сюда данных, именно вр. пѣсень о солнцевой дочери и серб. о солнцевой сестрѣ я здѣсь приводить небуду, т. к. онѣ имѣют отношеніе к одной из мр. колядок и будут приведены в другом мѣстѣ. Здѣсь же ограничусь слѣдующим.

Сравненіе: „мать (родная) любит дочь, как (лѣтнее солнце грѣет“, частью встрѣчаемое в русс. п., частью предполагаемое ими [1]), находит между лотышскими пѣсня-

---

[1]) Галиц. посл. „в зімі сонце, як мачуха, світит, а не-гріє“. В вр.:

Digitized by Google

ми не только полное соотвѣтствіе, но и миѳологическое основаніе. По многим лотыш. пѣсням у солнца-матери есть

Богодана буде мачиха,
Нежеланна, неласкова
До побѣдной сиротиночки.
...Одно красно пекё солнышко,
Единó живет желаньицо

(т. е. желанная, милая, родная мать, между тѣм, как при свѣтѣ зимняго солнца, мачихи —)

Вѣтры віют потихошеньку,
Ан приходит холоднешенько
Сиротинкам красным дѣвушкам
(Барс. Прич. 71—2).

Ибо:

Каково тепло от буйнаго от сивера,
Таково добро от лихой живе от мачихи
(ib. 85; ср. 227).

Перенесеніе того же или сходнаго образа на отца—Барс. ib. 50; „родитель, мой межонной (=лѣтній) день“ ib. 114, с чѣм ср. поль.

A pan ojciec, jako lato, nie gniewa się na to,
Pani matka, jako zima, ciągle przypomina,

т. е. попрекает дѣвицу тѣм, что она вышила хустку милому (Kolberg, Lud, IV, 17).

В мр. п. тот же, что в сѣв. вр. п., образъ примѣнен к любви дѣвицы и вдовы:

Що у вдови серце — як зімнеє сонце:
Ой хоть воно яснесенько гріє, да холодний вітер віє;
А в дівчини серце — як літнеє сонце:
Ой хоть воно хмарнесенько гріє, та тепленький вітер віє.
(Метл. 240).

В лот. п.: „Солнышко (ж. р.)—тепло, матушка—мила,
Обѣ одиново милы:
Солнышко тепло, чтобы погрѣться,
Матушка мила, чтобы (с ней) поговорить
(Спрог. 309, 3; ср. ib. 1 и 310, 9).

Два солнца мр. пѣсни через посредство лотышской (Вчера было ясное солнце, А сегодня такое туманное: Вчера свѣтило оно само (ж. р.), А сегодня его служанка“ Спр. 312, 25) могут быть связаны со сказочным мотивом: Служанка топит (убивает, прогоняет) царевну и замѣняет ее собою, пока не открывается обман.

Digitized by Google

дочь, которую она снаряжает и выдает замуж. Нѣкоторыя из этих пѣсень, по видимому, представляют связь с русскими:

А) „*Солнце* (мать) *вьет вѣночек*“ (т. е. своей дочери, собираясь выдать ее замуж), сидя на вербѣ. „Свей, солнышко, дай и мнѣ один (говорит дѣвица — невѣста): мнѣ (тоже) нужно ити в чужіе люди!““ (Спрог. 311, 14). Вѣнок по другим лот. п. дѣлает для дѣвицы: а) родная мать (Спрогис 162, 17), так что без матери „кто станет: мнѣ, сиротѣ, дѣлать вѣнок из свѣтлой (v. зеленой) мѣди?“, Бривземн. в Сб. Дашк. N 904; б) *Лайма,* добрая доля „которая дѣвица хранит честь, той Лайма вьет вѣнок из чистаго золота, серебра; которая нехранит чести, той — из терновых вѣтвей и листьев репейника“, Бривзем. N 113, 701; Спрог. 305, 5; в) Марія дѣва, замѣстившая Лайму: „Крест на крестъ (вдоль и поперек) растут цвѣты в саду милой Марьи; которая дѣвица бережет честь, той она из цвѣтов свивает вѣночек“, Бривземн. ib. N 757.

Небо, рай в мр. и др. слав. п. нераз представляется церковью. Так же можно понять и один из варіянтов п. „Воротарь“:

... Церква замикана,
Церква одмикана,
А хто в тій церковці?
— Золотее дитятко. —
А щож воно робит?
— Золотого ножика держит.
А що-ж воно крае?
— Срібнее яблучко.

(Шейков. Быт подол. I, 27; Чуб. III, 40). С этим ср. то, что выше (стр. 52) царевна в городѣ, которая по вр. „золотым перстнем сіяет“, по одному из мр. вар. находится *в раю.*

Согласно с этим с вышеприведенною лот. п. ср. мр. свадебную („як вінок вьють“, при вінкоплетинах“):

Ой из суботоньки та на неділеньку
Та отворилося небо,

Digitized by Google

Та видно церкви и манастирі
И святиї престоли,
А конець престола Мати Христова
Плела віночки стоя:
Що из руточки та из мняточки
Молодому Василечку,
А из роженьки та из повної
То молодій Марусеньці.

(Ромен. у. Ср. Чуб. IV, 135; Гол. II, 626; сравненіе этого вѣнка с мѣсяцем и звѣздами—Гол. IV, 370; „Вийся віночку гладко, Як червонсе ябко", Гол. II, 627, 117). Может быть к тому же ряду представленій („отворилося небо") относится само по себѣ неясное выраженіе свад. п. сиротѣ, когда она сидит на посагѣ:

Втвори, Боже, ворота:
Сіла на посаг сирота;
Єї ся серденько вздригае,
Що свого батенька немае, Ž. P. I, 118.

Если же Бог отворяет ворота для того, чтобы в них вышел или глянул с того свѣта покойный отец молодой, то все же это ворота небесныя. При представленіи того свѣта подземным, отец, по котораго сирота посылает туда зозулю, отвѣчает:

„Сирая земелька, тяжкії дверейка,
Годі їх вітворати,
Ані *віконця — ясного сонця*
На тебе ся подивити, Ž. P. I, 76.

Б) *Солнце мать выдает свою дочь.*

Лотышскія пѣсни:

а) „Я добыл бѣлую бобину, посадил на вершинѣ горы. Она выросла большая высокая до самого неба. Я взлѣз на небо по тѣм вѣтвям боба, там увидал божьяго сына (dêvu dêlu) сѣдлающаго коня. „Добрый день, божій сын! Куда ушли (твои) отец и мать?" — Отец и мать в Нѣмецкой землѣ „пьют" (празднуют) свадьбу солнцевой дочери. Солнце (мать) само везет „скриню" (с приданым, лот. *pûrs*), одаряя вершины деревьев: дубу—рябыя рукавицы, липѣ—

зеленую „виллайну“ (женская накидка из шерстяной ткани), маленькой ивѣ—золотистыя подвязки“ (Бривземн. в Сб. Дашк. 33, N 88). Начало пѣсни (взлѣзанье на небо по быстро взросшему стволу растенія, ср. Спрогис 72—3)—сказочный мотив, извѣстный и из русс. сказок (см. Mannh. Lettische Sonnenmyth. в Z. f. Ethnol. VII, 230).

б) „Перкун ѣхал за море по ту сторону моря брать жену. Солнце со скринею за ним, раздавая подарки деревьям: дубу—золотыя рукавицы, клену—золотыя перчатки, маленькой ивѣ—золотыя витыя кольца“, Бривз. ib. N 40; Спр. 316.

в) „Свою дочь оддавало солнце (ж. р.) далеко в Нѣмеччину за море. Скриню везли божьи сыновья“ (как бояре), щедро одаряя деревья... (и пр.), Ulman у Mannh. Lett. Sonnenm. l. c. 77.

г) *Солнце* (ж. р.) *заходит вечером*, украшая верхушки деревьев. Липѣ оставляет золотый вѣнец, дубу серебряный, а маленькой ивѣ надѣвает золотое колечко“, Бривз. ib. 48, N 169.

Послѣдняя пѣсня заставляет думать, что и в предыдущих в видѣ свадебнаго поѣзда изображен не восход, а закат солнца. Это, по видимому, подтверждается варіантом 1-ой пѣсни (Спрогис, 72—3), в котором божій сын говорит: „Отец и мать *(уже)* на морском берегу, а я остался в этой землѣ, чтобы сковать себѣ меч. (Сковавши) я разрубил чортову мать на девятеро, я запятнал свой смурый кафтан этою... кровью“. Эта черта (кровь; ср. Бривз. ib. N 41—3) может быть отнесена только к зорѣ, слѣдующей за солнцем, а не предшествующей ему. — Поэтическим образом выхода за муж, уже лишенным миѳологичности, служит тоже не восход, а закат солнца: „Серебряное солнце всходило, когда я родилась у матушки; золотистое заходило оно, когда повели меня в чужи люди“, Спрогис, 192, 59. Так и в сербских свадебных:

Жарко сунце на залазу, хоће да зађе (v. да пане),
Наша Мара на походу, хоће да пође (Кар. П. из Херц. 299);

Digitized by Google

Сунце нам је на заходу, брзо ће нам заћ,
А невјеста на отходу, брзо ће нам поћ (К. П. I, 35).

Чужая, заморская земля, куда уводят дочь солнца, называется в лот. п. Нѣмеччиною, т. е. представляется лежащею на западѣ; но, по видимому, эта земля под нашей простирается до востока, ибо к восходу солнца нужно отнести слѣдующее изображеніе: „Солнце провожало невѣсту (соб. „ведомую", м. б. именно свою дочь) *из Нѣмецкой земли* в эту..." Бривз. ib. N 65.

„Saules meita", солнцева дѣвка, дочь, есть во всяком случаѣ представленіе свѣтового явленія, связаннаго с солнцем. В нѣкоторых случаях под ней можно разумѣть зорю (зарево) утреннюю и вечернюю; но распространять такое толкованіе на всѣ случаи, как дѣлает Маннгардт (Lett. Sonnenm. l. c. 295), трудно, если дѣйствительно в вышеприведенных п. 1—3 говорится о закатѣ солнца: в них сонце-мать ѣдет с приданым *за* дочерью [1]), так что послѣдняя неможет быть вечернею зарею слѣдующею за солнцем. При том, до появленія доказательств, нѣт нужды считать за обмолвки или искаженія пѣсень, в коих солнцева дочь прямо называется солнцем (saule):

„Солнцева дочь сидит на морѣ, украшая свой вѣночек. „Сплети *солнышко (saulite)*, дай мнѣ один: мнѣ нужно итй на чужину (=за муж)", Бривз. ib. N 103. Выше приведен вар. из Спрог. 311, N 14, гдѣ вѣнок плетет солнце, т. е., как мнѣ кажется, мать.

„Сонцева дочь бредет через море, виден (уже) только

---

[1]) „Поляне... брачный обычай имяху: нехожаше зять по невѣсту, но привожаху *вечеръ*, а заутра приношаху по ней, что вдадуче". Лавр.[2] л. 12.

Из серб. свадебной п. видно, что невѣста оставляет родительскій дом послѣ заката солнца; она говорит:

Ој лагље, лагље, моје сунце жарко;
Ој немој нагле за гору заходит,
Ој да још будем у мајкином двору,
Ој да још носим вјенац дјевојачки.
(Stojanović, Pučke pripov. i pjesme 271).

Digitized by Google

вѣночек. Гоните лодку, божьи сыновья, спасайте душу (жизнь) *солнца*", Бривз. N 90=Спрог. 312, 22.

Согласно с этим нельзя ли думать, что в вышеприведенных п. а, б, в „дочь сонца" невѣста находится за сценой, что она—солнце будущаго дня, тогда как на сценѣ—солнце-мать, солнце нынѣшнее? Что солнце сегоднешнее и завтрашнее различны, об этом свидѣтельствуют двѣ п. приведеденныя выше (стр. 58, 63).

Та черта, что солнце-мать, провожая дочь-невѣсту в „чужіе люди", раздает деревьям подарки, как величанье, переносится и на дѣвицу сироту, которую лотышская пѣсня, как и русская, в замѣн человѣческой родни, снабжает божественною [1]):

„Чужане (=сваты) вели сиротку, *украшая всѣ лѣса*: соснѣ—сагшу (род женской накидки, застегиваемой запонкой на груди. См. рисун. в Сб. Дашк. II), ели — сагшу, можевельнику (paegle, жен. р.)—шерстяной платок", Спрог. 182, 30.

Возможн, что свадебный поѣзд представляется здѣсь поѣздом миѳологическаго лица (солнца или зори); точно так, в вр. и мр. пѣснях, на которыя я обратил уже вниманіе в своем соч. О миѳ. зн. нѣкр. вѣр. 203—4, величаемая невѣста или сравнивается, или прямо называется зарею:

Заря—зорюшка Наталья,
Заря бѣлая Ивановна
Пришла ко двору тучею,
Вдарила в ворота грозою
Пустила силён дождь по [двору...

(за тѣм слѣдует величальный мотив, который будет разсмотрѣн в другом мѣстѣ). Или:

Бурею Наталья-свѣт всѣ лѣса прошла...
(v. Соболем . . . . лѣса прошла)
...*Крыла лѣса* (bis) *алым бархатом*,
Катила она (bis) *золотым перстенём*

---

[1]) „Бери, братец (за себя) сиротку; сирота — великаго роду: Бог—отец, Лайма (счастье)—мать, божьи сыновья—братцы", Спрогис, 177, 1. Ср. лит. п. у Юшкевича, Лит. п. Спб. 1867, 5—6 (Сб. статей, чит. в Отд. Русс. я. И. Ак. Н., II).

Digitized by Google

(v. По пути *катила крупным жемчугом)*
Прикатила (bis) ко круту берегу,
Кличет она (bis) громким голосом:
„Есть ли здѣсь (bis) перевозчики?

(Перевозчиком является жених: мотив требующій особаго разсмотрѣнія), Кохановская, Остатки боярских пѣсень (Ст. Осколь. у. Кур. г.) в Русс. Бес. 1861, II, 139—141; Гуляев, Этн. Оч. южн. Сиб. Б. для чт. 1848, ХС, 10.

Эта невѣста, *кроющая лѣса алым бархатом, катящая золотой перстень* [1]) (=солнце) к рѣкѣ, конечно, древнѣе того, впрочем неопредѣленнаго времени, с котораго на Руси извѣстен алый бархат. Она напрашивается на отождествленіе с лот. „saules meita“, солнцевой дочерью.

Бытовое основаніе этого „украшенія лѣсов“ заключается в том, что по свидѣтельству Преторіуса (XVII в., у Мангарта, Lett. Sonnenmyth. 220—1) у Литвы того вѣка на пути в дом жениха, перед каждою живою изгородью (hecke), на каждой межѣ (границѣ), наконец перед двором (клѣтью) жениха, бросали гдѣ платок, гдѣ пояс, что́ подбиралось для деверя и золовки. В домѣ молодого невѣста одаривала запасами из своей скрыни (=серб. *бјеле даре*, вр. *дары полотняные)* между прочим *каждое* плодовое *дерево в саду*. И теперь у Лотышей сохраняется подобный обычай. Везущій скриню останавливается по временам перед изгородью (? hecke) и т. п., под предлогом, что порвалась упряжь. Невѣста дарит ему подвязки, пояс и т. п., яко бы на починку. Б. м. нелишено значенія по отношенію к мр. игрѣ в Воротаря то, что *ворота жениxова двора отворяются для невѣсты* лишь тогда, *когда* послѣ долгих переговоров, она *одарит воротарей* свитками полотна, перчатками и пр. Мангарт l. c. указывает на подобный сербскій обычай. Мы можем считать его славяно-литовским. По отношенію к его видоизмѣненію в вышеприведенных лотыш. пѣснях, в коих дарит мать невѣсты (солнце), замѣтим мр. обычай: мать невѣсты дает хустки всему поѣзду молодого (Чуб. IV, 566; ib. 560 и пр.).

---

[1]) Ср. выше стр. 58.

Digitized by Google

Я думаю, что обычай повязывать свадебными дарами (ручниками, поясами и пр.) неодушевленные предметы, между прочим деревья [1]), был и на Руси, т. к. оставил косвенно слѣды в пѣснях. Признать вѣроятность этого можно таким путем:

Та дочь солнца, которая выходит за-муж за море, представляется также тонущею в морѣ. Чтобы прослѣдить теперь же эту черту в славянских пѣснях, пришлось бы сдѣлать длинное отступленіе. Поэтому на сей раз ограничусь голословным предположеніем, что и в лот., и в слав. пѣснях тонущая дѣвица есть зоря или, что вѣроятнѣе, солнце. Если она сама бросается в воду, то побужденія ея выставляются различныя. В одной лот. п. они тѣ же, что и причины бѣгства дѣвицы от отца или брата во многих вар. сказки про свинячий (мышачій) кожушок (=Попелуга, Cenerentola и пр.), принадлежащей тоже к кругу солнечных:

„Ой Боже! что мнѣ дѣлать? Хочет братец меня (за себя) взять! *Брошу свое колечко в густой куст лозы, надѣну свой вѣночек на верхушку зеленаго камыша,* брошусь сама в рѣчку в стадо (полчок) плотиц. Лучше рѣчной плотицей, чѣм братней милой!“ Бривзем. в Сб. Дашк. N 345.

В другой п. молодец ждет своей милой, а она рвала цвѣты черемухи, *уронила в рѣку перстень,* а доставая его и сама упала тудаже [2]). Рѣка вынесла ее в море, море

---

[1]) Ср. серб. обычай повѣсмом льна перевязывать кочергу из того дерева, из котораго был бадняк (Кар. Рјечн. Бадњак); мр. бр. серб. болг. поль.—обвязывать плодовыя деревья перевяслами из соломы, которая настлана была в хатѣ на канунѣ Рождества, чтоб деревья родили, Kolb. Lud V, 194; Карадж., Рјечн, Божиħ; Чолаков, Българскій нар. сборник, 29.

[2]) Ср. Гамлет, акт IV, сц. 7:

Там ива есть; она, склонивши вѣтви,
Глядится в зеркало хрустальных вод.
В тѣни ея плела она (Офелія) гирлянды...
Вѣнки цвѣтущіе на вѣтвях ивы
Желая размѣстить, она взобралась
На дерево; вдруг вѣтвь под ней сломалась

Digitized by Google

выкинуло на берег. Там выросла густая липа о 9-и вѣтвях. Из девятой—Рижскіе молодцы сладили гусли, и говорят: „жалобно звучат эти гусли, как одинокая милая", Бривземн. ib. N 938. К этому прибавлю, что липа = дѣвица (Спрогис, 34, 1 и слѣд.; Бривз., N 217—8, 221, 437, 789) и вмѣстѣ имѣет отношеніе к солнцу: „Густая липа выросла на концѣ тропы солнца (ж. р.), там каждый вечер уходя (спать?) солнышко вѣшает свой пояс", Спрог. 38, 14 с чѣм ср. „Дубок (стоит) за горкою, за дубом озерцо. Там божій сын вѣшает пояс, а солнцева дочь — вѣночек", Бривз. N 98. В Калевалѣ солнце садится на кривую березу, или мѣсяц—на верхушку березы, а солнце—сосны, откуда их похищает старая Лоухи. Захожденіе—смерть, почему дѣвица говорит: „Когда я умру, матушка, куда дѣнешь мой вѣночек? Повѣсь, матушка, па липкѣ, пусть солнышко его бѣлит..." (ib. 38, 26).

Но если дѣвица (resp. saules meita) утонула, то куда матери ея дары дѣвать будет? *Неужели украшать ими деревья?* Этот послѣдпій мотив находим в бр. купальской п. (размѣр 5+3, свойственный мр. веснянкам и купальским, переходит в 5+4):

Ой рано, рано, на Яна
Пашла Ціхоня на кірмаш [1]),
Пашла Ціхоня танцаваць.

Меньшій брат дает об этом знать матери.

Пришла Ціхоня да дому,
Стала (яе) маці караці:
„Любо ты, Ціхоня, втапіся,

И в воды плачущія пали с нею
Гирлянды и цвѣты. Ея одежда
Широко разстилаясь по волнам
Несла ее с минуту, как сирену.
Несчастная, бѣды непостигая
Плыла и пѣла, пѣла и плыла...
...Одежда смокла, и пошла ко дну;
Умолкла жизнь и нѣжные напѣвы.

(Перев. Кронеберга).

[1]) П. kiermasz, нѣм. kirchmesse, kirmes.

Digitized by Google

„Любо ты, Ціхоня, гдзе дзенься!“
. . . Пашла Ціхоня па воду́ . . .
Паклала сукні на пяску,
Павѣшала істужкі на кустку,
Панізала персцёнкі на дубцы . . .
. . . Ой сама стала втанула . . .
. . . У нядзелю раненька
Ціхоніна матка плакала:
„Ой зяцю, зяцю, Дунаю!
„Да паволі йдзі, негудзі,
„Майго дзіцяці нетамі.
„Да істужачкі чирвоныя!
„Чи кусты вамі вбіраці?
„Пярсцёначкі залатыя!
„Чи бочкі вамі набіваці?
„Да сукенкі мае дарагія!
„Чи пнёвья вамі вбіраці?
„Палаценцы мае белыя,
„Чи горы вамі вецілаці?
„Ручнічкі мае шавковые,
„Чи старву́ [1]) вамі дариці?
„Невідаць майго дзіцяці валаска́,
„Непачую яе галаска.

(Безсон., Бр. п., 38—9)

Начало пѣсни, приведенной в числѣ купальских у Шейна (Бр. п. 158, N 243), именно ст. 1—14, взято из другой п., отличной по размѣру (4+4) и лишь внѣшним образом связанной с концем (ст. 15 сл.), гдѣ невзятая замуж причитает:

Абрусы маї шавковые,
А ци горы вамі высцілаці?
Рушнічкі маї кружковые,
Ци дубы вамі абвезаці?
Негдзе мне младзе падзеваці.

[1]) Г. Безс. объясняет: „мертвечину“. В таком случаѣ было бы „сцерву“. Вѣроятно какое либо искаженіе. По звукам подходит лот. *sta'rpa* промежуток (и *starps*=лит. *tarpas*). Форма без *с* перешла в бр. *тóрпа*, промежуток между двумя столбами (в клунѣ); м. б. и вообще засторонок в клунѣ.

Digitized by Google

Далѣе: „неужели поясами—вожжать, перстнями ковать, коралями уздать коней“, что б. м. указывает уже на забвеніе происхожденія образа. Древним здѣсь может быть то, что причитает не мать, а сама невѣста. Во всяком случаѣ этот мотив, как плач самой невѣсты, существовал до того времени, когда по горячим слѣдам событій примѣнен к положенію и вложен в уста Ксеніи Борисовны Годуновой:

А свѣты браныи убрусы,
Береза ли вами крутити? [1])
А свѣты золоты ширинки,
Лѣсы ли вами дарити?
А свѣты яхонты—серешки.
На сучье ли вас задѣвати
Послѣ царскаго нашего житья,
Послѣ батюшкова преставленья
А свѣта Бориса Годунова?

(Из запис. Р. Джемса, 1619—20, Бусл. Ист. Христ. 1034). Первые 6 из приведенных стихов служат несомнѣнным свидѣтельством, что почти три столѣтія могут непроизвести замѣтных измѣненій в размѣрѣ [в настоящем случаѣ, за вычетом начальнаго *А* (как vorschlag)—5+3, рѣже 5+4, почти с постоянным удареніем на предпослѣднем слогѣ] и отдѣльных выраженіях. На несравненно большую древность первообраза этой пѣсни, имѣвшаго тот же размѣр 5+3 и тѣ же главныя черты содержанія (невѣста тонет, причитая, „кому дары останутся?“) указывает то, что есть именно такая Дубровницкая пѣсня:

Бјелила Маре дарове
На велу р'јеку на море,
Утопи прстен у море. (См. выше стр. 76).
За ниме млада пловила
А грозне сузе ронила . . . :
. . . „Ак пусти моја дарови!
„Коме ми ћасте остати?

[1]) *Крутить* молодую—убирать ее послѣ вѣнца по бабьи.

Digitized by Google

„Ал' моме тајку, ал' брату?
„Ал' мојој худој маћехи,
„Која ме често кун'јаше:
„„Нестекла, Маре, срећице,
„„Колик' ни паун кућице!““
(Кар. Пјес. I, 383).

Небесныя ворота. Как „мизилночка дочка“ игры в „воротаря“ м. б. одна из солнцевых дочерей, так и ворота, которыя отпирают в этой пѣснѣ, могут быть, солнечныя [1]). Такія ворота нѣсколько раз упоминаются в лот. п. по поводу выхода замуж солнцевой дочери. Так, когда „мѣсяц брал солнцеву дочь, Перкун поѣхал в сваты. *Въѣзжая в ворота*, он разбивает золотой дуб...“ (Бривземн. N 41); „Чьи эти кони, чей этот воз (коли) *у ворот солнцева дома?* — Божьи кони, воз Лаймы (счастья). (Это пріѣхали) сваты к солнцевой дочери“ (ib. N 63); сивые кони, хорошій воз у ворот солнцева дома. Солнце-мать отдает свою дочь, приглашает меня в „догонщики“ (поѣзжане невѣсты), ib. N 64; это послѣднее событіе м. б. одновременно со сборами жениха: „Я нашел своего коня у ворот мѣсяцева дома. Мѣсяц берет дочь солнца, зовет меня в увозчики“, ib. N 89.

Ворота в которыя въѣзжала солнцева дочь, были *мѣдныя* (между прочим; были, конечно и золотыя), судя по тому, что этот образ примѣнен к земным событіям. Невѣста говорит: „Чужіе люди (=родственники жениха) лишь до половины отворяют свои мѣдныя ворота (=несовсѣм дружественно принимают в семью). „Отворяйте, чужіе люди, на-стежь! Со мною вмѣстѣ идет Счастье (Лайма) под бѣлым покрывалом““, Спрогис 192 (53). В другой п. та-

[1]) „Могут быть“. Конечно здѣсь можно вспомнить сцену из Недоросля: *Софья.* Да он никогда неумирал. *Простакова.* Неумирал! А развѣ ему и умереть нельзя? *Скотинин.* Сестра! ну да коли неумирал? *Простаков.* Избави Боже коли еще неумирал! *Пр-ва.* Как неумирал? Что ты бабушку путаеш? Развѣ ты незнаеш, что уж нѣсколько лѣт от меня и в памятцах за упокой поминали? Неужто таки и грѣшныя-то мои молитвы недоходили?

Digitized by Google

кія ворота упоминаются в смыслѣ неодолимой защиты: „Живи смѣло ты, сестрица; невойдут в двор чужіе люди (сваты): у братца мѣдныя ворота с серебряными столбами“, Спрог. 194 (68). Этого происхожденія, вѣроятно, „желѣзный тын, вереи булатныя, *ворота мѣдныя*... от земли до неба“, как ограда от враждебной силы в вр. заговорах (на прим. Майков, Закл., стр. 534), а равно „железный тын, медзяные ворота“ (бр.), „ворітечка з жовтої меди“ в дворах лиц, величаемых в бр. волочобных п. и мр. колядках.

Трое ворот. Слѣдующая лот. п, хотя не говорит о свадьбѣ и представляет христіанскія подновленія, закрывающія первоначальный смысл, кажется важною потому, что ведет к сближеніям, которыя опять возвращают нас к связи ворот небесных и свадьбы:

„Что за пышный двор там *за горою* в долинѣ? В него ведет *трое* серебряных *ворот*: *в одни въѣзжает* сам *Бог, в другія милая Марія, в третьи солнце* на парѣ золотых коней“ (с нѣмец. перевода у Mannh. Lett. Sonnenmyth. l. c. 77—8).

„За горою“ указывает, по видимому, на то, что рѣчь — о закатѣ солнца, которое и по славянским свидѣтельствам заходит за гору (Чуб. I, 4; „Moj Дамљане, moje jарко сунце! Љепо ти ме бjеше обасjало, Ал' ми брже за горицу зађе“, Кар. Пjес. I, 406).

В мр. колядкѣ:

...На сивім морі корабель на воді
В тім кораблейку троє воротці:
В перших воротейках місячок світит,
В других воротейках сонейко сходит,
В третіх воротейках сам Господь ходит...
...Ключі тримає рай відмикає... (Гол. II, 156).

Эта колядка принадлежит к обширным семействам, которыя будут разсмотрѣны в другом мѣстѣ. Сравненія заставляют меня думать, что „трое ворот (v. окон) с солнцем, мѣсяцем и Богом (v. ангелом, соколом)“ в колядках есть мотив совершенно отдѣльный от двух других, связанных

Digitized by Google

с ним позднѣе: „корабля“ и „Бога“ (Христа, св. Петра) отпирающаго рай и пекло и выпускающаго грѣшныя души, кромѣ одной. Этот послѣдній мотив и по моему мнѣнію весь христіанскаго происхожденія, из чего для меня неслѣдует, чтобы всѣ болѣе-менѣе миѳологическіе ключи вели свое начало от Петровых, о чем — ниже. Поэтому, несоглашаясь и в частностях толкованія с Аѳанасьевым (П. В. III, 756—7), считаю невѣрным прежде всего то, что он неотдѣляет мотива „3-е ворот“ от его позднѣйших ассоціацій и объясняет приведенное мѣсто колядки как цѣлый образ: „корабль — туча, рай — ясное небо, ключ — молнія“.

По главному мотиву (грѣшныя души и пр.) к вышеупомянутой колядкѣ и к щедровкѣ „Ой сів Христос вечеряти“ примыкает серб. п. размѣра щедровок:

Свети Петар цркву гради
Ни на небу, ни на земљи,
Но под небом у јајеру.
Ту је цркву освештао
Летурђију отпојало . . .

(ее слушают, стало быть уже находятся в церкви — раю, всѣ души, кромѣ 3-х смертно согрѣшивших, которыя страдают в пеклѣ). Кар. Пјесме из Хер. 324.

Стихи 1—3 этой пѣсни считаю христіянскою перелицовкою начала слѣдующей колядки того же размѣра [1]):

Град градила бјела вила
Ни на небу, ни на земљи,
Нег' на грани од облака.
На граду је *троје врата* . . .
(багряныя, жемчужныя, золотыя)

. . . Што су врата од скерлета
На та вила шћер удава;
Штол' су врата од бисера,
На та вила сина жени;
Што ли врата сухог' злата,
На та вила сједи сама,

[1]) Особо стоит пѣсня у Кар. Пјес. из Херц. 265, размѣра свадебных (4+4+5) „Град градила бјела вила, коо Цариград“ представляющая сочетаніе мотивов: „построеніе вилою города“ (стѣны из конской и юнацкой кости, по углам людскія головы) и „избіеніе ею царскаго войска“. Ср. Кар. Пјес. I, 157, 159 (№ 232, 234, особенно послѣдній).

Digitized by Google

Вила гледи у облаке,
Ђе се муња с громом игра,
Мила сестра су два брата,
И невјеста с два ђевера.
Муња грома надиграла,
Мила сестра оба брата
И невјеста два ђевера,
А то вили мило било.

(Чубро Чојковић, Пѣванія Церногорска, 3). Варіанты Караджича (Пјесме I, 151—2) записаны тоже в Черногоріи.

Из отличий замѣтим: вмѣсто „на грани" (v. в формѣ винит. в значеніи мѣстнаго „на грану") „од облака", т. е. на вѣтви облака, так что облако представляется деревом,—„на дело (?) под облаке". Караджичь догадывается, что это—„на делу" v. „на дијелу"=„на брду" v. „на бријегу", на горѣ, на холму. За тѣм:

Што су врата суха злата,
На них вила сина жени;
Што су врата од бисера,
На них вила кћер удава;
Што су врата од шкерлета
На них вила сама сједи,
Сама сједи погледује и пр., как выше.

У Караджича эта пѣсня отнесена к субъективнс-установленной категоріи пѣсень „особенно-миѳологичных" и неназвана колядкой. Это незначит, что свидѣтельство Чойковича (Милутиновича) невѣрно. Миѳологичность сохраняется не в силу своей собственной устойчивости, а потому, что примѣняется к житейским обстоятельствам, становится образом постоянно обновляющагося значенія.

Эта пѣсня есть такая же колядка, т. е. величанье, как а) „пјесма од коледе", Кар. I, 115, N 191 (величанье старой матери семейства); б) безыменная, Кар. I, 161, N 235 [величанье дѣвицѣ: „ты так прекрасна, как будьто плела косы солнцу (дѣвицѣ) и мела двор мѣсяцу!"— Нѣт, отвѣчает дѣвица, ни то, ни другое,

Ван (=*вън*, но) стајала те гледала
ђе се муња с громом игра,

т. е. она или отождествляет себя с вилою вышеприведенной пѣсни, или говорит, что она была свидѣтельницей того, что происходило в вилином городѣ, и от того—ея кра-

Digitized by Google

сота]; в) безыменная у Кар. 161, N 236 (величанье молодцу: он выслужил у Божьей матери волов, яворовое ярмо и пр. См. мое соч. О миө. зн. нѣкр вѣр. 230).

Так и разсматриваемая колядка есть величанье матери-хозяйки и ея дѣтей. Изображенiе ея семейнаго счастья миөологическими чертами, его обожествленiе есть лишь поэтическiй прiем.

Каково бы ни было миөологическое значенiе этой колядки, величальное значенiе образа

Вила гледа . . . :
Муħа (=молнiя) грома надиграла,
Мила сестра оба брата . . .
. . . И то вили мило било,

в общем явственно видно из сравненiя с болг. весеннею (Лазарскою) п. того же размѣра и характера (Миладиновы Бълг. н. п. 488):

Три се сънца разиграле
Во майкини рамни дворе.

Это были не солнца, а сыны.

Помали—от 'и надиграл.

Мать смотрѣла на эту побѣду меньшого и, конечно, наиболѣе любимаго сына и, вѣроятно, в душѣ радовалась, как вила в серб. п., но необнаружила этого. „Недѣлай, говорит, стыда старшему брату. Отец рѣшил, чтобы кто одолѣет в игрѣ („кой понапрет ке излезит“, м. б. именно обгонит?), того я первым женила“. И вот младшiй обнаруживает и нравственныя достоинства. Он просит неговорить отцу, что он, хотя меньшой, оказался бо́льшим юнаком. Мать на вопрос отца об исходѣ игры отвѣчает двусмысленно, и введенный этим в заблужденiе, отец рѣшает женить старшаго.

Град (arx, за́мок; в этом смыслѣ и русс. город) *ни на небѣ, ни на землѣ* (стало быть на склонѣ неба?) может быть отнесен к восходу или закату солнца. Так как заря представляется пожаром, то к восходу и к закату может

Digitized by Google

быть отнесена лотыш. п.: „Жавороночек малая птичка! что ты видѣл в небеси? Я видѣл как сгорѣл один замок, видѣл как построили другой“ (Спрогис, 106; Бривземн. 67 (288).

Лотышская п., приведенная выше (стр. 65) и взятая мною за начало ряда сближеній, говорит о закатѣ солнца. Мнѣ кажется, что стихи серб. п.

Што си врата сва од злата
На них вила сина жени (Кар. I, 151)

связывались с тѣм же явленіем. Иначе трудно будет объяснить слѣдующее серб. „бajaњe“ („басму“, заговор и сопровождающія его дѣйствія, чары) от дѣтскаго *плача* (русс. плаксы, криксы):

„Когда *вечером* увидят какой либо *огонь за водою* (по ту сторону, „преко воде“), набирают воды в зеленую миску и, держа дитя на руках, умакают головешку (горящую?; „угарак“) в эту воду, говоря: „*Вила сина жени* и мога Марка (имя ребенка) зове на свадбу. Ja нешиљем (=непосылаю) Марка, него његов плач“, (трижды). Этой водой поят дитя, а остальную выливают на собаку или кошку (ср. п. „na psa urok“ и т. п.), а миску—ставят вверх дном на всю ночь (Милиħевиħ, Живот Срба и пр. Гласник Срп. уч. друштва, кн. V (XXII), 158). Такое же лѣченье от лихорадки: спечь головку чесноку (чеснок см. в моем соч. О миѳ. знач. нѣкр. обр., 305), *вечером, когда зайдет солнце*, выйти перед избу и *увидавши гдѣ либо огонь*, говорить оборотясь в ту сторону: „*Онде ватра гори, онде вила сина жени* и зове мене на свадбу. Ja немогу да идем, него шаљем грозницу (=шлю лихорадку) и лукову главицу“. За тѣм бросить (в ту же сторону) чеснок (Милиħ. ib., Гласн. XXXVII, 142).

По очень распространенному повѣрью солнце заходит в море (=за воду). По видимому, огонь горящій за водою, изображает именно закат солнца [1]). Тоже представля-

---

[1]) Ср. вр. загад. о восходѣ сонца: „без огня село горит“ (Этн. сб. VI, 112); лотыш. п. о закатѣ солнца: „Там спали ночлежники (что стерегут ночью лошадей на паствѣ), там раз-

Digitized by Google

ет и головня, погашаемая в мискѣ воды (тушенье горячих угольков при заговорах от болѣзней, см. на пр. Чуб. I, 134—5). Гашенье головни здѣсь нужно потому, что огонь, горящій за водою во время заговора непогаснет, а между тѣм ход мысли, лежащій в основаніи множества чар и заговоров требует, чтобы в дѣйствительности происходило то, что служит образом желаемаго событія [1]): как тухнет уголь, как потухает зоря (Майк., Закл., N 211, 236), так бы погасала болѣзнь; как уходит за воду солнце, так и вмѣстѣ с ним или в слѣд за ним ушла бы болѣзнь. Ср. „когда солнце заходит, больной, ставши лицем к западу, говорит: „сунце за гору, а главобоља у гору (=в лѣс)“ и бросает туда грудку соли“ (Милиħ. ib. Глас. XXXVII, 144); от крика („од вриске“) выносят дитя на двор вечером, когда мѣсяц заходит, и, как бы подбрасывая его трижды вверх к мѣсяцу, говорят: „месец за гору, а мога Марка (N.) вриска у гору“ (ib., кн. V (XXII), 158) [2]); „солнце на запад, день на исход, сучек на глазу

вели огонь, там грѣлся бог, там оставил свой плащ“ (Бривз. в Сб. Дашк., 28); Кто там зажег огонь на краю этого поля? Кузнец кует на небесах, уголья падают в Двину... (ib.). Закат солнца — пожар дома насѣкомаго „солнышка“ (coccinella), см. Mannhardt, Germ. Myth., 353—4; мое соч. О миѳ. зн. и пр. 218—9, 224—5; Аѳ. П. В. III, 295—8. Португальскій заговор в Liebrecht Z. Volksk. 373—4.

[1]) Об этом см. в моем соч. „Мр. п. по сп. XVI в.“ 21 сл. Заговоры, построенные по формулѣ „Я вижу то-то; подобно этому пусть будет то-то“ на пр. у Майк. NN 5, 9, 12, 19, 22—3, 199 и пр.; Аѳ. П. В. I, 169, 636, 679—80 и пр.; или „невозможно то-то; так бы было невозможно то-то“, Майк., N 139, 199, 206, 221, 226 и пр.

[2]) Этим отчасти (т. е. кромѣ спеціальнаго отношенія мѣсяца и (его) зайца к зубам) объясняются обращенія к мѣсяцу в заговорах от зубной боли. 1. Просят мѣсяц сойти, снять и унести (с собою) зубную скорбь (Сах., Ск. Р. н., кн. 2, N 15; Чуб. I, 124). 2. Тот свѣт, куда по закатѣ уходят свѣтила, есть царство мертвых. Сам старый мѣсяц, находящійся в той странѣ и представляемый отцем молодого, есть мертвец (Ерлен-

Digitized by Google

(=ячмень) на извод: сам пропадет, как чело (=устье печи) почернѣет", Майк. N 83.

С закатом солнца связывается то, что „вила сина жени". На эту свадьбу приглашается сам больной, но вмѣсто него отсылается его болѣзнь. Первую из этих черт ср. с лот. п.: „Сѣрые кони, кованый воз у ворот дома Солнца (ж. р.). Мать солнца выдает за мужь свою дочь приглашает *меня* (пѣвца) в поѣзжане („в догонщики", в бояре невѣсты). Как мнѣ ѣхать в поѣзжане? У меня нѣт доброго коня" (Спрогис, 312—3; Бривз. 1. с. 30, N 64). Вышеупомянутыя серб. п. о службѣ у солнца и мѣсяца (Кар. I, 161) ср. с лот.: „Ночью ѣдет мѣсяц, Я у мѣся-

---

ко, Сб. мр. заклин. Чтен. в Об. И. и Др. 1874, I, N 13—4). Отсюда: „місяцю, молодий княже! Чи бував ти в старого (т. е. місяця)? чи болять у його зуби [вар. „у мертвого", „у неживого"; „питається син (=молодик) батька (старого мѣсяца): чи болять зуби у неживого", т. е. у этого батька]? Ні неболять. Нехай же и у N. неболять", Чуб. 125. 3. Вм. стараго мѣсяца появляется безыменный мертвец (Майк., N 62, 64—5), мертвецы (Майк. N 66—7, 73; Чуб. I, 125), евангельскій Лазарь, при чем вопрошают его три (sic) сестры (Майк. N 70; Сах. Ск. кн. 2, N 17; Чуб. I, 124). Эти сестры б. м. отождествляются с зорями (ср. Майк. N 63, 70 с N 236) Сах. Ск. N 14.

Представленія мѣсяца мертвецом нѣт необходимости возводить к книжному вліянію, хотя заимствованіе от книжных людей, буде в нем была надобность, могло произойти уже в началѣ X в. В Шестодневѣ Іоанна Экз. Болг. читаем: Да небес'ное тѣло и величьство нѣс(тъ) безь коньца ни без начела, да и подобенъ начелоу и коньць иматъ, яко же и оучитель твои Платонъ оучитъ, рекы: лѣто же (=время) съ нбсмъ быс(тъ), да коуп'но бывьша, коуп'но же и расыплетесе. А нѣ ли и тако и слнце и звѣзды и мсць? Явѣ бо и величьствомь и вѣроую (?) с коньцемь соут', яко же и видимь по все мсце кон'чавающоусе лоуноу и охоудѣв'шоу (=умалившуюся), и свѣтъ из нее, яко и доушоу исходещоу и акы мртво тѣло имоущоу ... (Чт. в Об. И. и др. 1879. III, 15) ... многачьскыи акы и доуши исходещи из нее (лоуны) свѣтоу и мртвѣ се явлоюци, и пакы ожив'ши приети(и)мь свѣтовнымь" (ib. 115).

ца возничим. Мѣсяц мнѣ дарит свой звѣздный плащ" (Спрог. 314—5).

2-ая черта, отсыланье болѣзней за море на свадьбу находит соотвѣтствіе: а) в лотыш. заговорѣ от тараканов (*prûsis*, прусак, К исторіи звуков, III, 105): Один отворяя и затворяя двери спрашивает: „Гдѣ тараканы? Другой:—На свадьбѣ и пр. [Трейланд (Бривземніакс), Матер. по этн. лат. пл., Тр. Этн. отд. Общ. люб. естествозн. VI, 161); б) в замѣчательном вр. заговорѣ, по ркп. XVII в., изображающем свадебный поѣзд:

„Се — умолвити червь в человѣцѣ, или в конѣ, или в нивѣ".

„*Как зайдет солнце*... глаголи:

„Сѣдла гремят, узды бренчат, в порожные мѣхи ѣхати по хмѣль, по легкой товар, червем, и полетѣти *за море*. Тамо у червей *сватьба*, овча, яловица печена; а здѣсь червям огонь сѣра горючая и смола кипящая. Побѣгите черви отселѣ за море" (Майк., N 202). Ср. ib. N 203: ... „подите вы, черви, *на запад солнца*, на зеленую дуброву" ... Здѣсь червям (и болѣзням) грозят всякія бѣды, а там за морем—приволье: „поди (червь) за море, к попу Перфилью; многа у попа Перфилья поля капусты изнасѣяны, медом изполѣваны, тебѣ обѣд изложен" (ib. N 204). „На Сіянском болотѣ" — „скопища и игрища" „протошниц" (ib. N 222); от ворона, мѣшающаго охотнику: „полети с моей тропы, с моего сгодья, за синее море ко Ироду царю. Там Ирод царь бьется-дерется, кровь проливает; тут (там?) тебѣ, черный ворон, столы разставлены, ѣства сподоблены; (а) на моем лѣсѣ, на моей тропѣ — ... смоливая спица в правый глаз тебѣ (ib. N 310). Сходно с этим и в серб. заговорѣ „од далка" (*далак*, splenis in duratio), болѣзни, названной в самом заговорѣ „*бедена*" (бъдьна? ъ и ь = ĕ в Черногоріи см. Срб. посл. XXVII): „Што ћеш ту, бедено? Овде за тебе места нема, за тебе нема постеље, за тебе нема вечере. Ти да идеш у Леки-гору: тамо ти се кућа гради, тамо ти се вечера готови, тамо

Digitized by Google

ти се постела стере: мекан душек [1]), свилен јастук [2]), сребрна синија [3]), златна паница [4]), медена ложица [5]). Одавде да идеш: овде ти је место опогањено белолуковином... ту је и трње глогово" (Милић. ib. Гласн. V, 177).

Небудет неумѣстно, хотя и нѣсколько отклоняясь от главнаго („трое ворот" и связь их со свадьбою), остановиться на высказанном выше мнѣніи, что серб. п. „Вила строит город, женит сына, выдает дочь" принадлежит к величальным пѣсням. Подтвержденіе этого мнѣнія дает мнѣ случай разсмотрѣть семейство сербских и болгарских колядок, сколько мнѣ извѣстно, ненаходящих соотвѣтствія между колядками малорусскими:

К названной серб. пѣснѣ примыкает болг. того-же размѣра (=мр. щедровка, 4+4), в которой второго мотива (свадьба и пр.) нѣт, но первый (построеніе замка) развит своеобразно:

Град градила самовила
Ни на небо, ни на земи,
Туку (=но) така под облака.
Што диредзи [6]) ми рѣдеше
'Се [8]) юнаци отбирани;
Што пармаци [7]) ми рѣдеше
'Се [8]) девойки отбирани;
Што пенджери [9]) ми рѣдеше
'Се дечина [10]) одбирана.
Єдно не є дофтасало,
То'а што є сироти сънце.
Марко имат мъшко дете,
Мъшко дете прегалено [11]).
И го зеде [12]) мъшко дете
Да го кла'ит на прозирци.
Марко є се милно молит:
„Самовило милна сестро!

---

[1]) Матрац. [2]) Подушка. [3]) Стол. [4]) Миска. [5]) Ложка. [6]) Клала балки. [7]) Перила. [8]) Все. [9]) Окна. [10]) Дѣти. [11]) Избалованное, нѣжное, малое. [12]) Взяла.

Digitized by Google

„Тебе-ти се милно молям,
„Да ми гледаш [1]) мъшко дете:
„То'а ми є прегалено;
„Бърго вода да му даваш!" (Милад. 3).

Марко—имя счастливаго, величаемаго здѣсь отца, у котораго сын ребенок—такой красоты, что самовила берет его, чтобы сдѣлать из него в своем дворцѣ то окно, что против (восхода) солнца. Отец этому рад и просит только: „дитя нѣжное, так ты за ним смотри и недавай терпѣть жажды". Самый дворец построен из того, что дороже золота: из отборных молодцев, дѣвиц, дѣтей. Т. о. пѣсня несомнѣнно величальная, но не непремѣнно колядка, а м. б. великодная („велигденска"), соотвѣтствующая бр. волочобным. Слѣдующая, того же размѣра, прямо и названа великодною:

Самовила град градила
Град градила, зид зидила.

Приказывала горожанам, чтобы прислали ей по парѣ молодцев и дѣвиц сговоренных но невѣнчанных. Горожане отвѣчают: какая мать согласится на это? А *юда* (=самовила) им: „нехотите добром, будет им хуже":

„Два юнака ке ги клада
„Ке ги клада два дерека [2]);
„Две девойки ке ги клада
Ке ги клада до две порти [3]):
Кой ке види, да завиди!

(стало быть судьба этих пар завидна, как и ребенка в предыдущей п.). Так самовила и сдѣлала (Верковић, Нар. п. Макед. Буг., 4). В другой, тоже великодной, тот же мотив видоизмѣнен согласно с другим, болѣе грозным представленіем самовилы:

Заградила самовила
Заградила вито кале [4])

---

[1]) Досматривай. [2]) Положу их как косяки. [3]) Двери.

[4]) Высокій замок. Dozon, Бълг. н. п., переводит „*вити* планини" — monts *sinueux*, извилистыя горы, вм. высокіе гор-

Digitized by Google

Ни на небе, ни на земя,
Загради го в темен облак.

Строила она этот замок из сговоренных юнаков, бѣлоликих дѣвиц, черноокиx жен, бѣлобородых кметов и бѣлополых кметиц (старух). Нехватило ей на крышу 70 дѣтей в пеленках и послала она к Прасковчанам чорбаджіям, чтобы они дали их ей выбрать из густых сел край Дуная. Тѣ собрались, сговорились и недали ей сел, а дали ей лѣс:

Давале ѝ планинѥ-то,
Да излезе со вихрушка [1])
Да обере вити ѥхли,
Вити ѥхли и борове,
Да покриѥ вито кале.

Она разсердилась

Па излезе на планина,
Три дни валља, три дни духа [2]),
Искубала вити ѥхли... (Мил. 9—20) [3]).

ные лѣса. Болг. *вит* в *вито* кале, в „вити порти" (высокія ворота, двери, Милад. 84 et pass.), в серб. *вито* копље (долгомѣрное копье), серб. и болг. *вита јела* (болг. вита јехла, Милад. 20), соб. высокая (и лишь потому гибкая), серб. *танкдвит*, *танкдвијаст*, тонкій и высокій (длинный), относится, я думаю, не к тому семейству, к которому *вити* = лит. *wyti*, *wyju*, лат. viere (куда между прочим болг. *вито (х)оро*, Милад. 82 и пр. и русс. *виться* о хороводѣ), а к *вити* = лит. *wyti*, *wëju*, гнать Ср. русс. *юнкій* лѣс; о человѣкѣ: „эк его выгнало!".

[1]) Вѣтер, вихорь.

[2]) Дует.

[3]) Если бы и оказалось вѣрным предположеніе, что „самовила" возникло из „сивилла" (проф. Веселовскій), этим не объяснилось бы сложное содержаніе, вкладываемое в эту форму. Здѣсь Самовила, как в нижеприводимой п. Юда, сближается с вихрем. В сербском заговорѣ „вештице, *виле* и *ветрови*" отсылаются „у гору (=лѣс), лист да пребројите и пр." (Милиħ. Гласн. V, 194). Серб. *вила* „гонит облака" (мое соч. О миѳ. зн. 172; ср. 279), из чего неслѣдует, чтобы в других случаях, с этим словом несвязывалась мысль о свѣтовых явленіях.

Digitized by Google

Та черта, что горожане недают вилѣ дѣтей, а вмѣсто них заставляют ее вихрем обнести хвою с елей и сосен, напоминает сказку о том, как человѣк заставлял смерть грызть дубы вм. людей и, если меня память необманывает (ссылка утеряна), в этом самом видѣ („хвоя") встрѣчается в русс. сказкѣ о том, как человѣк обманывает смерть (чорта). Как от свисту змѣя (или чорта) осыпается лист с деревьев—см. Аѳ. Ск.[1], V, 21; Рудч. I, 61.

Ср. также болг. п. с очень испорченным размѣром:

Сам си се Господ подкани [1])
Черкова да си сагради
Между двѣ вити планини
И под два тънки облаци.

Он зовет Вил, вихри и самодив: кто из них скорѣе доставит матеріял. Самою скорою слугою оказалась Чума. Она поморила для кирпичей—стариков, для цемента—баб, для плетеных стѣн молодцев и дѣвиц и пр. (Dozon, Бълг. н. п. 9—10).

Нѣкоторым указаніем на то, что была или есть болг. пѣсня, в коей было соединено, как в серб., построеніе вилою дворца и женидьба ея сына, замужество дочери, служит болг. великодная

Вихор ми вие в гора [2]) зелена;
Не ми е вихор, лю (=а) ми е Юда:
Гора трошеше [3]), двори градеше,

именно: фундамент из стариков, стѣны, вм. кирпичей, из малых дѣтей и пр. В слѣд за этим: она (вила, юда)

Снаха доведе, керка одведе...

Эта снаха молчит девять лѣт, пока нерождает ребенка—мотив разработываемый в болг. пѣснях о том, как солнцева мать женит своего сына—солнце на дѣвицѣ, которая 9 лѣт соблюдает обѣт молчанія (Запис. М. Ст. Дрино-

---

[1]) Вознамѣрился, собрался.
[2]) Лѣс.
[3]) Ломала.

Digitized by Google

вым, Период. Спис. на Бълг. книж. дружество, год I, XI—XII, 152, другія ссылки ниже) [1]).

---

[1]) Возвращаюсь к вышеприведенной п. „Град градила Самовила...“ Милад., 3. Величанье отца и его ребенка, состоящее в том, что этого ребенка самовила берет для окна в своем дворцѣ, может быть сопоставлено с нѣсколькими другими, столь же граціозными:

а) В хорв. величальной, на канунѣ Ивана („Ладарица“, „на предиванѣски дан“), размѣра щедровок, по содержанію сходной с колядками, величальники говорят, что если им недадут всего обѣщаннаго,

„Ми веземемо ваше дите,
Ваше дите то најмлајше...
...Ми га јочмо јоправити:
З чрешње-вишње цепелише,
З мака-цвита робачицу,
З шипковине зелен венчек.
Ми га јочмо јодводити
В темне луге, прашне путе,
Кај се бомо ш њим играле,
Как јунаки стрелицами,
Как дивојке з јабуками,
Как снашице з иглицами,
Kukuljević, Dela, IV 255.

В серб. кралицкой (троицкой), величальной ребенку, дѣвицы грозят: если мать недаст выкупа за своего ребенка,

Ми ћемо г' однети
Там' у нашу земљу,
(Гдѣ лучше, чѣм здѣсь, ибо:)
Там у нашој земљи
По два сунца греју (свѣтит), 2
По два ветра веју;
Чедо нами треба,
Као струк босилка, Кар. I, 108.

б) В болг. пѣснѣ, которая встрѣчаемым в ней выраженіем „стане нине“ (о коем буду имѣть случай говорить в другом мѣстѣ), уже непонятным и ошибочно принятым за титул или соб. имя, роднится с мр. колядками, колядовщики говорят:

„Стане нине, господине!
Чуле сме тя, тà сме дошле:

Выше (стр. 33) было замѣчено, что хотя a priori нѣт ничего невѣроятнаго в том, что древніе припѣвы могут приставляться к пѣсням новаго происхожденія; но отдѣльными случаями это, сколько знаю, неподтверждается, так что, пока необнаружится противное, древность припѣва можно считать указаніем на древность основных черт самой пѣсни. Это примѣняю я к пѣсням с припѣвом „Ла-

Имаш сина златнокоса,
Златнокоса, сребро̀глава.
Дай го, дай го, цар да бъде!“

Хозяин отвѣчает, что у него есть такой сын, но он еще не может быть царем, неможет строить войска и начальствовать (п. ч. еще дитя).

Коледаре отговорят:
„Дай го, дай го, Стане-нине!
Ние му штем лефе дели,
Лефе дели, аскер реди!“ [1])
„На здраве ти, домакине!
Тебе пеем славословим!“

(Милад. 116, N 83, под коим соединено двѣ самостоятельныя колядки).

Сходный мотив в лазарской (весенней) п., как величанье малому дитяти и косвенно — его матери. Размѣр — 4+3+припѣв (как и в лазарских у Милад. N 576, 584, 609), уже отмѣченный выше в нѣскольких веснянках:

Малечко’о ’убо’о [2]), о Лазаре!
На диван ми седеше,
Со яболко играше.
Майка ле му викаше:
„Малечк’о ’убо’о! [2])
„Доста седе на диван,
„Доста играш с яболко,
„Да н’ те цар-от догледат,
„Да н’ ти царство поклонит!“ [3])
Уште [4]) реч-та нерече,
Ми го цару догледа
И му царство поклони. Милад. 487 (N 577).

---

[1]) *Лефер* (серб. из турец.). воин, получающій от царя плату, *аскер* (из турец.), войско. [2]) = *Хубаво*, прекрасное. [3]) Подарит. [4]) Еще.

до, ладо“ и мр. свадебным, колядкам, бр. волочобным с припѣвом *„рано, рано“*, отзвук котораго б. м. слышится в Словѣ о П. Иг. (см. мое изд. Сл. о П. 136).

В одной из таких свадебных величальных пѣсень, с замѣтным в нѣкоторых, я думаю, болѣе древних варіантах размѣром (4 + 4), затемняемым лишь правильными растяженіями и приставками (а, то), стало быть с размѣром серб. колядки „Град градила бјела вила“, нахожу в своеобразном и фантастическом видѣ соединеніе нѣкоторых черт этой колядки: *построенія города* и *матери, выдающей дочь за муж, или женящей сына.*

А. А славен вечор да дівич-вечор,
рано, рано!
А ще славній мій чорний ворон,
да ранесенько!
Чорний ворон збудував город
Да й у три стіни камъяниї,
А в четверту золотую,
А на той стіні терем стоїть,
А на терему маковочка,
На маковочці ластовочка
Звила гніздечко з чорного шовку,
Вивела дітки однолітки:
Перше дитятко роженеє,
Друге дитятко суженеє;
Роженеє та Ивашко,
Суженеє та Маръєчка.

(С незначительными измѣненіями. Чуб. IV, 148—9, гдѣ еще 6 вар. из различных мѣстностей).

Другія вар. разнятся началом:

Б. Тепер у нас (v. дивен вечор) дівич-вечор,
Дівич-вечор хороше зряжен,
Та не так зряжен, як обсажен
У (v. на) три стіни и пр.

То, что здѣсь дѣвичь-вечер принят за город, б. м. удобнѣе всего объясняется недоразумѣніем, в силу коего

Digitized by Google

припѣв внесен в самый текст пѣсни. В нѣкоторых вар. стих раздѣлялся пополам припѣвом:

В. Славный город
да дівич вечор!
рано, рано! да дівич вечор!
Хороше зряжен
да дівич вечор! и пр.

Стоило только, вмѣсто того, чтобы отнести „славен город“, минуя припѣв, к „хороше зряжен“, счесть припѣв за продолженіе стиха, и получалось:

„Славний город да дівич вечор“,

Новосельскій (Lud Ukraiński, I, 192), у котораго взят этот вар., виновен здѣсь лишь в том, что на недоразумѣніи строит объясненіе: „Diwycz weczor odbywa się nie na ziemi; miejsce działania jego jest gdzieś na mistycznych stopniach góry świętej etc.

По началу лучше Львовскій вар.

Г. Ой дівно Львів збудований
На три угли ставлений и пр.

(Гол. IV, 267), но в нем вѣрны основному размѣру только ст. 1 и 6.

Д. Вр. свадебн. (из мр.), Старооскольс. у.

За горою каменною
Ладо, ладо!
Не стук стучить, не гром гремить,
Наши бояре терем строють,
Во три стѣны каменныя,
Четвёртая золотая,
А пятая маковая [1]).
На маковкѣ двѣ ластовки,
Они вьють гнѣздо с алаго шолку...
...Вывели дѣток однолѣток:
Первое дитя—Иван-от-свѣт,
Другое дитя—Марья-свѣт;

---

[1]) „Маковая“ в силу вліянія слѣдующаго стиха, в коем рѣчь о маковкѣ.

Digitized by Google

Не вмѣстѣ 'ни́ родилися,
В одну семью сгодилися
(Коханов. Остат. бояр п. Р. Бес. 1861, II, 83).

Е. Бр. купальская (Шейн, Бр. п., 160):

Иван, Иван да Марья,
А па гарє купальня,
А на купальнє царковка,
А па царковцє макавка,
А на макавцє кружолка
(v. крыжечик),
А на кружолцє ластавка.
Яна сядзіць высока,
Чуїць і відзіць далёка,
Што ў Полоцку дзєїцца:
Дзєвяць панєнак заручоных,
А дзісятая павянчаная.

Это собственно не варіант, а особая пѣсня, родственная с предыдущей, по размѣру 4+3, сходная с веснянками. „Купальня“ попала сюда только в силу припѣва купальских пѣсень „купала“ или, чего впрочем в дошедших до нас пѣснях несохранилось, „*купалья*“ (Ип.[2] 565, под 1262 г.). Из этого припѣва вышло обозначеніе мѣстности, гдѣ стоит церковь. То, что ласточка здѣсь не вьет гнѣздо (черта, без которой предыдущая свад. п. обойтись не может), а лишь сидит высоко, видит далеко, предполагает существованіе варіянта, в коем построеніе города (терема) и витье гнѣзда представлялось, как видимое с высока птицею. Это ведет к предположенію, что и вар. А возник из болѣе древняго, в коем ворон не строитѣль города, а лишь зритель, предположенію, подтверждаемому лотышскою п., в коей ворон видит, как строят чудесную клѣть для невѣсты и жениха:

„Ворон сидит на дубу, играя на золотых гуслях. „Невидал ли ты, ворон, куда повели (за муж) нашу сестрицу?“ — Туда повели вашу сестрицу, *через скользкое озеро* [1]): сивые кони, бѣлые покровы, пышный наряд у ведущих (=сватов). Пышные провожатели „скрини“

---

[1]) *Скользкое озеро* — ледяное небо, первообраз стекляного (Аѳ. П. В. I, 120, 192). В Шестодневѣ Іоанна Экз. читаем: „Въ вторыи же дн҃ь рече Бъ: „боуди твръдь посрѣд(ѣ) воды ти (=и) боуди разлоучаѥ (=ѩ) посрѣд(ѣ) воды и воды“. Створи же небо видимоѥ се, акы ледъ сътевъ.... Почто же ѥ зоветъ твръдь? Не им' же лі от житькы воды и рѣдькы оутвръди ѥ и ожесточи?“ (34. Ср. ib. 143).

(„кубла“, лот. *pûrs) рубят клѣть* из гусиных костей [1]), павлиньими перьями кроют крышу, *из розоваго цвѣту стелют постель, из маковаго — покрывало* (простыня). Туда легла ваша сестрица, как та искра огня (=так прекрасна); туда вкатился „людской сын“ (жених, чужанин), как комок (бѣлой) пѣны“ (Спрог. 106—7; ср. Бривземн. в Сб. Дашк. N 285, 287). Что здѣсь величанье посредством примѣненія небеснаго брака к земному, можно заключать из слѣдующей п.:

„Божьи сыны *рубят клѣть, ставя золотыя стропила.* Сквозь них (?) проходит солнцева ночь, дрожа, как листочек“, Спрог. 303.

В заключеніе экскурса „трое ворот и свадьба“ приведу вр. весеннюю хороводн. п., упомянутую выше (стр. 45) по поводу дѣйствій, сопровождающих „сѣянье проса“. „Которая нибудь крайняя пара дѣлает *вороты;* через них проходят всѣ играющіе под пѣсню:

Вокруг города, вкруг Архангельскаго
Остров мой, да зелен мой!
Были трои воро́та, трои широкія.
Как во первые воро́та сундуки [2]) провезли,
Как во вторые воро́та бояре прошли,
Как во трети то ворота женихи прошли,
Женихи прошли и невѣст провели.
„Уж как кто-то сына женит, у кого дочь берет?
—А N сына женит, у N дочь берет.

Т. о. паруют всѣх играющих (Гуляев, Этн. Оч. ю. Сибири, 74—5).

Указаніем на первоначальное тождество этих троих ворот служит вар.:

Уж как в первы воро́та проходили корабли,

---

[1]) Ср. в упомянутой выше (стр. 76) серб. п. „Вилин град“:
...Па бедеме (вила) гради граду чудом чудене
Све од силне коньске кости и од јуначке
(Кар., П. из Херц., 265).

[2]) = Лот. *pûrs,* скриня невѣсты.

Digitized by Google

Во вторые ворота́ пролетали соколы,
Уж как в третьи ворота́ добры молодцы прошли,
Добры молодцы прошли, красных дѣвиц провели.
(Иркутск, Зап. Г. Общ. по Этн., II, 385),

ибо, как видно из других данных, которых здѣсь непривожу во избѣжаніе новаго отступленія, соколы—тѣ же женихи, а на кораблѣ жених перевозит невѣсту. Этот варіант заключает в себѣ черту („сокол пролетает в ворота"), которая понадобится ниже, при объясненіи одной веснянки.

В разсматриваемой игрѣ „Воротарь" дано сочетаніе черт: „*отпиранье ворот* (в одном вар. отмыканье и замыканье церкви)" и „*мед*" („яриї бджоли", „фасойка меду"). Одно из существующих объясненій предполагает здѣсь лишь ту связь, что ворота города или замка отпираются для впуска людей, привезших дань медовую. Но, мнѣ кажется, такое раціоналистическое объясненіе, оставившее слѣды в самой пѣснѣ („*фаска* меду"), касается лишь предполагаемаго позднѣйшаго наслоенія пѣсни и потому неисключает другого, миѳологическаго объясненія, к тому же основаннаго на бо́льшем количествѣ данных.

Если и это объясненіе будет вытѣснено вполнѣ или отчасти третьим; если на пр. окажется, что миѳологичность тут, если и есть, то вторичная, христіанская и легендарная: то, конечно это послужит лишь на пользу дѣлу.

Пока я считаю удовлетворительным объясненіе, если неошибаюсь, подготовленное предыдущими сближеніями. Первоначальная сцена здѣсь не земля, а небо. Ворота—суть небесныя ворота, в которых восходит и заходит солнце и другія свѣтила. Их отпирает и запирает, отмыкает ключами и замыкает *зоря* (а может быть и мужескій образ того же явленія), выпуская при этом *росу*, отождествляемую по одному воззрѣнію с *ключами* зари, по другому с *медом*. Это послѣднее воззрѣніе восходит ко временам гимнов Вед — явленіе не болѣе странное, чѣм то, что самое слово *мед*, даже по своему склоненію (тема на -у) не-

Digitized by Google

прерывно и независимо от посторонняго вліянія сохраняется от времен еще болѣе отдаленных. Черты утренней зари были перенесены на весну, „утро года“ (Пушкин). По моему мнѣнію, не есть измышленіе миѳологов по крайней мѣрѣ то, что в слав. народной поэзіи существует ассоціяція:

Зоря, ключи, роса, мед, к коей примыкают и нѣкоторыя другія:

Недостаточно засвидѣтельствовано, что вр. загадка „Дѣва Маріа по воду ходила, ключи обронила“ говорит именно о молніи (Худяков, Загадки, Этн. сб., VI, 80), согласно с чѣм Аѳанасьев объясняет: „богиня громовница, чтобы добыть дождевую воду, бросает ключ—молнію“ (П. В. II, 401). Другіе извѣстные вар. этой загадки говорят о *зорѣ* и *росѣ*: „Заря заряница, красная дѣвица, по полю (по лѣсу, по церкви) ходила (играла), (врата отпирала), ключи потеряла. Мѣсяц увидѣл (несказал), солнце скрало (взяло, подняло, нашло)“, Худяк., l. c. 99—100; Ном. Приказ., 291—2; „*Минда Миндолина* [1]) кључе изгубила, нашао их месец, отело му сунце“, Ст. Новаковић, Срп. загонетке, 194. Соотвѣтственныя литовскія загадки о росѣ,

---

[1]) М. б. *Манда* (Кар. Рјечн.), *Мандалена* (=Магдалина)? Это послѣднее имя встрѣчается в хорв. сказкѣ Бендеш-вила-Мандалена (Valjavec, N. pripovjet.. 21), содержаніе коей таково: а) Младшій из 3-х братьев ловит птицу, которая ночью поѣдает плоды с его дерева (сходный мотив — в мр. колядках). Эта птица в его руках превращается в Бендеш-вилу-Мандалену, прекрасную дѣвицу, которая своей золотой косою освѣщает все поле (зоря?). Когда она засыпает вм. с героем сказки на золотом стольцѣ, баба отрѣзывает ей косы. Мандалена исчезает. б) Герой находит ее, живет с нею в ея градѣ. Уходя на время она *оставляет ему ключи*. Он освобождает запертаго в одной из комнат змѣя в бочкѣ, который похищает Мандалену. в) Герой при помощи благодарных животных добывает у нѣкоей бабы коня, на котором освобождает Мандалену. Другіе вар. см. в моем соч. О миѳ. зн. нѣкр. обр. и пов. 15 сл. Впрочем мотив б) (передача ключей) может находиться лишь в случайной связи с именем героини.

Digitized by Google

в коих говорит от своего имени неназванное лицо (зоря), росу представляют запонкой (или пряжкой, saktis) или перстнем: „шла я ночью, потеряло запонку (sakti), мѣсяц нашол, солнце отняло (схватило)“ или „мѣсяц нашол, отдал солнцу“; „потеряла я перстень под мѣдным мостом, нашел (его) мѣсяц, истребило солнце“ (Schleicher, Litauisches Lesebuch, 63—4; что говорит здѣсь женщина, это, конечно, догадка, т. к. грамматич. род verbi fin. необозначается). Несмотря на вар. „врата *запирала*“, рѣчь идет, по видимому не о вечерней (О. Милл., Оп. Истор. обозр. Р. Слав., I, 65), а об утренней зорѣ, отмыкающей небо при мѣсяцѣ перед восходом солнца. Если бы говорилось о вечерней, то трудно было бы объяснить неупоминаніе утренней зари слѣдующаго дня. К этой же порѣ относятся выраженія: „утренняя зоря *размыкается*, Божій свѣт разсвѣтается“ (Майк., Заклин., N 337); „как ты, матушка бѣлая зоря, разрѣшаешь (отдѣляешь от наступающаго свѣта?) тьму, такожде разрѣши хищника (=тьму; в мр. загадкѣ „темнóта“=волк) от имѣнія сего“, ib. N 266, впрочем— книжнаго склада.

Судя по пѣснѣ, записанной мною в 1852 от женщ. из под Валок (мое соч. О нѣкотор. симв. в слав. н. п. Х. 1860, 136; Чуб. V, 445), в коей за достовѣрность послѣдних 4-х стихов до сих пор, к сожалѣнію, ручаюсь я один, утренняя зоря, неотмыкая неба, может продлить ночь, время, когда мертвые являются на землю:
дѣвица сирота:

К сирій землі припадала:
„Зéмле-ж моя, мать (sic), сирая!
„Приняла ж ти отця й неньку,
„Прийми й мене молоденьку . . .
. . . „Коли б знала я відала,
То-б я в зорі ключі взяла
Та ніченьки доточила,
Из ненькою говорила.

Лот. пѣсня, по видимому, отождествляет ночь с могилой, приписывая „дочери солнца“ („saules meita“, здѣсь вечер-

няя зоря?) отпиранье могилы. Дѣвица говорит: „дочь солнца, дочь солнца! дай мнѣ ключи от могилы; мнѣ нужно ити отпереть могилу для родного братца“ (Бривземн. в Сб. Дашкова, II, 37, N 105). То-же желаніе, что в мр. п., но по другому поводу, высказывает дѣвица в морав. пѣснѣ:

Dybych měla kliče od toho svítaní,
Nedala bych svítat zétra do snídaní...
...Aby se vyspalo potěsení moje
(Suš., Mor. n. p., 293; Erben, P., 321).

Слѣдующая замѣчательная бр. п. (жатвенная, по содержанію родственная с дѣвичьими веснянками), говорит сначала о вечерней зарѣ, потом — об утреннем отмыканьи неба:

А. Пара, жонкі, дамов іці:
Пацерала зара ключі,
Кала пастаці ідучи
4. А з месяцом гуляючи,
А з соўнінькам гуляючи.
6. А ўзайдзіце, ясны зоркі,
А знайдзіце ключі дзвонкі:
8. Пара зямлю адмыкаці,
Пара *расу выпускаці*,
А первую лядавую,
А другую *мядавую*:
Лядавая свікраткавая,
Мядавая таткавая;
Лядавая—кала плоту,
Мядавая—кала стола;
Лядавую калом прабью,
Мядавую з дюдзьмі прапью.

(А. Киркор, Этн. взгляд на Вилен. г. в Этн. Сб., III, 212; ср. Зап. Г. Об. по Этн., V, 95). Ст. 5-й есть лишь неудачный варіант 4-го.

Б. 1—3 = А. 1—3.
4. Постаць раўнуючі,
З месяцем гуляючи.
А хто тые ключі знайдзіць,

Digitized by Google

Тот се-лета (v. за караля) замуж зайдзіць.
А N (на пр. Ходоска) ключі знайшла,
И се-лето (v. за караля) замуж зайшла.
(Шейн, Бр. п., 190—1; ср. ib. 119. N 168).

По видимому, зарѣ приписано занятіе самих пѣвиц: заря, как и они, равняет „постать“ [1]) [2]), и при этом теряет свои ключи—росу. Значит, пора жницам ити домой. Ср. в другой жатвенной:

„Сцюдзёная раса пала:
„Пусці мяне дамоў, пане“,
(Шейн, Бр. п., 185).

В вар. А., если ст. 6—7 достовѣрны и связь их с 8 слѣл. не внѣшняя, зори—звѣзды приглашаются найти ключи вечерней зори [3]) и, вѣроятно, передать их утренней

---

[1]) Мр., бр. *пóстать*=серб. *пòстат*, вр. и *постáть* (Даль), сколько за раз захватывает перед собою жнец, полоса которую он гонит; мр. „за постать заходити“ начинать такую полосу. Тоже, что у косарей *ручка.*

[2]) В этом направленіи пѣсня пошла и дальше. В вар. В (Шейн, ib. 190) вмѣсто „з месяцем гуляючи“ стих: ... Зара .. Из панами танцуючи, С козаками жартуючи“. Инд. *ушас* (зоря) как танцовщица—В. Милл. Оч. Ар. миѳ., 240. В числѣ лот. заговоров „от крови“, указывающих на зорю, есть один, говорящій о „красной (по цвѣту) дѣвицѣ“, которая пляшет и прыгает [Трейланд, Матеріалы, 143 (260)]. Сюда же, предполагая, что *бля=пля* ..., можно отнести:

Ясны місяцу светі мні,
Ясные зироньki *бляшьіте*,
Блізкіе сусіде глядіте, Zieńk., P. l. P., 86.
Ой заселі піті да гуляті,
Ой заселі ні рано ні пузно (=źno)
Покі зишло три зироньki рузно (=źno):
Одна світіт Щодричу (=си) Васілью,
Друга світіт святому Михайлу,
Трейця світит, оно только *бляше*—
Не для цебе, вражи сыну Ляше,
Що ты ходіш, по ночи віляеш
Мні молод(еньк)ой спатенькі недаеш (ib. 287).

[3]) В связи с этим может находиться вѣрованье, что ро-

Digitized by Google

зорѣ, которая выпустит утреннюю росу. В вар. Б ключи зори находит величаемая дѣвица, и это связано со скорым и счастливым выходом ея замуж. Б. м. здѣсь—перенесеніе на дѣвицу черт зари, основанное на том, что и дѣвица в домѣ родительском есть „ключница" и ключи—знак ея власти и вмѣстѣ ея самой, ея дѣвства [1]); и заря есть невѣста [2]). Такое же перенесеніе, как величанье невѣсты, и в слѣдующем. В Вит. г. дружко, на вопрос поѣзжан жениха, дома ли невѣста, отвѣчает:

„Наша княгіня маладая хадзіла гуляць па лясам, па лугам, па сіню морю — астравам і чаго дагуляла? з'латы ключі пацеряла. Таперь пашла ключов сачиць (=искать). Так вот, пріяцілі, вам приходзіться время прастаяць" (пе-

---

са (и дождь) зависит от зорь-звѣзд („твоја се срећа... звjездама сјајним' росила", Кар., Пjес., I, 191; в первой половинѣ слова *волосожары*, pleiades, мнѣ кажется, заключено названіе дождя, см. мое Сл. о П. Иг. 22—3) и у них же находятся ключи: „и глаголет мнѣ Михаил архангел: заслоню я тебя, р. б. желѣзною дверью и замкну тридевятьма замками и ключами, дам ключи звѣздам, 1-ой Маріи, 2-й Прасковіи, 3-й Ерисы: возьмите ключи, отнесите на небеси, и кто эти ключи достанет, тебя, р. б., отмыкать станет" (Майков, Вр. закл., N 344). То, что в Ворон. г. плеяды носят названіе *Петровых ключей* (Аѳ. П. В. II, 403—4) лишь на половину объясняется „церковно-художественным преданіем об ап. Петрѣ ключникѣ рая" (А. Кирпичников, Св. Георгій и Егорій Храбрый, Спб. 1879, 147), как и названіе раст. cychorium intybus, *Петрів батіг* (вр. солнцева сестра), с голубыми цвѣтами, сидящими как узлы на плети, неможет быть вполнѣ высновано из христіанскаго преданія.

[1]) Сах., Ск. Р. н., кн. 2, 18; лот. „я была у своей матушки хранительницей ключей, теперь в чужих людях стою за дверьми" Спрогис, 193. В мр. пѣснѣ молодая и замужем— „до комори ключниця", Wacł. z Ol., 28.

[2]) По лит. п. утренняя заря — любовница мѣсяца (Schl. Leseb. 3), невѣста (ib. 4); в лот. п. Сама приходит заря (gaisumiňa) ни покупаемая, ни ведомая (как невѣста), а „ладу' (lîgamiňa, желанная, молодая) братцу надобно покупать, вести" Спрогис, 158.

Digitized by Google

род воротами). На это *дружко жениха:* „Эта, пріяціль, твая сказка нашим дзялам ні павязка (не помѣта). Наш князь маладый нігулял, съезділ в горад, шолку накуплял, с шолку сяцей навязал і в сіня моря накідал, там бялу щуку ён паймал, щукі серца разрязал, златы ключи вынімал. Ключи княгініны в нас!“

Др. невѣсты: „Ну, так і княгіня будзя в вас!“ (Этн. Сб., II, 175). Ключи, потерянныя здѣсь невѣстой и *проглоченные рыбой* (один из странствующих поэтических мотивов) в заговорѣ принадлежат красной дѣвицѣ на золотом стулѣ (=зарѣ), замыкающей недуги (Сах., Ск. Р. н., кн. 2, 18).

Во второй части варіанта А (ст. 8 слѣд.) ледовая и медовая роса, выпускаемыя утренней зарею, отождествляются: первая с несчастной *долей* женщины в домѣ свекра, вторая — со счастливой в домѣ отца [1]).

---

[1]) Такой взгляд на долю у отца и у свекра свойствен веснянкам. В нѣкоторых свадебных — на оборот, по пословицѣ „доля луччая Божая, ніж матчиная“, Ном. 45. Чтобы убѣдиться, что это значит „лучше замужем, чѣм у матери“, нужно взять во вниманіе слѣдующее:

Богодаными в вр. называются свекор и свекровь („Богоданные будут угрюмые, Милый ладый невесел с тобой“, Рыбн. IV, 113—4) а равно и другіе родственники мужа, как чужіе, в противоположность родным, своим, которыя, стало быть, неданы Богом. Так: *братец богоданой*, Барс., Причит., 41,—деверь; *богоданые сестрицы* (Арх. Волог.) — не родныя, а по мужу, золовки; *богоданый, -ая,* не только свекор и свекровь, но и тесть и теща по отношенію к зятю; посажоный отец, мать (перм. крестный); *богодана матушка,* не родная, а мачеха (=„названа лиха мачиха, Барс. ib. 86—7); *богоданой отец* — вотчим; *богоданое дитя* — подкидыш, пріёмыш; *богдан, богдашка,* общее названіе всѣх некрещенных дѣтей, а в бр. *богдан*—незаконнорожденный. Это дает возможность иначе смотрѣть на собств. имя *Богдан,* когда оно является не переводом христіанско-греч. θεόδοτος, θεόδωρος. В скр. *дêвâдатта,* по B. R. и Benf., очень обыкновенное мужское собств. имя и отсюда нарицательное имя не

Digitized by Google

Есть и другія указанія на то, что *долю* дает между прочим *заря* и что черты этой послѣдней вошли в состав

опредѣленнаго лица (нѣкто); однако в Панчатантрѣ I, 4 (Benf. Pantschatantra, II, 38) это нарицат. имя любовника, стало быть чужого, несвоего мужа. В нѣкоторых мѣстностях южной Руси молодой и молодая (в вр. свадьбѣ?) называются богданками (Nowosiel., Lud ukr., I, 106, 196).

Согласно с этим названіе жениха *суженый* (кого Бог—судил, дал) равносильно с *чужой—чужанин*, лот. *tautas dêls* (жених, как чужой), а „богосуженая" (Шейн, Вр. п., 524—5) м. б. противополагалось *своей*, т. е. сестрѣ.

И в мр. свадебной п. *доля божая* (Богом данная) противополагается батьковой, как замужество-жизни в дѣвках:

Ой славен, славен Маринин посаг:
По всіх віконцях янгелі сидять,
Янгелі сидять, доленьку судять,
А надо дверьми сам Господь стоїть,
Сам Господь стоїть, книжечку читає,
Книжечку читає, доленьку роздає,
Доленьку роздає, Мариню питає:
„Мариню дитятко! чия ліпша доленька?
„Ой ци Божая, ци батенькова?"
—Ліпша Божая, як батенькова:
(Батенько дає воли корови,
А Господь дає щастя здоровля),
Батенько дає та й вимовляє,
А Господь дає ще й причиняє.

(Гол. II, 651; ср. IV, 211, 8; 225, 14; в скобках стихи из вар. записаннаго в зап. ч. Подольской г.). Н. И. Костомаров (Истор. знач. ю.-р. нар. пѣс. творч., Бес. 1870, XI, 50) замѣчает по этому поводу: „как будьто языческія представленія сталкиваются с христіанскими: является двѣ доли разом; одна дается невѣстѣ Богом, другая—родителями". По моему, столкновенія тут нѣт. Раз то, что Бог судит замужество, а отец дает жизнь до него; другое — то, что Бог, как податель доли—черта языческая, вѣроятно согласная и с этимологич. значеніем слова *Бог*.

Противоложеніе своего, родного Божьему видно и в сербо-хорв.:

За војна би косу одрезала,
За брата би чрне очи дала,

миѳическаго образа *Доли*, серб. *Сречи*, лит. и лот. *Лаймы*. Так в серб. пѣснѣ вилы указывают юнаку его добрую долю (Срећу):

Твоја се срећа родила,
Сунчаном ждраком [1]) повила,
Мјесецем сјајним гојила [2]),
Звјездама сјајним росила,

Кар., Пјес., I, 191. [3]).

Кто же эта срећа, родившаяся при звѣздах и мѣсяцѣ, и повитая солнечным лучем, как не утренняя заря?

Запѣв серб. пѣсни:

...Кад се д'јели срећа од несреће, (то есть),
Тавнаноћца од бијела дана,
Удбинска се отворише врата

(Кар., Пјес., III, 278),

который я в своей статьѣ *О долѣ* (II т. „Древност." Тр. М. Арх. Об.) разсматривал лишь по отношенію к вр. *сутычки*, *сутники*, сумерки (когда день смыкается с ночью), я понимаю теперь так: отворились ворота г. Удбина на разсвѣтѣ, когда оттворяются небесныя ворота и отдѣляется несчастье—ночь от счастья—зари. Подобное сближеніе заключено в припѣвѣ мр. п.:

Јер је војно од божјега дара,
Братац ми је одкуд сам и сама.

(St. Mažuranić, Hrv. n. pjes., 134).

В слѣдующем извѣстная причина болѣзни противоположена неизвѣстной:

Што је сине, врло добро моје?
Ал' је болест од јашиковања,
Али болест од Бога послана?

(Кар., П. из Херц., 166).

[1]) Солнечным лучом.

[2]) Кормилась. Тут могло имѣться в виду „молоко мѣсяца".

[3]) *Срећа* есть также вѣроятно та голая дѣвица серб. сказки, свѣтлая как солнце, с распущенными волосами, которая сидя над озером, вышивает солнечными лучами и которой один красный волос обогащает бѣдняка. Кар., Припов.[1], N 31.

Digitized by Google

Ніч моя темна, зоря моя ясна,
Яка моя доля нещасна (v. прекрасна)!

Родиться на зарѣ—счастье, п. ч. зоря дает счастье и красоту:

Паехав Павлушка жаницца,
Забыв зоріньki вкланицца.
—А я ж табе, зара, свяціла,
Як цябе маменька радзіла.
Хадзіла маменька, як пава
И радзіла цябе, як пана, Шейн, Бр. п., 182.

Aj Nanynko má milá,
Jak jseš ty hezký děvče!
Musela's se narodit
Spíš, než dennice vyšla.
— Ja sem se narodila,
Dennice vyházela,
Už mě moja mamenka
Na rukách kolíbala, Suš., Mor. p., 204.

В мр. свадебной п. вечерняя зоря приводит невѣстку в дом свекрови:

Івасунева мати двері підхилила
і з зорою розмавляла:
„Ой зоре моя, зоре, зоренько вечерняя!
Тож-есь ми присвітила
„До дому мі(и?)тницю, до поля робітницю,
до комори ключницю.
(Wacł. z Ol., 20).

Отношеніе лот. *Лаймы* (доброй доли), сплетающей дѣвицѣ вѣнок (подобно солнцу-матери, см. выше стр. 99), выдающей замуж и устроивающей брачную жизнь (Бривз. N 109—123; Спрог., 303 слѣд.) если не прямо к зарѣ, то к зарѣ *или* солнцу, видно из слѣдующаго:

а) „Счастье, счастье той дѣвицѣ, которая рождается при солнцѣ: для нея Лайма отливает запонки (брошки), обмакивая их в серебро“, Спр., 305, 8; ср. ib. 305, 7.

б) Как тонет в морѣ или Двинѣ солнце, или дѣвица (вечерняя заря) окрашивающая воду в кровавый цвѣт

Digitized by Google

(Спрогис, 13, 5—6; Бривземн., N 181—2), так тонет Лайма:

„Всѣ говорят: моя Лайма (доля) потонула, а моя Лайма сидит на горѣ, на серебряном креслѣ (Спрог., 305, 9; 307, 20; „солнце и мѣсяц, на золотом креслѣ“ Бривземн. (Трейланд) Матер. по этн. лит. пл., 116, 14; ср. также выше стр. 62). Это, мнѣ кажется, бросает свѣт на обычный образ мр. пѣсень: доля тонет в морѣ.

На зарю, частью утреннюю, частью вечернюю, во всяком случаѣ на свѣтовое, солнечное явленіе указывает разсмотрѣніе миѳических образов нѣкоторых частных случаев, входящих в общее понятіе о долѣ, судьбѣ.

Отпиранье небесных ворот и утробы матери при родах.

Если раз сложилось воззрѣніе, что для восходящаго солнца отпирают небесныя ворота (б. м. подобно тому, как на зарѣ дѣвица отворяет ворота, чтоб выпустить скот на пашу [1]); то этот образ легко мог быть перенесен на выход уже взошедшаго солнца из-за туч. Впрочем образы того и другого могут оставаться сродными и при ошибочности предположенія относительно порядка, в каком они возникли. Вот вр. дѣтская п. во время дождя:

Дождик, дождик, перестань!
Я поѣду в Верестань (?)
Богу молиться,
Христу поклониться.
А я в Бога сирота;
Отворяйте ворота
Ключиком, замочком,
Золотым платочком.

(Ср. Шейн, Р. н. п., 53—4).

---

[1]) Ср. „Солнце (мать) вело невѣсту (т. е. слѣдуя за нею) из Нѣмеччины в эту землю; сотнями гнали коров и быков, сотнями карых коней“ (т. е. в приданое?), Бривземн. в Сб. Дашк. II, N 65.

Digitized by Google

Между 3-м и слѣд. ст. связь та, что солнце грѣет особенно сирот (мое Сл. о П. Иг. 61), а ворота — для солнца. Маннгарт (Germ. Mythen) разсматривает нѣсколько семейств подобных нѣмецких дѣтских пѣсень (собств. заклинаній обращенных к солнцу), большею частью связанных с вышеприведенною упоминаніем о небесных воротах. О нѣкоторых из них положительно извѣстно, что онѣ поются во время дождя; но б. м. в них есть указанія и на разсвѣт (Mannh. G. M. 389, γ) и ясный закат солнца, предвѣщающій хорошую погоду на другой день [1]. Ключником небесных ворот является в нѣкоторых п. Св. Петр и Павел [1], но большею частью отворяет двери солнцу женщина. Содержаніе одного типа этих пѣсень приблизительно таково: „Солнце вверх, тьма—вниз" (ib. 527). На склонѣ неба (v. на межѣ неба, am himmelsrain; ср. выше град ни на небѣ, ни на землѣ)—золотой дом или за́мок. Там—

---

[1]) ... Peter sehliess die tür zu, Wirf den schlüssel über den Rhein (т. е. rain, за склон неба или за межу, Mannh. l. c. 393) (как заря теряет ключи): Morgen solls gut wetter sein", ib. 390; Sunne, sunne schein! Treib die wolken von dein, Hin affn gatterspitz, Wo Peater und Paule sitzt, Wo kein hâne krât, Wo kein mader mât, Wo kein ochse liegt Und keine blume blüht (ib. 391). Это удаленіе облаков в нездѣшнія страны есть чрезвычайно распространенный мотив заговоров, отсылающих болѣзни „на луги, на до́ли, на очерета́, на болота́, до синёго моря", „де козак на коні не гуляє, де дівка косою немає, де чоловічий голос незаходить, де скотина неходить, де птиця нелітає", Тр. 3-го Арх. съѣзда, II, 174—5); „у гору и у воду, у високе висине, у дубоке дубине, где певац непева" (Гласн. Срп. уч. друштва, V (XXII), 179), „где говеда неричу, где петли непоју etc." (ib. 169; Аѳ. П. В. I, 478); „да иджт (уроки, почюди и пр.) в пусто горѥ Тилидейско, дѣто штърк немжти, лѣстовица непѣѥ, дѣто куче нелає (v. дѣто пѣтел непѣє и пр.)" (Чолаков, Бълг. нар. сборн., 115—6); лотыш. „в лѣс", „в глубокое море, в глубокій морской пѣсок" (Трейланд=Бривз., Матер. по Этн. лат. пл., 135 et pass.); у Осетин: „о св. Аларды! от тебя идет дѣтская болѣзнь (оспа), от которой соблюди дѣтей этого аула, прогоняя ее в далекія моря и горы" (Сб. свѣд. о Кавк. горцах, IX, Педразс. у Осет., 42).

Digitized by Google

три дѣвицы (или три Маріи). Одна прядет шелк, другая вьет (золотую) вить (русс. *вить*, поль. wić, нѣм. weide), третья, которой нѣкоторы вар. дают *красное платье* [1]), *прядет золото, отмыкает небо, выпускает солнце в дверь*, или идет к роднику и *находит ребенка* (Mannh., G. Mythen, 255=379, 524 слѣд., 703 сл.). Маннгарт видит здѣсь Норн, дѣв судьбы (как и Гримм), а в основаніи этого значенія—облачных жен (ib. 538, 706). Первое вѣроятно; что же до второго, то в той связи, в которой здѣсь разсматриваю эти пѣсни, скорѣе можно видѣть здѣсь столь обычное в вр. заговорах утроеніе зари. Отчасти сродная шведская дѣтская пѣсня (ib. 657, 664, 706) говорит о *Fru Sole,* Frau Sonne, которая за три часа (т. е. за долго) до дня прядет на золотой прялкѣ.

Послѣдней чертѣ вышеупомянутых нѣмец. пѣсень соотвѣтствует отпиранье ложесн матери в вр. и лот. заговорах для облегченія родов:

„В *восточной* сторонѣ с небес стоит серебряная лѣстница", по ней „*ползет* (вм. древ.-русс. *лѣзеть*, т. е. идет) мать Пресв. Богородица с золотыми ключами, с шелковыми поясами, отпирать — отмыкать мясной ларец" (Ефим., Матер. по этн. Арх. губ., II, 198; ср. Майк., Закл., N 49).

По другому представленію матка — ворота (в лот. заговорѣ *мѣдныя*, т. е. небесныя), а дитя—путник, акт рожденія — поѣзд: для ускоренія родов бабка входя в двери, говорит: „отпирайте (bis)! отперли (bis)! запрягайте (bis)! поѣзжайте (bis)! поѣхали (bis)! ѣдут, ѣдут!", Ефим., ib. 197); лот. „Милая Марья (bis), одѣнься в шолковыя платья, отвори ворота (bis)! Вот ѣдут господа (bis)!" (Трейланд=Бривз., Матер., 119, N 40); „Путник (bis)! (=рождаемый ребенок), встань, сядь в повозку, возьми вожжи

---

[1]) Ср. лот. п.: „Почему что вечер края неба краснѣют?— Солнце (ж. р.) что вечер провѣтривает свое шолковое платье", Бривз. в Сб. Дашк. N 83; „. . . (утром) встала дочь Солнца (ж.) прясть золотыя нити" ib. N 104; мр. „за лісом, за пролісом— червоне плаття" (сонце), Ном., 291.

Digitized by Google

в руки, поѣжжай домой! Спѣшите, спѣшите отворить ворота! Вот ѣдут господа, как рыба по Двинѣ [1]) (ib. N 39). С бо́льшим, я думаю, удаленіем от первообраза: „Отомкни, *Іисус*, горныя ворота! Путник стоит уже на пути, чтобы он мог проѣхать!“ (ib. N 41) [2]).

Как зоря не только отмыкает небесныя врата, но, что м. б. первообразнѣе, сама „размыкается“ (Майк., Заклин., N 337); так в лот. заговорах „от матери“ (mate, матка) мать Марія отождествляется с олицетворенною маткою: „Марьюшка (Màriña), святая жонка! оттвори мѣдныя ворота... сядь на свое золотое кресло с серебряной спинкой, в лѣвый бок, под пупок“ (Трейланд, ib. стр. 116, N 7); „я хочу уложить (сошедшую с мѣста) N (такой то) матку на свое мѣсто. N (такой то, sic, а не „такого то“) мать и Іисусова мать обѣ онѣ—одно...“ (ib N 33); „Іисусова мать, N (такой-то) матка, надѣнь золотое кольцо, *сядь на золотой* стул, как барин, *на серебряный престол, как солнце* и *мѣсяц*“ (ib. N 15; ср. N 14, 4, 5). Этому соотвѣтствуют русс. послѣродовые заговоры: „*золотник* мой золотник... стань... на свое дорогое мѣсто“ (Майк. N 50); „тобі, *матко, на золоте крісло сідати*“ (Иващ. в Тр. 3-го Арх. съѣзда, II, Прил. 177).

Как маткѣ приписаны здѣсь черты небеснаго существа, так на оборот это послѣднее или другое подобное названо *золотой ступою* („чортова ступа“, ругательство, обращенное к женщинѣ; в мр. п. „коли-б мені *ступка* та

---

[1]) Сравненіе взято из другого заговора при родах же: „Шмыгни, зеленая щука, вон из очера! Господа ѣдут, *золотыя паруса* выгибаются (=надуваются“ ib. N 42.

[2]) Выздоровленіе ребенка по слав. и нѣмец. повѣрьям есть как бы новое рожденіе на свѣт, почему больного пропускают сквозь рубаху матери (и сквозь штаны отца), сквозь нарочно разщепленное деревцо, сквозь дупло (=ложесна). Этим объясняется в лот. заговорѣ „от родимца“: „Оттвори Божьи ворота, затвори адскія ворота! Пусть (ребенок) выйдет сквозь Божьи ворота свѣжим и здоровым... как братцы и сестрицы, что в горкѣ (=на том еще свѣтѣ) лежат“ ib. N 72.

Digitized by Google

жорна! Коли-б мені *жінка* моторна, Я-б її цілував—милував...“):

„В чистом полѣ, в зеленых кустах, в поморьѣ стоит вертеп. В том вертепѣ сидит *матерая жена на золотом стулѣ* между троих дверей... И тут... матерая жена милостивая... *золотая ступа*, покидает *шолковой кужелек, веретенцо серебряное*, молится и пр., Присушки, Майк., Закл. N 11.

Обращеніе к зорѣ в заговорах от разных болѣзней.

а) В нѣскольких случаях, по моему, болѣе древних, тогда как по другой теоріи, о которой будет упомянуто ниже, они должны бы считаться болѣе поздними, зоря неносит никакого христіанскаго имени:

„Заря заряница, заря красная дѣвица! возьми криксы и плаксы и пр.“, или „твое дитя плачет, пить—ѣсть хочет, а мое дитя плачет, спать хочет. Возьми свое безсонье, отдай нам свой сон“ (Майк., N 58; ib. 93, 109).

б) Эта зоря одна, или 2 (утренняя и вечерняя), 3, 4 носят разныя христіанскія имена:

„Как зоря Амтимарія (=мати Марія) исходила и потухала, тако... всякіе недуги исходили бы и потухали“, Майк. N 211; „Матушка заря вечерняя Дарья, утренняя Марéя, полуночная Макарида! Как вы потухаете“ и пр. (ib. N 236; см. также ib. N 56, 57, 102, 194).

в) К тому же образу—молитвы „руду унимать“: „На *восточной сторонѣ* стоит серебряная лѣстница“, по ней „идет Мать Пресв. Богородица... своими ризами рану *затыкает*“ (Ефим., Матер. по этн. Арх. губ., II, 212, N 67); „красная дѣвица“ (или три дѣвицы), v. Мать Пр. Богор., сидит на золотом стулѣ, шьет (на золотых пяльцах) шелковою ниткою, золотою иголкою, раны *зашивает*, кровь унимает [Майк. N 139—152; Рыбн. IV, 259; Ефим. l. c. стр. 211—2; Аѳан. П. В. I, 223; сюда же лот. заг. Трейланд=Бривз., Матер. 143 (270)]. Затыканье здѣсь тоже что замыканье: „... сидит красная дѣвица на золотом стулѣ... Возьми ты, красная дѣвица, в правую руку 12 клю-

Digitized by Google

чев и замкни 12 замков, и опусти... в окіян море.... а в водѣ бѣлая рыбица тѣ ключи подхватила" и пр. (Сах. Ск. Р. н., кн. 2, 18; в той же роли Богородица, Майк., N 216).

Трудно сказать, на сколько первообразен примыкающій сюда мужескій образ небеснаго воротаря. Мр. заговор, записанный в Каневѣ и сообщенный мнѣ В. С. Гнилосыровым, связывает этот образ с вечерними сумерками: „*Од ворогів*. Святий *Смеркаче* (sic) божий *замикаче!* Замикаеш комори, обори, манастирі и костели; замкни моему ворогу N рот" (ср. Драгом. Мр. н. пред. 38). Очевидна связь этого с лотыш. заговором: „Исус идет впереди (v. по дорогѣ), связка ключей в руках. Замкни, Исус, церковныя двери, замкни ворогам (завистникам) сердца", v. „замкни И., злыя рѣчи и разговоры, как церковныя двери" Трейл.=Бривз., Матер. по этн. лат. пл., 173 (521), 179 (570); ср. ib. 170 (502). Остается вопрос о первенствѣ во времени в этом заговорѣ Исуса (или Петра?) и безыменнаго замыкача, имѣющаго отношеніе к вечерним сумеркам. Остается также неясным, почему в шалопутской молитвѣ при исходѣ души, по основному мотиву восходящей по самой меньшей мѣрѣ ко времени невольницких дум, проводник душ (ψυχοπομπός) отождествляется с понедѣльником? Не потому ли, что понедѣльник слѣдует за dies Solis, как вечерняя заря за солнцем? „Святий Понеділочку, божий (господній) клюшнику, Що по морям кладки кладеш, а неволника з неволі визволяеш! Прийми душу р. б. N да понеси на небеса и пр." (Драгоманов, Мр. н. пред., 36, 38, 39). „Кладки по морю" требуют особого разсмотрѣнія.

г) Вышеупомянутых заговоров от крови, в коих появляются и христіанскія имена, я бы неотдѣлял от нижеслѣдующих лотышских, как кажется, вполнѣ объясняемых туземными средствами.

Прежде самих заговоров, приведу слѣдующія справки:

Уже выше упомянут очень распространенный взгляд, что солнце, как бы оно в частности ни представлялось,

Digitized by Google

вечером опускается в море [1]). Лот. п. говорит: „Кто сказал, кто видал, что бы солнышко (ж. р.) спало ночью? Днем оно *бредет* по зеленой (березовой) рощѣ, *ночью по водѣ моря*“, Бривз. N 86. Дочь солнца тоже *купается* (Спрог. 311—2, N 20; Бривз. N 100). Она, в этой п. названная солнцем, бредет чрез море и тонет, так что всплывает только ея вѣночек, Спр. 312 (22); Бривз. N 99; Mannhardt, Lettische Sonnenmyth. 79, N 35. Как поясненіе естественности этого образа, устраняющей всякую мысль о заимствованіи, Маннгарт приводит из соч. Ширрена „Mauimythus und wandersagen der Neuseländer“ 164: „На Новой Зеландіи заходящее солнце представляется утопающим, выброшенным из лодки. Приставая к берегу спутники солнца бросают в море его головной убор“. Вообще в сказаніях о солнечном богѣ Мауи и сродных с ним часто встрѣчается выбрасыванье за борт красной головной повязки или царскаго вѣнца, при окончаніи плаванья, у порога того свѣта“ Mannh. ib. 296). К этому слѣдует прибавить, что в лот. п. вѣнок дѣвицы, невѣсты—солнечный [Спр., 161, 10; 162, 14; Бривз., N 444 (стр. 99), 459] в силу ея обожествленія, отождествленія с солнцем или солнцевой дочерью. Согласно с этим к этим послѣдним, а не к земной дѣвицѣ относятся лот. п.: „Пѣнься, пѣнься, озеро, красною пѣною: вчера утонула наша сестрица в красном вѣночкѣ из роз“ (Бривз. N 182); „Теки (v. пѣнься), Двина, красною пѣною: вчера провели (замуж) сиротку в красном вѣнкѣ из роз“ или „этим лѣтом упал в Двину мой красный вѣнок из роз“ (Спр. 13, 5—6; Бривз. N 181). Замѣчу, что рѣшеніе вопроса, как давно извѣстна занесенная к нам не менѣе, чѣм двумя путями *роза* (мр. троянда, τριαντάφυλλον) и перенесено ея латинское имя на *рожу*, althea, malva (которой некультивированныя породы на югѣ Россіи, по видимому, тузем-

---

[1]) Между прочим у Ингушей: „днем солнце освѣщает живых, ночью мертвых; при закатѣ оно погружается в море“, Сб. свѣд. о Кавк. горц., VIII, 11.

Digitized by Google

ны [1]), имѣет значенiе лишь для опредѣленiя древности послѣдней формы вышеприведенных и других подобных пѣсень, а не их древности вообще.

Из сказаннаго видно, к какому явленiю, как основѣ, мы должны до новых, пока несуществующих изслѣдованiй, отнести красную дѣвицу, кровавое море, розы в заговорах от крови и рожи:

От крови. „Красная (по цвѣту, а не красотѣ, „sárkana") дѣвица бредет (v. „3 кр. дѣвицы раздѣвшись до гола", „5 дѣвиц", тридевять д.) по морю (v. кровавому морю) и перевязывает" (v. „мѣдная плотина, стальная заставка . . ."), Бривз., Матер. по этн. лат. пл., 143, N 259, 262—4. „Темно-красная рѣка течет пѣнясь, красная дѣвица бредет по срединѣ, в рукѣ стальная палка. Дошла до берега, плотина перед ней, за плотиной твердо как желѣзо, как сталь" ib. N 266.

„Три красныя дѣвицы запруживают кровь. — Гремит Перкун, бросает молнiи и запруживает плотину (v. засовывает заставку) крови", ib. N 258; ср. „красный Нѣмец (v. человѣк) со стальным креслом" ib. N 261, 265.

От кроваваго поноса у скотины. „Ты, Марiя, которая прошла через кровавое море и через девять морей! вытекай так чиста из скотины, как чиста ключевая вода" ib. N 105 и 115. Отождествленiе Марiи и крови такое же как выше зори и размыканья, Марiи и матки.

От крови (обычным лотыш. размѣром 2[(4+4)+(4+4)]: „Рѣка крови быстро текла, дѣлая излучины. Побѣжала милая Лайма (добрая доля), остановила рѣку крови", N 277.

Я думаю, Марiя — произошла от солнцевой дочери или безыменной красной дѣвицы и Лаймы, а не на оборот.

От рожи. „Девять роз плавает по морю: 3 чорныя, 3 бѣлыя, 3 сѣрыя. Тонут чорныя, тонут сѣрыя, а бѣлыя цвѣтут на горѣ (на верху?). Так пусть гибнет (изникает) недуг (соб. недоля, nelaima), как потонувшiя розы! Так

---

[1]) Серб. *трандòвиље* уже не роза, а рожа.

Digitized by Google

пусть цвѣтет здоровье, как цвѣтут бѣлыя на верху“ ib. стр. 220—1, N 20, 25.

„Женщина сидит на горѣ, девять роз в рукѣ, 6 свѣжих, 3 вялых. Женщина тонет в морѣ вмѣстѣ со всѣми (розами)“, ib. стр. 131, N 148.

Как необходимо признать производность той формы заговора от матки (см. выше), по которой „Исус ѣдет по водѣ и по землѣ, три матки у него в рукѣ“, ib. N 35; так производна форма заговора от рожи: „Исус (v. три мужа) бредут по морю, 3 розы (v. рожи) у него в рукѣ: одна упала, другая пропала, 3-я погибла и пр.“, ib. N 146, 154—5, 166.

Роса (медовая)—*коса* (дѣвство), *дѣвичья краса*. В вышеприведенной (стр. 94) бр. пѣснѣ, давшей повод к отступленію о долѣ—зорѣ, зоря отмыкает землю и выпускает *росу медовую*, которая отождествляется с дѣвством, с жизнью у отца, и противополагается росѣ ледовой—ненавистной жизни у свекора. Ассоціація „роса . . . краса“ могла возникнуть из того, что заря—красная дѣвица, ключница. В этом могло участвовать и представленіе свѣта зори косою. Ср. в мр. свад. п.:

Ой тепер же-сь нам, молода Настуню
Ой тепер же-сь нам мила:
Росою косою, румяним личком
Світлоньку розсвітила, Гол. IV, 211.

Как есть загадка о солнцѣ „барыня на дворѣ, а рукава в избѣ“ (Худяк. в Эти. сб. VI, 111) и о ключѣ, лот. „кто первый входит в церковь?“ и „дѣвица (невѣста) в клѣти, косы на дворѣ“ (Bielenstein, 1000 Lett. räthsel, 29); так могла существовать загадка о зорѣ: „красная дѣвица сидит в темницѣ, коса наружѣ (на верху, на улицѣ), Худяк. l. c. 81, „дівка в коморі, коси на дворі“, Ном. 296, хотя теперь эта загадка примѣняется к моркови в землѣ.— Каково бы однако ни было происхожденіе упомянутой ассоціаціи, поддерживается она таким tertium comparatio-

Digitized by Google

nis: как „русая коса, дівоцькая краса“ (Zieńkiew., Piosen. l. Pińskiego, 54—6, et caet.), так лѣтняя роса недолговѣчны. Солнце скрадывает утреннюю росу (см. выше), вѣтер ее развѣвает. Отсюда в лот. заговорѣ: „пусть выйдет болѣзнь из тѣла этого человѣка, как мгла (исчезает) в лѣтнее утро, как утренняя роса в теплый день, как тѣнь при солнечном свѣтѣ“ (Трейл., Матер., 123, N 83). В мр. п. с росою на том же основаніи сравнивается „пригода“ (несчастье), „жаль“, „худоба“ [1]), гнѣв отца на незамужнюю дочь, тогда как гнѣв мужа (и свекра)—мороз:

Ой небійся батенька свого.
Ой бійся мене та й молодого:
Батенька гроза—як літняя роса,
Моя гроза—гірш лютого мороза

[Wacł. z Ol. 2; Гол. IV, 221. Противоположеніе здѣсь болѣе точно, чѣм кажется: лѣтняя роса противополагается,

---

[1]) Моя пригодонька, моя пригодонька,
Так як літня роса:
Як вітер повіє, а сонце пригріє
Спаде вона вся,
Гол. III, 298; I, 250; Метл. 42—3.

Жалі ж мої, жалі! то-сьте ми на зраді,
Як дрібна росонька на зеленій траві.
Як вітер повіє, та й росоньку звіє;
Вже-ж моє серденько з жалю неотіє,

(Гол. III, 194. *неотіє?* М. б. *неошеє=неошає.* Ср. ц.-сл. *ошаяти, -ся*, removere, abstinere).

Невелика поляночка, мало на ній сіна;
Я си таке дівча вибрав, що немає віна.
...Худобиці (=я) як росиці (=я): буде, тай небуде;
Коли мені буде мило вийти межи люде
(Гол. IV, 451),

а в случаѣ женидьбы на богатой не по сердцу:

Худобиця—як росиця: чи буде, небуде?
Ні с кім вийти погуляти межи чужі люде

(Гол. II, 441; Щастн. Соломон Коломыйки, 45; на ту же тему „не с богатством жить, с человѣком“, вр. Этн. сб., II, 39; Коханов., Остатки бояр. пѣсень, Р. Бес. 1861, II, 112).

Digitized by Google

как выше в бр. пѣснѣ, зимней, ледовой, т. е. инею, ожеледи, ибо таково болѣе древнее значеніе слова *мороз* (см. мое соч. К исторіи зв., III, 7), отчасти сохранившееся в серб. („*паде* му мраз на образ" застидје се) и хорут. В вр. мѣстностях есть мнѣніе, что иней—это „самая лютость и есть", согласно с чѣм у Даля *лють*—блестка, искра инея, летающая по воздуху в солнечный мороз].

Таким же образом (т. е. росою) представляется в свад. п. („як од вінця йдуть") распущенная перед вѣнчаньем коса молодой:

Невій, вітре, діброво̀ю,
Повій, вітре, дорогою
За нашою молодою,
Розмай її косу,
Як літнюю росу
По червоному поясочку,
По одному волосочку

[Метл. 169; тоже сравненіе в сжатом видѣ — „розвій її *косу росу* по червонім поясу" (Гол. II, 660; Чуб. IV, 137) дает повод принимать *росу* за прилагательное (=русу), откуда выраженія: „косу росу чесала", Гол. II, 635; „росу косу чесала", ib. IV, 213; „мені серденько мліє По моєй росі косі По моєй слічной красі", ib. IV, 213; „Іно мені жаль росої коси И дівоцької краси", Чуб. IV, 117. Кромѣ этих случаев, форма *рос* в значеніи *рус*, flavus russus, итал. rosso, извѣстная в хорутанском, ни в русском, ни в серб. и болг., сколько извѣстно, невстрѣчается].

Согласно с этим *молодой=вѣтер* (см. выше стр. 54—5) = „*розмай-коса*":

Моя матюнко рідна,
Вийди на дорогу,
Послухай на дуброву:
Ци шумить дубровонька [1]),
Ци стучить дороженька,
Ци їде розмай-коса,
Ци спала з личенька краса . . .
. . . Як з калиноньки роса?
Чуб. IV, 291.

Та же риѳма, основанная на соотвѣтствіи смысла слов, примѣняется и к молодому:

---

[1]) Тут жених—„нелюб", ибо в (веснянкѣ)
Куди нелюб поїхав . . .
. . . Туди трава полягла
У діброва загула. (Веснянка)

Digitized by Google

Стоїть Івашко как сонце,
Коничок припав росою,
Сам він молодий красою,
Чуб. IV, 323; ср. ib. 414.

Отлично от этого, *мед, медвяная* роса („киша паде, медна роса у пољу“, Кар. Пјес. I, 153), как член ассоціаціи „роса . . . краса“, остается вполнѣ архаичным, неподдерживается, по видимому, никакими позднѣйшими примѣненіями и соображеніями. Как на археологическую справку можно указать, что древне-индійскія божества связанныя с ранним утром, „приводящіе день“ „медвяные“ Аçвины „источают медвяную рѣку“ (которая называется между прочим „*расâ*“ = слав. роса), „орошают медвяным маслом поле“, „окропляют (людей) бичем“ который „каплет медом“ и приносит людям всякія блага, на своей колесницѣ „везут мед в медо-обильном мѣхѣ“ (Вс. Миллер, Оч. арій. миѳ., 120—2).

Если, наконец, обратим вниманіе, что *весна*, кромѣ сродства по корню с названіями утренней зари (скр. *ушас, ушâ*, лит. *auszra*, лат. *aurora*) отождествляется с зарею [лит. pawasaris iszauszta, весна (как „утро года“) разсвѣтает

серб. Бога моли Вишни ћу Јоване
Да му рано *сване премалеће*,
У пролеће весел данак ђурђев,
Чуб. Чојк. Пѣв. 64];

то получим ряд: „*весна* (заря), *краса, роса, мед*“ вполн заключающійся в слѣд. веснянкѣ (гаївка):

А. Ранняя (v. А вже) весна вскресла.
„Що же-сь нам принесла?“
—Принесла бо я росу [1])
(І) Паняньскую красу.—
Паняньская краса
Як на весні роса:
В меду ся купала,
В вині виплювала . . .

Digitized by Google

...Ранняя весна вскресла.
„Що же-сь нам принесла?“
—Принесла бо я росу [1])
Парубоцькую красу.—
Парубацькая краса
В мазі ся купала
В дёгти випливала...

(Гол. II, 177—8; другія и с подобным началом—ib. 677; Чуб. III, 109, 160; Крачковскій, Быт западно-русс. селян, 88 в Чт. О. И. и Др., 1873, IV).

Из дальнѣйших стихов видно, что краса представляется каким то платьем, которое моют (парубоцькое—в смолѣ и дёгтю, дѣвичье в пивѣ винѣ), вѣшают сушиться, качают, складывают в скрини.

Противоположеніе меду и дёгтю соотвѣтствует двум воротам нѣмец. сказки (Grimm, März. I, N 24); когда дѣвица (=сирота, дѣдова дочка соотвѣтствующих русс. сказок) проходит в одни из них, ее орошает золотой дождь; когда другая (=бабина дочка) проходит в другія, ее обдает смолою.

Противоположеніем „дівоцької“ и „парубоцької“ (за тѣм „бабськоі“) красы разсматриваемая пѣсня примыкает к другим многочисленным веснянкам, основное содержаніе коих—вражда (война, насмѣшки) дѣвиц и паробков. Черта эта, в этих пѣснях варьируемая на разные лады, кажется глубоко древнею. Б. м. она послужила поводом к разсказу Козьмы Пражскаго о войнѣ чешских амазонок с мужчинами, окончившейся браком [3]).

---

[1]) Ст. 3-ій поправлен мною, вм. „принесла я вам красу“ или явно испорченнаго „Принесла бо я вам“.

[2]) Ср. овеществленіе любви (родственной):

Осиротѣлая дочь вопит:

Уж я стану искать, бѣднушка,
Как желаньица во дядюшкѣ; (но)
У желаннаго у дядюшки
Поверх платьица желаньице:
Как шибь (=скоро) платьице прискинули,
Все желаньице откинули. Барс. Прич. I 50.

[3]) Одна из варьяцій на эту тему—„что будут ѣсть дѣв-

Б. Другая семья варіантов отличается от А. чертою: строится терем (город) или замыкается замок, чтобы сокол (или другая птица) невынес „дівоцької красы".

а) Дівки молодиці терем будовали,
Терем будовали, вікна нерубали
(v. віконця вставляли),
Ой щоб невилітав сивий соколонько,
Ой щоб невиносив дівоцької краси;
Бо дівоцька краса—як літняя роса,
В меду ся купала, в меду вигравала.
На парубочках краса—як зімняя роса:
В смолі ся купала, в дёгті вигравала.
(Чуб. III, 33—4; ср. Гол. IV, 164).

б) Пан Коколенскій (?) по городу ходит
По городу ходит, челядоньку будит...
...Город городити, тернянком терниги,
Щоби незлетіла сива зозуленька,
Щоби несфатила панянскої краси,
Бо панянска краса у меду мочена...

ки, паробки, молодцы" повторяется в пѣснях: серб. (Кар. Пјес. I, 487), мр. и болг. Послѣднія двѣ, недающія основанія предполагать заимствованіе с которой нибудь стороны, сложены тѣм же размѣром (4+3), который мы видѣли выше в „сѣяньи проса" и других веснянках. Ср. мр.

...Пішли дівки на войну...	А жіночки горілку,
...(Ой) пьють дівки мед-вино,	А парубки помийки

(Чуб. III, 85; ср. Гол. II, 681).

и болг.:

Пиле лѣта по море	Сос црво накачено.
На моми-те кажува,	8=1, 9. На момчета кажува
Да невезѐт неделя,	Да неорàт неделя.
Че ке болне полежат.	11=4, 12=5,
Та што ке им понуда?	Рудо ягне печено,
Црно куче печено	Ройно вино точено.

Верковиђ, Н. п. Мак. Буг., 116.

Если бы это пѣли дѣвицы, как в предыдущей п. того же размѣра ibid., то было бы на оборот: им ягня, а парубкам червивое щеня.

Digitized by Google

Пан Конкол. и пр.
Парубоцька краса в помиях мочена...
(Гол., II, 180—1).

в) „Чом ти, жавороньку (нь?) рано з виръя вилітав?
„Ище по гороньках сніженьки лежали,
„Ой ще по долинах криженьки стояли“.
—Ой коли пора прийшла, неволенька вийшла,
Ой я тиї криженьки крильцями розжену,
Ой я тиї сніженьки ніжками потопчу.

—

Загорожу річку тай на поставничку [1])
Щоб невилітали пташата чирята,
сиві голубъята,
Щоб невиносили молодецької краси.
Молодецька краса—хустонька в пояса...
...Загорожу и пр.
Дивоцькая краса—коса до пояса, Чуб. III, 110.

Ст. 1—6 составляют запѣв, об отношеніи коего к выходу замуж—см. ниже.

г) Молодая ключниця по замках ходила,
Молодого сторожа за руку водила.
„Стороже, жарти (?) замкни в чотирі замки,
Щоби незалітав сивий соколенько
Щоби невиносив паненьскої краси.
Паненьская краса, як на барвінку роса...
В сирватці мочена...
Молодая ключниця и пр.
Паробоцька краса, як на смітью роса...
(Гол. II, 681).

Размѣр 3-го ст. испорчен. Б. м.
„Стороже, *замкни жарти* у чотирі замки,
„Щоби *невилітав* и пр., т. е. „нежартуй“, чтобы сокол неунес дѣвства?

Если бы нашелся варіант, подтверждающій здѣсь слово *жарты*, то можно бы сравнить в вышеприведен-

---

[1]) ? пастовничку?

ных вар. (Гол. I,, 181; IV, 164) и в самой этой то, что „дівоцькая краса“, как платье „до скрині схована, ключиком замикана“, или „у скриню зложена колодков замкнена“ [1]). Однако я скорѣе готов думать что здѣсь—искаженіе, внесенное даже не пѣвцом и записывателем, а переписчиком, и что вм. „замкни жарты“ слѣдует „замкни́ за́мки у чотирі замки́“, а вм. этого, во избѣжаніе тождезвучія—„замкни *ва́рти*“ (нѣм. warte, сторожевая башня).

---

[1]) Ср. также овеществленіе *пѣсни*:

Весн.

Співали дівочки, співали,
В решето пісьни складали,
Да й поставили на вербі
Де ся взялися горобъї,
Да й скинули пісьні до долу;
Час вам дівочки до дому,
А ти, Галочко, зостанься,
Да з Ивасем звінчайся,

Метл. 302; Чуб. III, 181.

С этим ср. в лот. „корзина полная пѣсень“ (Бривз. в Сб. Дашк. N 25, 31), которую дѣвица выйдя замуж, опрокидывает; дѣвица наматывает клубок пѣсень, выйдя замуж разматывает (ib. N 29); три скрини пѣсень (ib. N 24); „Я (выходя замуж) скатила скриню (пуру) пѣсень с горы в долину. Будет мнѣ счастье в жизни (за мужем) вскачу их опять на гору“ ib. N 36. И в Калевалѣ: смотать пѣсни в клубок и спрятать их в мѣдный ящик, или замкнуть их костяным замком зубов.

По поводу слѣдующаго превращенія пѣсень — соколов в цвѣты

Доків була я в *мамочки*, куда йшла, співала,
А як пішла від мамочки, всі позабувала.
Співаночки-соколочки! де я вас подіну?
А в городі на зілечку, там я вас посію.
Ой мут туда вівчерики свої вівці пасти,
Мут зілечко изривати, за капелюх класти

(Гол. I, 222; ср. ib. 230)

припоминается индійскій миѳ: Боги посылают метры (размѣры гимнов Вед) на тот свѣт за царем Сомою (олицетв. амр'та, амвросіи, напитка безсмертія). Метры для этого превращаются в птиц. Двѣ устают на пути; третья, размѣр гâятрî (по сходному миѳу—сокол) когтями и клювом схватывает Сому и уносит. Сторож Сомы, Кр̥çану, пускает в слѣд стрѣлу и отбивает у гâятрî коготь или крыло. Упавши на землю, коготь превращается в терновник, крыло (парна) в дерево парна с красными цвѣтами и красным соком (Kuhn, Die Herabkunft des Fe-

Digitized by Google

Произвольно ли будет, если существенное в этих пѣснях передать так: лѣтняя=медовая роса=дѣвичья краса представляется в теремѣ, городѣ, замкѣ, огороженною, *обтерненною* (как двор невѣсты в коляд.; в этом смыслѣ слѣдует понимать колядку у Чуб. III 357); похищеніе ее соколом представлено нежелательным, как и в других веснянках выход замуж. Но рано или поздно это похищеніе (брак, выход замуж) совершается. На необходимость его намекает запѣв варіанта в) смысл коего объясняется слѣдующими свадебными п.:

Зажурилась перепелочка:
„Бідна моя та головочка,
„Що я рано та з виръя вийшла [1]):
„Нігде мені (та) гнізда звити,
„Нігде мені діток наплодити;
„Що по горах сніги лежать,
„По долинах води біжать“.
Озоветься соловеечко:
„Нежурися, перепелочко:
„Есть у мене три сади зелені:
„Що в первому та гніздо зовъем,
„А в другому діток наведем,
„А в третёму діток погодуем.

Метл. 211–2=Чуб. IV 387.

В вар. у Чуб. IV, 177, утѣшает сокол:

„Ой є в полі да три тополі“ и пр.

2-я параллельная с 1-ю половина объясняет: перепелка=молода N, з виръя=замуж, сокол=молодой N, три тополі=(увы!) три нагайки.

Видоизмѣненіе того же образа:

„Зажуриться соколонько и пр.

с глубочайшим поэтическим чувством примѣнено к ранней,

---

uers, 147—8). Я думаю, что и *кр̂ çану* находит соотвѣтствіе в русс. *корочюн.* Но и помимо этого, случайное ли это сходство? Или никакого сходства нѣт?

[1]) 2-е полустишіе мною поправлено, вм. „із вирію вилетіла“.

Digitized by Google

невольной и вѣчной розлукѣ сына—козака с родительским домом, в пѣснѣ болѣе извѣстной с другим началом: „гомін, гомін“ (мое соч. О миѳ. зн. и пр. 100, гдѣ послѣ „козаки йдуть“ слѣдует „туман поле покривае“; Укр. пісні, вид. Балліної, 45; Чуб. V, 937, 952—3, 890; Zieńkiewicz, P. l. Pińsk., 218—20.

Приведу здѣсь лишь немногое из многочисленных пѣсенных подтвержденій того, что сокол, птица—жених. Сокол (жених) перелетает через неприступную ограду сада невѣсты (Гол. IV, 303; ib. 298; Kolberg, Lud I, 64; Kozłowski, Lud, 38—9); он ломает сад у невѣсты (колядка у Чуб. III, 280) [1]). Вм. сада - изба („бьется сокол в избу летуци“ когда жених входит в сѣни, Шейн, Р. н. п., 543), гора и серб. гора (лѣс):

Для (возлѣ) сватняго двора
Да высокая гора:
Ні узыйці, ні узъехаць,
Сакалом неузлецець.
Што даці, то даці,
Тую гару раскапаці...
...Сакалом узлецець
(А Яначку узъехаць), Этн. сб. III, 249.

Серб. сватовска:

Дивна ли је гора бршланова

---

[1]) На случай желанія объяснить разсматриваемое из христіанской миѳологіи, привожу, как вар., щедровку:

Ой там на горі, Щ. в. на в. в.
Там Марія сад садила
А садивши та змовляла:
Рости саде повище мене!
С того саду вилетів сокіл
Та й полетів попід небеса.
Усі небеса растворилися
Усі святі поклонилися.
(Ольшана. Богод. у.; сообщ. И. И. Манжура).

2 послѣдніе стиха дѣйствительно принадлежат одному из христіанских семейств колядок.

Digitized by Google

Мирисом је село подичила
А висином поле окитила.
А соко је прелеће́т неможе,
А данас је свати преиграше,
Кар., П. из Херц., 298.

Ассоціація „сокол, небо, брак“, миѳологическая по происхожденію, б. м. лежит в основаніи пѣсеннаго сравненія:

Ой високо соколові до неба літати;
Ой далеко козакові до осени ждати, Метл. 7, 8,

гдѣ „до осени“—до сватанья.

Обычная в свад. и других пѣснях пара сокола есть галка, к которой в весенней хороводной пѣснѣ дѣвицы обращаются с какою-то просьбой:

Ой галко, галко,
Золотая клюшнице!
Стань же нам *на* (=*до*) помочи
З молодими молодицями,
З красными дівчатами,
Терещ. IV, 315; Чуб. III, 72.

Болѣе опредѣленно в бр. п. (Аѳ., П. В., II, 405 со ссылкою: Цебриков, 271, 288):

Благаславі, Боже,
Весну клікаць,
Зіму праважаць
Лета дажыдаць!
Вылеці, сізая галачка,
Вынесі залаты ключи,
Замкні халодную зіманьку,
Атамкні цёплое лецечко!

С этим сходится мр. повѣрье, что ключи от ирья были когда то у вороны, а теперь у сои (Кул., З. о Ю. Р., II, 36) [1]).

---

[1]) Нельзя до подтвержденія другими варіянтами считать достовѣрным заговора от волков, записаннаго А. Шишацким—Илличем, с именем коего напечатаны нѣкоторыя явныя подделки (на пр. Метл. 373): (послѣ упоминанія Бога и Святых)

Digitized by Google

Существованіе версіи: *„сокол выносит, росу — мед, красу“* подтверждается Волын. варіантом, вошедшим в сочетаніе с пѣснею „Воротарь“, б. м. не без смутной мысли о сходствѣ значенія с этою послѣднею:

Тече муравель (bis) горами та долинами.
А що ж він виносить? Парубоцьку красу,
Парубоцька краса в смолі потопає,
В огні погорає...
... А дівоцька краса в огні виграває,
А в меду поплавае.
(Ант. и Драг. Ист. п., I, 329).

Это напрашивается на сравненіе с индоевропейским миѳом, разсмотрѣнным в знаменитом соч. Куна „Die herabkunft des Feuers und des Göttertranks“, Berl. 1859. Девы, свѣтлые боги, были во враждѣ с Асурами, богами тьмы. У одного из Асуров, Çушны, находился тогда напиток безсмертія (амрта=*ἀμβροσία*, тоже что *сôма*, живая, цѣлющая вода). Девы умирали. Для спасенія их Индра, а по нѣкоторым гимнам Риг-веды другое лицо, для Индры, похищает этот напиток (l. c. 144—6). Этому соотвѣтствует похищеніе Зевсом в видѣ орла — Ганимеда, виночерпія богов (ib. 176). По скандинавскому миѳу, чудесный мед, напиток, сообщавшій мудрость и поэтическое вдохновеніе, достался Суттунгу, одному из великанов, враждовавших со свѣтлыми богами Асами. Суттунг помѣстил его в горѣ и отдал под охрану своей дочери, Гуннлед. Один буравом просверлил эту гору, змѣею прополз в отверстіе („муравель“ мр. пѣсня?), провел с Гуинледою три ночи, за что она *„на золотом креслѣ* подарила ему глоток (v. 3 глотка) драгоцѣннаго меду“. Один в 3 глотка вобрал в себя

„и тебе прошу краснеє сонце, и тебе прошу, ясний місяцю, и вас прошу, зорі зорениці, Божиї помошниці, и тебе прошу *чорна галочкó*, и одверни злих собак од мого скота; и тебе прошу царя Давида и кротости твоєї: *стань ти мені в помощи*“, Ефим., Мр. закл., N 155 (Чт. в О. И. и Др., 1874, I); ср. ib. N 75.

весь мед и, улетѣв орлом, спасся от погони Суттунга и принес мед Асам“ (ib. 148 сл.; Simmrock Edda III, 330).

На основаніи вышеизложенных славянских данных можно думать, что первоначально здѣсь рѣчь не о дождѣ и грозѣ (Kuhn l. c. 151), а об утренней медвяной росѣ, при чем хранительница меду, дѣвица—ключница была бы зоря.

В. Третій вар. вводит *Урая*, под которым слѣдует разумѣть весенняго святого Юрья (Безс., Бр. п., N 32—4; Шейн, Бр. п., 89, 95 и пр.; Зап. Г. О. по этн., V, 83; Аѳ. П. В., II, 402 сл.):

Та Урай матку кличе:
„Подай, матко, ключа одімкнути небо,
Випустити росу, дівоцькую красу,
Та дівоцькая краса—як літняя роса
У меду потопає, в вині виринає.
Та Урай и пр... парубоцькую красу
Парубоцькая краса, як зімняя роса
В смолі потопає, в дёгтю виринає,

Чуб. III, 30—1.

По бр. волочобным и весенним пѣсням Св. Юрій „Боски ключнік“, „Божій пасол“, берет ключи (у Бога, у своей матери) „залаценькіе“, „отмыкает“ землю и выпускает росу. Что выпускает ее именно он, достаточно объясняется популярностью его и временем праздкованья (23 Апр.). По второй из этих причин Св. Марко (Евангелист, 25 Апр.) тоже называется ключником, владѣет ключами от дождей, почему ему молятся, чтобы незапирал дождей (Чуб. III, 32).

Проф. Кирпичников думает, что ключи здѣсь—„реторическій миѳ [1]); в таком же смыслѣ рыболовы молят в заговорах ангелов отомкнуть золотыми ключами море (Аѳ. П. В. II, 411); Иван креститель замыкает в заговорѣ кровь ключем Божіим (ib. 406) и т. д. Кромѣ того ключи, в бо́льшей мѣрѣ, нежели простой кусок желѣза,—символ высшей культуры и потому имѣет силу разрушать чары. Ключи были у Озириса и у Митры, но недумаю, чтобы ключи

[1]) Понятіе для меня неясное.

Digitized by Google

Егорья слѣдовало вести так далеко; ближе к дѣлу церковно-художественное преданіе об апостолѣ Петрѣ, ключникѣ рая (в Ворон. губ. Плеяды — *Петровы ключи*, Аѳ. П. В. II, 404). Как тѣсно соединяется народное представленіе с церковным преданіем, показывает бр. юрьевская п. в которой мать приглашает Юрья отдать ключи Петру „зямлю одомкнуці, траву выпусциці (Бес. 1872, IV, 262; Безс. Бр. п. 22)“, (Св. Георгій и Егорій Храбр., 146—7).

Вопрос, конечно, состоит здѣсь не в том, отвергать ли вліяніе церковнаго преданія, или нѣт. Это вліяніе признавалось миѳологами всегда, начиная с Гримма и Вольфа. Подобным образом вряд ли кто либо из этимологов, заслуживающих вниманія, думает, что словарный состав любого европейскаго языка и даже любого из существующих языков может быть выведен из одних туземных и унаслѣдованных по прямой линіи элементов. К какой бы сторонѣ языка и вѣрованій, да и вообще народной жизни, ни направилось бы историческое изслѣдованіе, оно натолкнется на вопрос о степени устойчивости преданія, о силѣ того, что с одной точки представляется инерціей, а с другой — жизненностью, способностью народнаго или племеннаго организма уступать внѣшнему вліянію не иначе, как превращая его и ассимилируя при помощи преждепознаннаго. Чтó внѣшнее, чтó внутреннее; гдѣ сила, гдѣ уступчивость; становится ли изслѣдователь на сторону вѣтра, или же на сторону лоз, которыя он клонит: это зависит частью от видимаго свойства данных, которыми человѣк располагает, частью от болѣе глубоких и труднѣе разложимых пристрастій и отвращеній, навязываемых впечатлѣніями всей жизни, принадлежностью к извѣстному народу, литературному и учоному направленію и пр.

В частности вопрос не в том, знает ли русское простонародное преданіе о Петровых ключах от царствія небеснаго, ибо очевидно, что знает и пользуется (ср. на пр. Аѳ. П. В. II, 408, 411, 412); а в том, удобно ли этими ключами одними или с прибавкою ключей Богородицы объяснять всѣ прочіе ключи народнаго преданія, как ключи

Digitized by Google

зари, звѣзд, галки и сои (см. выше), или нѣмец. названіе раст. primula veris: schüsselblume, himmelsschlüssel, Frauenschlüssel (Аѳ. П. В. II, 411), которому, судя по названію, приписывается отпиранье неба для весны, так в мр. пѣснѣ соловью приписывается разсвѣт (Мр. п. по сп. XVI в., 35). Мнѣ кажется, что такая прямолинейность объясненія столь же мало вынуждена свойством данных как и противоположная, которая состояла бы в признаніи устойчивости лишь за одним туземно-языческим преданіем. Ни примѣненіе замыканья и отмыканья к явленіям природы (как разсвѣт и сумерки, зима и весна) [1]), ни сами по себѣ отмыканье и замыканье, ключ и замок несоставляют принадлежности такой высокой степени культуры, какая не могла бы быть приписана праславянским и даже дославянским временам [2]).

То, что в мр. и бр. п. мать передает Юрью ключи, сходно: а) с тѣм, что, как мы выше видѣли, зоря теряет ключи, которые достаются слѣдующему за нею солнцу; б) с чертою чешско-морав. пѣсень при выносѣ *смерти* и при-

---

[1]) „Благаслави, Божія (?) мацi, весну гукацi,
Зіму замыкацi, лѣто адмыкацi.
(Зап. Г. Об. по Этногр., V, 80).

[2]) Рѣчь не о позднѣйших формах замка н ключа (на пр. в вр. былинах „замки нѣмецкіе“) а о их первообразах. Первообраз замка́ есть засов. *Мък-* (куда—*мыкаться*, соваться туда и сюда, п. *wytknąć się* легко и быстро высунуться; wymknęło się słowo=ἔφυγεν ὁ λόγος το ἕρχος οδόντων; вр. *мчать*) предполагает *му-к-*, которое находим в лот. *muk-t* (и mûkt), выскальзывать, поль. zmykać, umykać; сюда же лот. *mûkêt*, отмычкою отпирать замок, и лит. *maukti*, лот. *maukt*, streifen и пр., родственное, но нетождественное с *мыкать* (К ист. зв. III, 63). *Му-к-* предполагает *-му* или *-мау* (=moveo) оставившее явные слѣды в славянолитов., греч, лат., скр. (Р. Ф. Вѣст., 1881, I, 124—5). *Ключь*, слово родств. с *clavis*, *clavus*, κλείς, κλάξ до нынѣ сохраняет мѣстами значеніе *uncus* и в частности простѣйшаго, вовсе не непремѣнно желѣзнаго снаряда для отпиранья снаружи внутренняго, до нынѣ нерѣдко деревянаго засова. По формѣ такого ключа назван *ключь журавлей*.

Digitized by Google

носѣ мая, лѣта, на 5-й недѣлѣ в. поста (Sušil, Mor. n. p., 768–73; Erben, Prostonár. čes. p., 57—9). В них „smrná nedĕla" (v. smrtolenka, smrtnička, Mořena) передает ключи Св. Юрью, Св. Ивану, которые отпирают небесные двери. Или же „smrtná nedĕla" передает ключи „kvĕtné nedĕli", эта понедѣльницу, этот зеленому четвергу, который уже — Юрью, который отмыкает землю, чтобы росла трава. Это сходно с мотивом бр. волочобной п., в которой праздники (=святочки, святые) перед престолом Божьим „шикуютца-рахуютця, каторому святу напярод пайці" и идут в календарном порядкѣ от Рождества до Юрья и дальше (Зап. Г. Об. по Этн., V, 82, 378—9).

В названных чешско-морав. п. упоминаются и sv. Markyta (Маргарита), Kateřina, Maria.

Обыкновенно такое смѣшеніе христіанскаго и по видимому, языческаго (о топленіи чучел Dzievannae et Marzannae у Поляков говорит Длугош, XV в.) понимается как наслоеніе христіанских имен и черт на языческія повѣрья и обряды. Для повѣрки во всяком случаѣ полезно спросить, что выйдет, если принять за первое—явно христіанское, а за второе — то что считалось исконно-туземным. Такую попытку дѣлает акад. А. Н. Веселовскій (Разысканія в области духовных стихов, II. Св. Георгій в легендѣ, пѣснѣ и обрядѣ. Зап. Имп. Ак. Н., т. XXXVII). Отсылая читателя к этому сочиненію, особенно к стр. 85 сл., 92—104, я готов думать, что он вынесет большую чѣм я вѣру в возможность того, что Марена, Marzena, Marzana (Murĕna, Mamurĕna, Sb. Mat. Slov., I, 186) mór (Roger, P. l. pol. w Górn. Szląsku, 205) славянскаго весенняго обряда „восходят" к св. Маргаритѣ—Маринѣ (Маранѣ) (l. c. 100), так или иначе, вообще слабо связанной с Юрьем. Относительно зори в разсматриваемых здѣсь сочетаніях мнѣніе акад. Веселовскаго таково: „Покровительницею родов является св. Маргарита, в Греціи Марина... В одной кипрской колыбельной пѣснѣ св. Марину призывают уложить ребенка... другая пѣсенка обращается с такой же молитвой к Ἁγία Μαρίνα και Κυρα

Digitized by Google

(м. б. *χορία*=Марія). Русскіе заговоры при родах призывают главным образом Богородицу, при чем знаменательным является образ ключей, отмыканья, но... всплывает, хотя в искаженных формах, имя Марины...: „Заря Дарья, заря Марья, заря Катерина, заря Маремьяна (т. е. вѣроятно Марина)... *Слѣдует* полагать, что эпитет *„заря“* *не что иное, как народное приуроченіе* какого нибудь другого, м. б. ненародного и полупонятого (*χορά*?)“ (l. c. 101). Слѣдует ли? Приуроченіе к чему?

---

4. Мосты.

Мр. весенній хоровод „мости“ состоит в слѣдующем. Нѣсколько дѣвиц, взявшись за руки, становятся в ряд (А). Против них особо — двѣ (Б). Кланяясь однѣ другим поют поочередно. Начинают Б, а А отвѣчают.

Б. Царівно, мостіте мости,
Ладо мое, мостіте мости!
А. Царенку, вже й помостили,
Ладо мое, вже й помостили,

и т. д. с такими же повтореніями: Б. „Ми ваші гості“. А. За чим ви гості? Б. За дівчиною. А. За которою? Б. За старшенькою. А. Старшенька крива. Б. Так ми підемо. А. Так вернітеся.

Тоже поется во 2-й раз с измѣненіем: Б. За підстаршою. А. підстарша сліпа.

В 3-й раз: Б. За меньшенькою. А. Так незряжена. Б. Так ми й зрядимо. А. Вже ж ми й зрядили. Б. Так ми й візьмемо.

При послѣднем стихѣ Б дѣлают из рук ворота, под которыми пробѣгают А, оставляя послѣднюю дѣвицу при парѣ Б (Черноморія. Чуб. III, 83—4).

По припѣву „ладо мое“ и содержанію, эта игра — того же разряда, что „просо“ и др. разсмотрѣнныя выше. Она изображает сватовство и брак. Слова пѣсни несогла-

Digitized by Google

сны с дѣйствіями, ибо в пѣснѣ мостят мосты отдающіе дѣвицу (А), так что ити по ним (=проходить в ворота) должны берущіе (Б.).

К размѣру этой пѣсни [(3+5)+(4+5)] ближе всего из сходных по содержанію подходит слѣдующая, с размѣром первых двух стихов=3+3+5:

α. Б. Пустіте, пустіте *на вой воювать!*
А. Непустимо, непустимо мости поламать
Б. А ми мости помостимо
По пуд гряззю положимо
Та й підем гулять

(Чуб. III, 42—3. Так начинается впрочем отличная по содержанію вр. хороводная:

Кто со мной (2) на вой воевать идет, кто со мной?)

β. Б. Пустіте нас (2) *сей світ воювати!*
А. Непустимо (2) мости поломати,
Б. А ми, як схочемо, мости поломимо
Та всі гроши заберемо,
Та поїдемо геть преч, геть преч,
Гол. II, 191.

γ. Б. Впустіте нас (2) *до райської землі!*
А. Невпустимо (2), мости поломите.
Б. Заплетемо (2) дрібненькими гішми (?)
А. А ми того нехочемо, бо свої маємо.
(Галагівка, Гаївка. Зоря Гал. 1860, 513).

Вар. γ м. б. намекает на миѳическое основаніе игры (стр. 58); *α* и β представляют сторону Б (поѣзд жениха) войском, что ведет к сравненію со слѣдующим:

Камен мосте, нецибајсе,
Е пр'о [1]) тебе војска иде:
Млади момци неженени.
Жените их, недржте их,

---

[1]) *Е*=что, ибо; *пр'о*=*преко*, через.

Да их брци [1]) непреваре [2])
А ђевојке незабаве [3]).

Кажется относительно-позднѣйшей разработкой мотива то, что во 2-й строфѣ этой пѣсни по мосту идет войско дѣвиц, в 3-й войско молодых вдов (Кар. П. из Херц. 263—4). Впрочем во всѣх случаях переход по мосту имѣет отношеніе к браку, как и в ю.-русс. свадебной (когда жених ѣдет к невѣстѣ):

Гнiся—погнiся, свидовы [4]) мосте,
Гнiся—погнiся, да неполамлiся,
Бо сюдею єхатi славному панятi,
Славному панятi, молодому Януську.
А кто зачує, то позавiдує [5]):
Бог тому дає, чий то сын єде,
А лiпше тому, кому зятем буде.
(Zieńkiewicz, P. l. Pińsk., 90) [6]).

Мост гнется от тяжести, т. е. многочисленности поѣзда, и в этом слава. Ср. лот.: „*мѣдный мост* гнулся, когда я шла в чужи люди: гнали коров, везли скриню, ѣхало верхом девять братцев" (Бривземн. в Сб. Дашк., II, 112, N 519; ср. Фортунатов и Милл., Лот. н. п., 54, 46) и мр. свад.

Будемо їхать бором зеленим,
Бором зеленим, мостом камъяним:
Бор буде шумiти, а камень звенiти,
Да зачують люди, нам *слава буде*. (Метл. 181).

Если, как в приведенной ю.-русс. пѣснѣ, мосту слѣдует гнуться, потому что по нем поѣдет N (жених), то ему негнуться, если N непоѣдет. Отсюда сопоставленіе в болг. п.:

---

[1]) Усы.

[2]) *Преварити* упредить, неожиданно застать.

[3]) *Забавити*, найти недостаток, о дѣвицѣ: отказать („тебе ће ми забавит дјевојка").

[4]) *Свидина*, cornus sanguinea; ср. калиновый мост.

[5]) Ср. выше стр. 84: болг. „кой ке види, ке завиди".

[6]) В этом сборникѣ написаніе непослѣдовательно, чѣм оправдываются фонетическія невѣрности моих заимствованій из него.

Камнени мост, *ненишай се* [1]);
Лудо младо *ненадей се:*
Мене майка не ме дават за тебе.

(Милад. 366—7). С этой точки сближеніе (впрочем заслоненное другими образами) колебанія моста и неудавшагося брака может быть понято как противоположеніе:

Proti fáře mostek kolébá se,
Pod ním jatelinka zelená se.
Jatelinka drobna, nekosená;
Už je má panenka odvedená.
Před naše je mostek, prohýbá se,
Teče tam vodinka, nestaví se...
...Ani má panenka nevratí se.
(Suš., N. morav. p., 312).

В числѣ веснянок у Чуб. III, 159, помѣщена игра, очевидно однородная с разсматриваемою:

„А Буг помагай буг, аворови люде!“
—Бодай здорови були, замостови люде!

„А деж ви бували, а. л.?“ — Над морем сиділи, з. л. „А що ж ви робили, а. л.?“ — Замки будували, з. л. „А з якого дерева, а. л.?“—С кленового мосту (?), с писаного листу, з. л. (Полоски, Бѣльск. у.). В польской игрѣ, сопровождаемой тѣми же движеніями, как мр. „мости“, яворовых людей изображают двѣ дѣвочки, стоящія отдѣльно с поднятыми руками: А. Jaworowi ludzie, czego tu stoicie? Б. Stojemy, stojemy, mosty budujemy. А. Z częgo je budujecie? Б. Z dębowego liścia, z brzozowego kiścia. А. Przejechał tu nasz pan? Б. Przejechał. А. A ja przejadę? Б. Przejedziesz. Б. задерживают послѣднюю из ряда А. (Kolberg, Lud, III, Kujawy, 220; ib. ссылка на подобную нѣмец. игру „die goldene brücke“).

---

[1]) Нетнись, срб. „нецибајсе“, гдѣ *ц* из ζ=*г*.

Digitized by Google

Размѣр „сѣянья проса“ и, по видимому, весьма древній припѣв, о котором уже упомянуто выше, сохранился в словенской игрѣ „na kralovnú“. Играющія дѣлятся на двѣ стороны:

A. Hoja duňďa, hoja! [1])
Poslala nás královná,
Hoja duňďa, hoja! [1])
Б. Na čo že vás poslala?
A. Po tri vozy kamenia.
Б. Na čo vám to kamenia?
A. *Zlaté mosty* stavăti.
Б. Či sú mosty hotové?
A. Už sú mosty hotové...
...Б. Či nás cez ne pustíte?
A. Če nám za dar [2]) nesiete?
Б. Čiernooké pacholá...
A. No bežte a pospešte...

Б пробѣгают под руками одной пары из A. При повтореніи игры пробѣгают A под руками Б и вм. „čiernooké pachola“ поют „čiernooke dievčatko“, так что, значит, A—сторона невѣсты, Б—жениха (Sb. Mat. Slov., I 144).

Хорватскій варіант:

Б. Hoja djundja hoja!
A ča vi to delate?
A. Mi si moste gradimo.
Б. Iz česa je gradite?
A. *Iz dragoga kamika.*
Б. Kade ste ga nabrale?
A. U sudca [3]) na dvori.
Б. Puščajte nas krez at most.
A. A ča nam za to date?
Б. S črnim okom dîvojku.
A. Je li dobre majke dći?
Б. Ona 'e bolja, neg' ste vi.

---

[1]) Припѣвом начинается и оканчивается каждый стих.
[2]) Как в мр. п. „воротарь“: „що нам за дар дасте?“
[3]) М. б. в том дворѣ, откуда одна из играющих.

Digitized by Google

(Kurelac, Jačke, ili n. p. puka Hrvatskoga na Ugrih, 293). С этим сходен морав. вар. (Suš. 731):

А. ...Jake dary nesete?
Б. Černojoké dîvčátko.
А. Je li ono poctive?

Три другіе вар. (ib. 730—1) — размѣра вышеприведенной серб. „камен мосте, нецибајсе“:

A co vy nám za to dáte,
Dyž vy nám ho (kamenné most) porócháte?
...(mostek) tvrdý, jako kamen,
Sú mosažne tramy na nem.

В мр. свадебных и других п. остались многочисленные слѣды того представленія, что именно *невѣста* в ожиданіи жениха мостит мосты, гатит гати, кладет кладки. Отсюда эти образы переходят к значенію ожиданія молодою своей родни и к зн. родственной связи вообще.

Так, когда ѣдут по молодую:

Коби-сь знала, Марусенько,
Звідки молодий їде,
Клала би-сь лавки [1])
З червоної китайки...
...Клала би-сь мости
З червоної покости [2]), Гол. II, 107.
Коби молода знала,
Що молоденький їде,
Гатила би гати
Дорогими шати
Аж до самої хати;
Та клала би в'на мости

[1]) Кладки.

[2]) Покоста — *покост*, т. е. *по-кос-т* с *с* из *т*. Ср. бр. *покот*, накат, потолок. Корень м. б. **ска-т* (ср. *ска=ску*, Fick, Vergl. Wörterb.[3], I, 240). *Покост* собств. покров, в поль. лак, подмалевка и пр.

Digitized by Google

З калинової трости,
Умітала би двори,
Застилала би столи,
Та помила би повни [1]),
Та витала би гості
Все вином зелененьким,
Та й медом солоденьким, Гол. IV, 307—8
Вода луги позаливала,
Дороги позабирала,
Нікуда переїхати
Федуневи на заручини.
Єго *тестенько* любит,
Єму мостоньки мостит
З каменя дорогого,
З перстеня золотого.

При повтореніи, вм. „тестенько", поется тещенька, *дівонька*, сватонька, родонько", Гол. IV, 220.

Когда провожают молодых в дом жениха:

Тещенька зятя женила,
Коддрами двір застилала,
А коби еї сила,
То би озолотила, Гол. IV, 290.
Ну-те, бояре, до коней,
Небійтеся темної ночи;
Бог вам та до помочи,
А Пречистая мати
Буде вас зострічати.
Марусенька догадалася
Да помостила мости
З калинової трости,
Да погатила гатки
То з рутки, то з мъятки.

(Метл. 219, Чуб. IV, 416), т. ч. путем к дому жениха, к счастливой брачной жизни, служит дѣвство невѣсты (калина, рута, мята).

---

[1]) Кубки. Ср. Гол. II, 101, 104 et pass.

Digitized by Google

Так и у Курпей, когда молодой собирается домой:

Narządzajcie belki w kalinowém moście,
Bo tędy pojadą Jasieńkowe goście,
Wojc. II, 105.

В воскресенье вечером, у жениха:

По за Дунаём коні
Сивиї, вороиї;
Журився старостонько,
Кому би поплинути,
Стаденько завернути.
Учула тоє сваненька:
„Нежурися старостоньку!
Положу тобі мости
З білої риби кости.
Туда ж ти переїдеш,
Вороне стадо вернеш, Гол. IV, 235.

Когда родители молодой ѣдут с ея скринею в дом ея мужа:

Коби Мариня знала,
Що єй батенько їде,
Ставила би мости
З золотої трости... Гол. II, 674.

Вѣроятно тогда же, а не до вѣнца:

Коби я знала, коби я відала,
Що мій батенько їде,
Сипала би я греблі
Дрібними шелю(я)гами,
Слала би я хату
Білими талярами,
Клала би я мости
З білої риби кости. Г. IV, 270.
... Ай коби Марька знала,
Ож єї родина їде
Она (Вна?) би мостила мости
Жовтыма покосты, у Лемк. ib. 409.

Этот образ:

Мостила мости з зеленої бrости; =
=*Сподівалась* батенька (матінки, брата, сестри,

Digitized by Google

милого) в гости (Чуб. V, 509, N 117) вполнѣ соотвѣтствует вышеразсмотрѣнному:

Ждала я (батька... милого)
Ворітечка одчиняла (ib. N 116, 506).

Сходно с этими мр. пѣснями построена „круговая" (хороводная), в частностях не представляющая указаній на заимствованіе с той или другой стороны, но по размѣру (6+5 или 6+6) тождественная с нѣкоторыми варіантами малорусской (ср. Чуб. V, 509 и Гуляев, Этн. оч. юж. Сиб. Б. для Чт. 1848, XC, 92—4).

В таком же значеніи *кладка* (лавка) для милого:

Уже бучка стяли, спаднул до поточка,
Уж ми ся справила до милой лавочка,
(Угорская Русь, Гол. III 249).
...Пред вашіма дверьма веліка мочар:
Положь, міла, дручки, пойду помалючки
Каждий вечур (Гол. III, 406),

с чѣм ср.:

Trzęsawa, trzęsawa, na trzęsawie ława;
Czemuż, ty dziewczyno, na mnie niełaskawa,

т. е. любовь, по видимому, возможна, а между тѣм... (Wacł. z Ol. 123).

Ой небуду водов плисти, піду де на лавку;
Як ем любив, так и буду тоту кучеравку

(Гол. II, т. е. легче перейти по кладкѣ, чѣм переплыть, как лучше любить по прежнему, чѣм измѣнить.

Ой у полі річка, через річку кладка;
Непокидай мій миленький: неказала матка

(Гол. II, 370), т. е. нѣт разумных основаній расходиться. Этот послѣдній образ примѣняется и к родственной любви, к разлукѣ сына с отцом:

Ой у полі річка, через річку кладка;
Непокидай, козаченьку, рідненького батька:
Як батька покинеш, сам марне загинеш...
(„У полі могила").

Digitized by Google

Имѣет ли этот живой, понятный и теперь символизм миѳологическія основанія, или же лиш чуждой миѳологичности идеализаціей слѣдует объяснять встрѣтившіяся выше выраженія, как „впустіте нас (по мостам) до райськоі землі", мост из мѣди, золота, „з каменя дорогого, з перстеня золотого", „з червоноі покости"? Я склоняюсь к первому предположенію и придаю значеніе сходству образа „мостит мост дѣвица, переходит через него и вмѣстѣ служит платой за переход молодец" со слѣдующим сказочным мотивом того же типа, что и приключеніе Одина с Гуннледою (см. выше стр. 122):

Царевич на конѣ (или *на соколѣ*, Аѳ. Ск. VIII, 54, т. е. оборотившись соколом) проникает за ограду дворца *спящей* (Аѳ. П. В. II, 424, 427) царь-дѣвицы, похищает у нея живую воду (или и моложавыя яблоки, с чѣм ср. в Эддѣ: Локи в видѣ сокола похищает Идуну и ея яблоки, сообщавшія богам безсмертіе, Simrock, Edda 327) и наслаждается ея любовью („воды испил, колодезь незакрыл", „квашню раскрыл"; ср. выше в мр. веснянкѣ „щоб (сокіл) невиносив дівоцькоі краси"). Царь-дѣвица идет на кораблях в его царство требовать виноватаго и, подошедши, от корабля до дворца „строит *мосты калиновые*... поверх моста *красным сукном* устлано" или „хрустальный мост", по которому безнаказанно может пройти только жених похититель, тогда как братья его платят за это головою (Аѳ. Ск. VIII, N 4). Только предположив (обратное) перенесеніе божественнаго образа на дѣвицу, можно понять всю силу обращеннаго к ней величанья в слѣдующей колядкѣ:

Ой з Підгіренька та з під соненька
Ой дай Боже;
Надіялася свого милого:
Гатила гати дорогими шати,
Мостила мости жуковинами,
Садила сади все виногради,
Вберала ліси паволоками
Сіяла поле дрібнов жемчугов.
„Та як мій милий на гать поіде,

„Гатітся, гати, дорогими шати!
„А як мій милий мостом поїде,
„Звеніт му мости жуковинами!
„А як мій милий садом поїде,
Садітся, сади, все виногради!
А як мій милий лісом поїде,
„Шуми му, ліое, паволоками!
„А як мій милий полем поїде,
„Ряхти му, поле, дрібнов жемчугов,
„Дрібнов жемчугов, яров пшеницев!“

(Сводный вар. Гол. II, 87; IV 73, Стрый. у.). Ст. 3—7 напоминают вышеприведенные (стр. 68—73) пѣсенные образы „крыла лѣса алым бархатом“, „... золоты ширинки, лѣсы ли вами дарити“ и дают возможность отнести весь образ к той же миѳической личности, солнцевой дочери, зорѣ. Происхожденіе этого образа врядли может быть объяснено обычаем украшать храмы драгоцѣнными одеждами [1]).

Архаизмы этой пѣсни встрѣчаются и в других. „Мостила мости жуковинами“ ср. с вышеприведенным (стр. 133) „мости... з перстеня дорогого“ и „катила она (зоря) золотым перстнем“ (стр. 68). *Жуковина*, мр. (у Бойков, Васильевич, Bojkové Čas. Čes. Muz. 1841, 53) и вр. (Даль), перстень, вѣроятно, по щитку со скарабеем. ***Паволоки*** упоминаются в свад. п.:

Розточено поволоченьки по сінях,
... Куда ми ишла N на посаг

(Гол. IV, 224; Wacł. z Ol. 6=Гол. II, 649, гдѣ уже непонято: „розточено ... поволочено“);

---

[1]) Под 1185. В Володимири „церкы святая Богородиця Златоверхая ... и та загорѣся сверху, и что бяше в ней днѣ (внутри) узорочий ... и *портъ золотомъ шитыхъ и женчюгомъ*, и книгы, и *паволокы*, *укси* (читай *усси=вусси* от *вуссъ*, гр. βύσσος, byssus) церковныѣ, *иже вѣшаху на праздникъ* ... все огнь взя *безъ* утеча“, Лавр.² 372.

Под 1203. „Порты блаженыхъ первыхъ князьи, еже бяху повѣшали въ церквахъ святыхъ на память собѣ“, ib. 397; ср. *тоже* под 1237, ib. 440.

Зазвонили два колоколи в полі . . .
. . . Злинули два ангели з неба . . .
. . . Пустили паволоченьки до землі,
Постелили білесенько по дворі,
Ішла ж ними Марічка на посаг (Гол. IV, 349).

Еще ближе подходит к упомянутому сказочному мотиву с одной стороны и к обычному в весенних и лѣтних пѣснях противоположенію нелюба и милаго слѣдующая веснянка (или русальная?), записанная мною от женщины из Волчанскаго у. (село Рубіжня) и напечатанная в моей ст. „Переправа через воду, как представленіе брака“ (Древности. Арх. Вѣст. М. 1868, Ноябрь, Дек.):

Ой снодо, снодо тонкая,
Ой як то (?) снодо тонкая!
Була в мене невіхна такая:
Та мостила мости из трости, 2
Та гатила гати из мъяти, 2
Становила стовпи золоті, 2
Вішала шнури шовкові, 2
Та чіпляла дзвони спижові, 2 [1])
Слала китайку по морю. 2
Ой туди їхав нелюб мій. 2
Та небряжчіт, мости из трости! 2
Та непахніт, гати изъ мъяти! 2
Та нессяйте, стовпи золоті! 2
Та немайте шнури шовкові! 2
Та недзвоніт, дзвони спижові! 2
Та немай, китайко на морі
17—25=1—9
Ой туди їхав милий мій, 2
Та забряжчіт мости тростеві!
28—33 = 12—16 . . . Забряжчіт . . . .
зассяйте . . . замайте . . . задзвоніт . . . .
. . . замай [2]).

---

[1]) *Спиж*, поль. *spiż*, glocken*speise* (срв. н. spîse), с *ж* из *з* и *с*, как в *хыжа* (hûs), *рижь*, *Париж*.

[2]) *Ой снодо, снодо тонкая!*

Подлинность ст. 1—3 этой пѣсни подтверждается напеча-

Digitized by Google

От подобной пѣсни другого размѣра (б. м. 5+5) идет слѣдующая бр. пѣсня, в коей неизвѣстно кто говорит:

танною позже (Чуб. III, 188) русальною из сборн. П. А. Кулиша:

Проведу русалочки до бору…
…Стану в бору из *слюдою*

Свекор проѣзжая мимо скажет:

„Ой слюде, слюде товстая!
Була в мене невістка такая“

А отец:

„Ой слюде, слюде тонкая!
„Була в мене донька такая.

Впрочем это нисколько необъясняет непонятнаго *снода* (*слюда*), относительно котораго возможны только догадки. Я думаю, что записанная мною веснянка представляет сочетаніе двух различных весенних мотивов, сходных в том, что оба относятся к ожиданію нелюба и милаго, несчастной и счастливой жизни за мужем. Второй из них, составляющій главное содержаніе пѣсни,—мощенье мостов. Первый, ставшій здѣсь лишь запѣвом, прелюдіей, как бы формальным опредѣленіем категоріи пѣсни, почему в ней и подвергся искаженію и стал непонятен, может быть найден по указанію эпитета: „снодо (слюде) *тонкая*“, …„*товстая*“. Это эпитеты *бѣли*, „бѣлых даров“ (серб.), приготовляемых невѣстою и в пѣснѣ служащих символом ея самой (мое соч. О нѣкот. симв., 116, 145—6; ср. также Караджж. П. из Херц., 208: „ђевојка сам, кумаш на продају…“) в слѣдующей веснянкѣ:

Ой горе, горе сухий дубе,
Паше полобня через вод*и* (у?),
Ой через вод*и* (у) на слобод*и* (у?),
Де Катерина біль білила,
З тонкою більлю говорила:
„Ой бéле ж моя тонка, біла!
„Як я тебе убілила!
„Ой як я піду за милого,
„То я тебе, беле, в шовку потчу,
„То я тебе, беле, в будень зношу!“
11—4=1—4
З товстою більлю говорила:
„Беле ж моя товста небіла!
„Ой як я піду за нелюба,
„То я тебе, беле, в черніт почту,
„То я тебе, беле, в свято зношу!“

Digitized by Google

Да *засєю* я *полє* да ясненькім *золатам*,
Да *засцелю* я *лугі червоным кармáзынам*,

(Ромен. у. *Черніт*, чорная шерстяная пряжа, из которой *плахта чернітка*; ср. у Чуб. V, 489). Петровочная:

Мр. Мала(я) нічка Петрівочка,
Що невиспалася наша дівочка:
Всю ніч неспала, *біль сукала*

и далѣе сходно с вышеприведенною (Метл. 312—3)

Бр. Пятрова ночка нівялічка,
Я маладзенька невыспаласе:
Усю ночку неспала, *шнурки сукала*,
Сукала шнурки шавковые,
Шила кашулькі рубковые.
Сяму-таму запрадавала,
Сваему мілому дарма давала...

(Этн. Сб., III, 228; Шейн, Бр. п., 170, N 269; у Шейна ib. N 270 „пляла шнурочкі ботвяны" предполагает пѣсню с двойственным дѣленіем: ботвяные нелюбу, а шолковые милому). Отсюда вѣроятно, что *снода*—бѣль (пряжа) или шнур. Ср. *снасть* (*снад-) в зн. верви, шнура и лот. *snâju, snât*, вить; *snâjuti* конопли для витья веревок, *snâte*, покрывало из льняной ткани.

Мр. купальская:

Малая ночка купалночка!
Невиспалася Ганнуся:
Змочила (вона?) хусточку
(Та?) слёзи утираючи;
Сукала шнури єдвабни,
Путала коні ворони.

Малая ночка купалночка,
Невиспалася Парася,
Погнала воли хлипаючи,
Змочила огон котячий
(Та) слёзи утираючи;
Сукала шнури валови,
Путала щури полови

(Терещ., Б. р. н. V, 77 из Gołęb. Gry i zabaw. III, 298—301). „Путала коні", как прилично благонравной дѣвицѣ, „щоб невитоптали рути-мъяти" (см. выше стр. 44). Это — величанье одной дѣвицы и насмѣшки над другою, которой и путать-то нѣкого, кромѣ половых (или м. б. полевых) крыс.

Digitized by Google

А замащу я мосты залатым мастовыїкам.
Да засяй, поле, засяй, ясненькім золатам,

Удаляясь от основного значенія *пута, узды* (любовь, брак), другая кунальская связывает узданье и путанье с одной стороны валом и лыком, с другой золотом и шолком с несчастною жизнью у свекра и счастливою у отца:

1 Чиє то стадечко за село выходило? Рано, рано! [1]
Подбурске стадечко за село выходило.
Чим воно попутане, чим воно поузнане?
Товстим валом поузнане, грубым лыком попутане.
5 Подбурщанка мала стадечко займала,
Стадечко займала, жалосно плакала,
Жалосно плакала в чужого батенька;
Бо чужий батенько положить пузненько,
(   ) а пробудить раненько,
10 До цяжкого *де*лечка (ѣ=є?), до сырой пшеници.
Мелю я пшеницю, по зернятку кидаю,
По зернятку кидаю, по слёзонцє (?) роняю.
13=1; 14=2 Бурмыцке; 15=3
16 Золотом поузнане, білым шовком попутане,
Бурмыцянка мала стадечко займала,
Хорошенько спевала в своёго батенька;
Бо свуй батенько положить раненько
(   ) а пробудить пузненько
До легкого делечка, до белого кужелю,
(   ) до русой косоньки.
Пряду я кужель, по волосочку смыкаю
(   ) хорошенько спеваю.
(Верховичи Гродн. губ.)

(Крачковскій, Быт зап.-русс. селянина, 134. Чт. 1873. IV).

Степень распространенности мотива „біль сукала“ видна из слѣдующаго. В серб. п. дѣвица

...Свилу преде, гајтан плете,
С гајтаном се разговора:
„Ој гајтане мој, гајтане!
„Да знам, да ће т' млад дерати,
„Свилом бих те, млада, плела
„А златом бих увијала;
„А да знадем, мој златане,

---

[1] Припѣв послѣ каждаго стиха.

Digitized by Google

Да зашуміце, лугі, червоным кармазынам,
Да зазвеніце, мосты, залатым мастовыїкам:

„Да ће тебе стар дерати,
„Диком бих ти основ плела (вм. прела),
„А с кострети поткитила!“
(v. Диком би те оплетала
А рогозом поплетала,
Копривами накитила)
(Кар. П. из Херц. 265; id. Пјес. I, 291).

Хорв. Дӥвојчица ланак сӥје [1])
Под горами, над водами,
Сӥјућ ми је говорила:
„Рести, ланак, висок танак!
„Да би знала тер би знала,
„Да ме хоће млади просит;
„Прела би му кошуљицу
„Од памука и од свиле;
„Дала би ју одаткати
„Мрву гушћу, нег' од леда;
„С свилом би ју нашивала
„С китицами навијала.

А еслибы посватал старик, дала бы ему вышить сорочку „мрву (=трохи) гушћу нег од плота“ (Kurelac, Jačke, 47). Того же размѣра - болгарская. Дѣвица вышивая платок, говорит ему:

Яз незнаєм, тенка рида,
Кой ке тебе да кердоса
(=будет пользоваться, носить):
Или Турчин, ил' Каурин

(Верковић, Н. п. Макед. Буг., 76—7). Обычнаго серб. размѣра (4+6) — Кар. Пјес. из Херц. 118—9 (дѣвица говорит с вышиваемым ею платком); Mikuličić, N. pripov. i p. iz primor. hrv. 166—7, с примѣчаніем собирателя „Ова се пјесма свакој дјевојци пјева дан прије вјенчања, пред кућними врати“. Привожу ее ради послѣдних 4-х стихов, показывающих наглядно, как в народной поэзіи унаслѣдованные образы живут не в от-

---

[1]) *Лен*—сама дѣвица. Ср. выше, стр. 40 и слѣдующее:
Бѣлый *лен* при дорогѣ вѣтер подвѣвает,
Нетак-то он подвѣвает, к землѣ приклоняет;
Что-ж наша да *Марьюшка* кручинна-печальна?
Коханов., Нѣск. р. пѣс. (Ст.-Оск. у.) 83.

Digitized by Google

Будзе єхаць Валыпачка, нашаго пана дачка.
(Этн. Сб. III, 233).

рѣшеніи от почвы, а примѣняясь практически, в частности ради величанья, т. е. ради идеализаціи частнаго положенія лица:

Дивојка се ј' сватон надијала,
Мажуране ј' коло насадила [1])
И вила је винца од левеңа [2]),
Од левеңа и од калонперја [3]).
Кад су дошли господа сватова,
Она ңи је говорела млада:
„Ај ви моја господо сватова!
„Вежте коңе поље башелово [4])
„И сидајте коло мажуране,
„Да ван дилин винца од левеңа
„Од левеңа и од калонперја".
Ал говори најстарији сваше:
„Бога теби, липа нан дивојко!
„Кад си млада ове винце вила,
„Јеси л млада он дан тужна била?"
Она ңин је млада говорела:
„Ако сан је худу војну вила,
„Ја сан млада цел дан трудна била;
„Ако сан је добру војну вила,
„Нисан млада труда ни видела".
   Зајди ванка [5]), липа нан дивојко!
Теби писма, нами чаша вина.
Ова писма на твоје поштеңе,
Да нан Бог да здравље и веселе!

Сахаров, Сказ. р. нар., кн. 3, 30—1, 51; Терещ., Б. р. н., IV, 233 (дѣвица говорит о вышиваемом ею коврѣ, размѣр—5+3: „как во теремѣ дѣвица", Терещ. ib. V, 11); Nesselman, Litauische Volksl. 133 („еслиб я знала, что выйду за молодца, сшила бы, вышила серебром ему платье; если бы... за вдовца, повѣсила бы на него желѣзную цѣпь.

Другой сходный мотив (веснянка, судя по разм.)

---

[1]) Origanum majorana.

[2]) *Невен*, по сл. Караdж. calendula offic., но м. б., барвинок, vinca?

[3]) Каранфил, dianthus caryophillus.

[4]) Босилљак, ит. basilico, ocymum basilicum.

[5]) Выйди из избы к нам.

Digitized by Google

Послѣдній стих есть б. м. приспособленіе мотива „дѣвица мостит мост“ к другому образу, о котором ниже.

Так как выше (стр. 137) мы видѣли, что мостит мосты жуковинами именно дѣвица для милаго, то можно думать, что этот образ предполагается колядкою, обращенной как величанье к хозяину:

Ой через воду та через Дунай
Ой дай Боже!
Стоят мостоньки калинові...
...Покощені жуковинами.

По пим идет „господаренько“ отыскивая „*в рай дороженьки*“. Встрѣченные им ангелы указывают ему эту дорогу и приводят в рай, представляемый церковью (Гол. II 27—8).

На бережоньку стояла, стояла,
Білиї ноженьки мияла, мияла:
„Ей мої ноженьки білої, білої!
„Кому ж ви будете милої, милої?
„Ей коли старому, хрань Боже, хрань Боже!
„Коли молодому, дай Боже, дай Боже!
(Гол. III, 256)

хотя встрѣчается только угорско-русс. вар., но несомнѣнно извѣстен в русс. и поль. мѣстностях до Литвы. В слѣд за приведенными ст. слѣдует

А на горі зілья ядловец, ядловец;
Ліпший єсть младенец, як вдовец,

и с этим продолженіем, в той же ритмической формѣ пѣсня перешла в литовскую (Ness. 134; N 137). Этот случай относительно поздняго заимствованія недает права также объяснять сходство этого мотива с серб. „Девојка је лице умивала... „Да знам, лице, да ће т' стар љубит... Кар. Пјес. I, 290, N 396 и 395; Kurelac, Jačke, 50:

Дйвојчица жупић гази, ноги јој се белŷ...

(*жупић*, чеш. župa, словен. žomp, нѣм. sumpf, в зн. лужи).

Первообраз пѣсни того содержанія, как в „Ой горе, горе сухий дубе“, и др. приведенных для сравненія с нею, мог имѣть тот размѣр 5+3, который в п. „Ой снодо, снодо тонкая“ и в вышеразсмотрѣнных пѣснях „невѣста тонет, кому дары останутся?“ (стр. 71—74).

Digitized by Google

Во всяком случаѣ это небесный мост, как и тот, который в вр. колядкѣ мостят „Овсеню и Новому году“ (О миө. зн. нѣкр. вѣр., 21—2), как и упоминаемый в сказках (Аө. Ск. II, 101; VIII, 58 и др. Поэт. воззр. I, 692) и бр. волочобной п.:

Білі палі залатыя,
Масціці масты всё сяребряныя.
Туды-м ехала Пречистая

в каретѣ шестериком, в сопровожденіи святых (Безс., Бр. п., 4).

Невѣста сама идет через мост (v. кладки). Так в свадебной п., когда „княгиню“ везут к вѣнцу:

За воротоньки бистрі річеньки
з новими лавочками.
Туда ж ми їшла молода Маруся
з своїми дружечками
(Гол. II, 104).

Пішла би я *на кладочку*, кобим *неупала*;
Пішла би я *за* нелюба (v. наймита, богача и пр.), [коби м *непропала*.

(Гол. II, 330; III, 352; II, 777[2]; Щасний Соломон Коломийки, 43; ср. также Гол. II, 827, 48). Отсюда коварная помѣха дѣвицѣ в любви представляется т. о.:

Стоїт верба над водою, маю ю на гадці

(т. е. чтобы сдѣлать из нея кладку; но)

Мишлят люде підрубати дівчину на кладці
(Гол. II, 777).

Друлю лавку за муравку: най лавка плаває;
Ах (?) то мені за миленьким серце омліває

(Гол. IV, 465, т. е. сама доводит до разрыва, а потом тоскует).

В слѣдующем „ходить по кладкѣ“, по видимому,— жить за мужем:

Чираз Дунай досочка
Тонка-гібка ляжала,

Ніхто па ней няхо́дзіць,
На Дунай слёзы няроніць,
С мілым дружком нігаворицъ.
Толька я адна млада хадзіла,
На Дунай слёзы раніла,
С мілым дружком гаварила:
„Ты нябі мяне біз віны...
(Шейн, Бр. п., 136).

Идеальный обратный путь замужней женщины к роду, к матери идет через туже кладку. Если этой кладки нѣт, то „до свого роду хоть по шию в воду“:

Свекрушечко, ма душечко, пусти мя до мамки:
Непитаю бистрой ріки, побреду без лавки,
(Гол. II, 620).

Но возвращеніе невозможно:

„По кладкѣ я перебралась во двор чужанина (=за муж); кладу кладку за кладкой, немогу уже выбраться (лот. Бривземн. в Сб. Дашк. II, N 484).

Так же невозможно возвращеніе к дѣвству, к молодости:

„Приказала б я помостить мост из чистаго серебра, лишь бы воротиться к матушкѣ в молодые дни“.

„Зазеленѣет еще рута, зазеленѣет роза (символы дѣвичьей жизни), но я своих молодых дней уж больше неувижу“. Ness. Lit. Volksl. 197).

Если прибавить к этому представленіе, что „доля и недоля (т. е. прежде всего счастье и несчастье в замужествѣ) ходят по одной и той же кладкѣ“ (лот. Спрогис, 307), то получатся всѣ черты, из коих сложился на первый взгляд странный образ мр. пѣсни: несчастная замужествѣ посылает или ѣдет догонять „молодость“, „літа молодиї“, „щастя й долю“:

Як нагнала щастя й долю *на калиновім* мості,
„Вернись, вернись, щастя й доле, хоч до мене в гості!“
—Невернуся я до тебе, була у тебе:
Було тоді шановати, було поважати!—
(Метл. 253—4, 106).

Digitized by Google

Эпитет моста „калиновый“ здѣсь объясняется весьма удобно тѣм, что это первоначально мост дѣвства (калина=дѣвица) ведущій к браку. При забвеніи этого происхожденія тот же образ начинает примѣняться вообще, т. е. и к мужчинѣ:

„Запрягайте коні в шори, коні ворониї,
Та поїдем доганяти літа молодиї.
Як догнали літа мої в калиновім мості:
„Вернітеся літа мої, хоть до мене в гості...
—Невернемось, невернемось, немаєм до кого:
Було б же нас шановати, як здоровъя свого“.

М. б. от этого символизма, а не от реальности, ведет начало постоянный эпитет моста „калиновый“ и в вр. былинах, на пр. Гильферд. 1194.

Жених переводит невѣсту через „мосты калиновые“ v. *через кладку*. Это образ довольно обыкновенный в вр. свадебных и др. пѣснях: см. Гуляев, Этн. оч. юж. Сиб., 31; Сахар., Сказ. р. н., кн. 3, 115, 130; Терещ., Б. р. н., II, 200; IV, 149—50; Кохановская, Нѣск. р. п. в Русс. Бес. 1860, I, 66—7; Шейн, Бр. п., 201 (N 339), 133). В мр.:

Ой возьму я та дівчину за білу ручину,
Переведу тихий Дунай тай бистру річину,
Переведу, переведу тай ся незамочу,
Щоби люде несказали, що я ся волочу

(Гол. II 293). Из послѣдняго стиха видно, что „переведу“=возьму за себя.

Как свадебный обряд это представленіе сохранилось у Лемков: „По *почепинах* ведут молодых на рѣку мыться. Свашки поют:

До гати Марисю, до гати
Личенько обмывати,
Ой жебы было біле
И Василёви миле.

Молодые моются в рѣкѣ (это, кромѣ возможнаго религіознаго значенія, один из символов любви, см. мой Разбор П. Гал. и Уг. Р. Головац., 68), и опускают деньги в воду

Digitized by Google

(ср. Аѳ. П. В. I. 169; II, 206 сл. 229—31). Послѣ мытья молодая утирается сорочкой молодого, а он ея „оплочатем“ (?=рубашкой) (см. мой Разб. l. c.). *Молодой* берет молодую за руку и *переводит ее через воду* туда и назад; молодая набирает в „кандейку“ („кінву“) воды и возвращается домой. Другіе люди тоже бросаются в воду (Гол. IV, 394). Древность этого обычая неподлежит сомнѣнію. Документально он был бы засвидѣтельствован в концѣ XIII вѣка, если бы можно было считать доказанным, что окончаніе Правила Митроп. Кирилла „и се слышахомъ: в предѣлѣх Новгородеских невѣсты водять к водѣ, и нынѣ невелимъ тому тако быти“ (Восток. Опис. Рум. Муз. 321; Аѳ. П. В. II, 170) не есть позднѣйшая (во всяком случаѣ не новая; список 1620) приписка.

Тѣже ассоціаціи лежат в основаніи гаданій о бракѣ: а) На Андрея (30 Ноября) дѣвица вывѣшивает ночью за окно полотенце, приговоривая: „суженый-ряженый, прийди сюда и утрись“. Если вскорѣ полотенце окажется мокрым, дѣвица выйдет замуж в этом году (Чуб. III, 261); б) „Дѣлают из прутиков мостик и кладут его под подушку, загадывая: „кто мой суженой, кто мой ряженой, тот переведет меня“ (т. е. во снѣ) через мост“ (Абевега русск. суев. 1-е изд., 151—2). „Налить воды в тарелку, положить на нее нѣсколько соломинок в видѣ мостика и поставить себѣ под кровать. Суженый прійдет перевести невѣсту через мост (Маркевичь, Обыч. и пр. 21; Чуб. 258). Татьянѣ Пушкина снится, что медвѣдь переводит ее через кладку (Евг. Онѣг. гл. V, XI—II), что предвѣщает выход замуж, хотя и за немилаго. К вышеупомянутому гаданью слѣдует, я думаю, отнести одно выраженіе славянской вставки в слово Григорія Богослова: „тѣмъ же богомъ требоу кладоуть и творять и словеньскыи языкъ: виламъ, и мокошьи дивѣ, пероуноу, хърсоу, родоу и рожаници, оупиремь и берегынямъ, и переплоутоу, и вертячеся пьютъ ему въ розѣхъ; и огневи сварожицю молятся, и навьмь мъвь творять, и *в тьстѣ* (=из тѣста) *мосты дѣлають* и колѣдязѣ“ (по сп. конца XV в., Тихонрав. Лѣт. р. л. IV, 3, 99). Коло-

дязи из тѣста, вѣроятно для такого же гаданья: чтобы суженый (во снѣ) подал из колодязя воды напиться.

Жених строит мост для невѣсты. Один из величальных, я думаю, весьма древних мотивов состоит в том, что дѣвица предлагает любовь молодцу (или на оборот), а он (или она) отвергает предложеніе, п. ч. неровня предлагающей сторонѣ, знатнѣе ея (тут бывают указанія на миоическое родство), богаче. К таким величаньям, именно б. м. весенним, мог принадлежать первообраз мр. п., отчасти разсмотрѣнной мною (мой Разб. пѣсень Головац., 18 сл. Зап. И. Ак. Н. XXXVII, 2; К истор. зв etc. III, 17),

По тім боці Дуная
Вівчарь вівці ганае.

Устранивши частныя бытовыя черты, но оставив размѣр 4+3 (тот самый, который служит мнѣ одною из путеводных нитей в этом изслѣдованіи) и упомянутое общее содержаніе, сравниваю эту пѣсню с первою половиной слѣдующей сербской:

С оне стране Мораве
Бела Дудо!
С оне стране Мараве
Бео чадор разапет,
Под ним седи левента [1]),
На крилу [2]) му латинка [3]),
Латински му говори,
Арбанаски заноси,
„Љуби мене, левента!“
— Неђу, бог-ме, латинка:
У мен’ има девет град’,
И десети Биоград,

---

[1]) Молодец, ср. в моем соч. К ист. зв. II, Замѣтка о 2-х пѣснях, 8.

[2]) На лонѣ, на колѣнях.

[3]) Италіанка, м. б. как болѣе аристократическая партія.

Digitized by Google

У свакоме по љуба,
Свака ниjа [1]) по сина,
А наjмлађа девоjку,
Њу ми просе сватови,
Деветори банови,
И наjпосле Јерко бан.
Маjка даjе те даjе,
А jа недам, те недам,
Док незида ћуприју [2])
Од свог двора до мога
Од камена мермера,
И бисером [3]) *поткити:*
Кад je стану водити
Нека камен звекеће,
Нека бисер трепеће, Кар. П. I, 417.

Послѣдніе 2 ст. ср. с мр. (стр. 129 и 137) „буде ... камінь звеніти“, „як милий полем поїде, ряхти му поле дрібнов жемчугов“. Что второй мотив этой пѣсни (именно исполненіе женихом трудной задачи, построеніе им чудеснаго моста, на пр., как в сказкѣ „Рак-жених“ (=царевна лягушка), золотого моста с золотыми яблоньками по сторонам, О миѳ. зн. нѣкр. вѣр., 207), лишь внѣшним образом, по сходству примѣненія к величанью, связан с первым, на это указывает болг. п. того же размѣра: Скендербег взял в полон латинку дивной красоты:

... Моме-то ми плачеше —
Ситна роса росеше;
Моме-то се насмеа—
Ясно сънце угреа [4]).
(Она) Латински му зборвеше:
... Немой да ме поплениш,
От' (=п. ч.) си имам три бракя.
Татко й майка ме дават,
Брат Никола недават.

---

[1]) Колышет. [2]) Мост. [3]) Жемчугом. [4]) Ея слезы—роса, смѣх—солнечный свѣт.

Digitized by Google

Ке ме дадят Алай-бег
Алай-бегу за сина;
Ке напраит кюпрія
Со два драга каменя
Со дробнего бисера... Милад. 302—3.

Внѣ связи с этими двумя пѣснями стоит болг., размѣра 5+5: Виша Грекиня требует, чтобы искатель ея руки исполнил три трудныя задачи: построил бы над морем (через море) помост, на нем виноградныя лозы по краям дуни (айва); бросился бы в море и поймал рыбу моруну; попал бы в серебряный перстень звѣзды денницы. „Еврейче“ (презрѣнный, в родѣ Ивана дурака?) исполняет двѣ первыя задачи, а вм. третьей попадает Грекинѣ в черныя очи (Милад. 255).

Подобный мотив в в.-лужицкой п.: Водяной (wódny muž) хочет во что бы ни стало взять за себя дѣвицу для этого

„Ja 'cu ći dać móst twarići
„Wot lutoh (чистаго) złota, sljebora;
„Ja 'cu će daći pšez njón wesć
„Ze tsicyćimi wozami,
„Ze štyrcyćimi konjami.

На половинѣ моста невѣста проваливается и это, повидимому, предзнаменует смерть ея и дѣтей от руки ревниваго мужа (Hawpt a Smolerj Piesn. I, 63). В другой пѣснѣ любовников раздѣляет море. Дѣвица посылает милому узду, чтобы он на конѣ плыл к ней, а сама приказывает помостить через море кладки, снизу мурованыя, сверху малёваныя, и сама идет по ним на встрѣчу; но завистливая баба поваляла кладки и утопила милого (ib. 87). Символизм здѣсь такой же, как выше (стр. 145): „мишлят люде підрубати дівчину на кладці“.

Гатить гати, класть кладки к милой — Гол. I, 276; 291.

Digitized by Google

5. Вербовая дощечка.

Из предыдущаго можно вывести, что когда мр. весенняя игра изображает дѣвицу идущею через кладку, то это ближайшим образом означает переход к браку от той весны жизни, которой гордость, радости и заботы составляют главное содержаніе веснянок. Можно ожидать также, что в основаніи этого значенія будет лежать другое, болѣе древнее, миѳологическое.

Дѣвицы становятся в два ряда, лицем друг к другу, берут своих супротивных за руки, так что из рук выходит „дощечка", по которой пускают ходить дѣвушку, „Настечку". Из пѣсни видно, что она изображает собою „дівку", невѣсту, а не ребенка или „піддівочу" (Чуб. III, 81). В Галиціи сходная пѣсня поется при „кривом танку"; размѣр точно такой, с повтореніем послѣдняго трехсложнаго слова, как выше (185 и выше):

А. Вербовая дощечка, дощечка [1]),
Ходит по ній Настечка,
На всі боки *леліє*,
Вітки милий поїде (v. надїде)
Що ж Настечці привезе?
Жовтенькиї чобітки,
Золотиї підківки.
[Будут чобітки скрипіти],

---

[1]) Такое повтореніе во всей пѣснѣ. „Вербовая д." ср. с „Кладку я кладу через муравку вербову", купальская, Чуб., III, 209.

Digitized by Google

А підківки звеніти.

Вм. [будут], нарушающаго размѣр, могло стоять „ймут“. Мѣстами к этому присоединяется:

Покочу я золото, золото,
А ви, хлопці, в болото, в болото;
Покочу я перстенец, перстенец,
А ви, дівки, у танец, у танец.

Или: Де сь, Настечко, бувала, бувала,
Як діброва палала и пр.

Мотив, о коем см. ниже (Гол., IV, 160; II, 191, 684). В первом варіантѣ *леліє*, собственно, сіяет и отсюда—смотрит. Ср. „світит сонце, 2, на хату *леліє*“, Гол., II, 394; „ясний соколонько... далеко *сяє* (= смотрит) и видає“ (Ант. и Драг., И. п., I, 182); „ясен соколонько... на чорнее море *сяє* далеко поглядає (ib. 192). Думаю, что слово *леліє* употреблено здѣсь двумысленно (свѣтит и смотрит) не случайно, а по связи этой пѣсни с веснянкою, которая в подобное положеніе ставит *солнце = вербу* [1]) что в свою очередь объясняет, почему в приведенной веснянкѣ именно „вербовая“ дощечка.

Солнце сверху смотрит и видит далеко и широко, почему в свад. болг. п. молодая обращается к нему с вопросом, невидало ли оно ея отца, матери, роду (Милад., 486 и ib. 489, N 582, гдѣ пѣвица, обращающаяся к солнцу, находится в положеніи Ярославны в Сл. о П. Иг.). Извѣстно и широко распространено представленіе солнца колесом [2]). Говоря о *кроковом* (т. е. желтом, шафранном; мр. *крокіс*, carthamus tinctorius, гр. κρόκος; поль. krokosz, чеш. krokot, color croceus, κροκωτός, Matzenauer, Cízi slova) колесѣ, пѣсня неоставляет сомнѣнія, что она разумѣет солнце:

---

[1]) Уже упомянутая лотышская п. прямо говорит: „Солнце (Сауле, жен. р.) плетет вѣночек, сидя *на вербѣ* (вітола, мѣстный п.), Спрог., 311. Ср. также: „Каждое утро вспрыгивает солнце на красное деревцо...“ Трейл. в Сб. Дашк., II, N 66.

[2]) Аѳ. П. В., I, 207—8, 211 сл.; Чуб. IV, 150; 155 („колує“=колесом иде).

Digitized by Google

Кроковоє ко́лесо
Вище тину стояло,
Много дива видало.
Чи бачило, колесо,
Куди милий поїхав?
—За ни́м трава зелена
И діброва весела
Ст. 8—11 = 1—4
12 Куди нелюб поїхав?
—За ним трава полягла
И діброва загула.

(Записано мною от близкой моей родственницы. Для меня достовѣрно, что именно так пѣлась эта п. в селѣ Перекоповкѣ, Ромен. у., в первой четверти нашего вѣкка; м. б. и теперь так поется. Параллелизм здѣсь полный, т. к. „весела“ противоположно с „загула“: *густи* в производном значеніи = лот. *gausti*, печально пѣть, причитать по мертвом, *gaudùs* печальный).

В Галицкой Руси сходная по началу пѣсня сопровождает хоровод, в родѣ „кривого танка“ (Чуб., III, 32—3):

Вербовеє колесо, колесо
Коло гостинця (м. б. при гостинцю?) стоя-
[ло, стояло [1])
Троє дива видало:
Єдно диво на діди,
Другоє диво на баби,
Третьє диво на дівки . . .

(Слѣд. 6 стих внѣ видимой связи с этим. Зоря Галиц. 1860, 511).

Другим весняночным размѣром, в этом случаѣ, б. м., болѣе новым, чѣм предыдущій, сложена веснянка:

Ой ве́рбо, ве́рбо, вербице!
[Ти] на роспуттячку стояла,
[Ти] далеко чула, бачила;
Куда мій нелюб[ий] поїхав?

---

[1]) Послѣдніе три слога повторяются. Вѣроятно так и в моем варіантѣ.

Digitized by Google

Ой туди трава полегла,
И клен-дерево завьяло,
И мое серденько застряло.
8—10=1=3,
Куди мій мил[еньк]ий поїхав?
Ой туди трава [вже] шовкова,
И клен дерево зелено,
Й мое серденько весело (Метл., 303—4; Чуб., III, 117). В скобки [ ] взяты слоги, нарушающіе строгость размѣра. Та черта, что „вербовее колесо“ или „верба“ стоит „*коло гостинця*“ или „*на роспуттячку*“, в соединеніи с подразумѣваемым желаніем, чтобы это всевидящее существо сказало ту радость, что по пути ѣдет милый, а не нелюб, могла повести к перенесенію роли этого существа на раст. *трепутник, бабку*, т. е. *припутник*, придорожник, подорожник (leontodon taraxacum, мр. *ку́ль-баба*, по цвѣтку котораго, выдергивая лепестки, гадают: „любит—нелюбит?“, или plantago, нѣм. wegerich). В Бр., на канунѣ Ивана (23 Іюня), дѣвки выкапывают это растеніе, приговаривая: „Ты бабачка, ты галубачка! Ты при дарозе сядзіщ, ты ўсё чуїш і відзіш: скажи мне праўду, за каго я замуж пайду?“ и кладут на ночь под головы. Кто приснится, тот будет муж (Шейн, Бр. п., 142).

Как бы ни объяснялось представленіе солнца деревом, между прочим именно вербою, а лучей его—вѣтвями, оно неподлежит сомнѣнію: загадка о солнцѣ: „стоїт верба посеред села, розпустила гілье на усе поділье“ (Вѣнок Русинам на Обжин., 280) = „стоїть дерево серед села, а в каждій хатці по гіллячци“ (Вѣн. ib., Номис, Приказ., 291; Ном. 290). Весьма распространенная загадка, представляющая год деревом (дубом, явором, см. Аѳ. П. В. I, 517; можно прибавить ссылку на Вѣнок и пр. 294; Bielenstein, 1000 Lett. räthsel, N 191—4; Schleicher, Litauisch. Leseb., 61) есть перенесеніе дневного теченія солнца на годовое. Серб. вар. этой загадки говорит именно о ракитѣ: „*кита-ракита* (т. е. киђена, разукрашеная, как „кита и сватови“ = киђени сватови), и у којој дван'ест ступо-

ва; на сваком ступу има четири гнезда, у сваком гнезду има седмеро пилиħа (= птенцев), свако пиле има своје име", Ст. Новаковиħ, Спр. загонет. 31. Соединеніе и смѣшеніе этого представленія с представленіем солнечнаго пути мостом и кладкою дает загадки с одной стороны для года („лежит брус во всю Русь, и на том брусу 12 гнѣзд" и пр.; „лежит колода, по ней дорога, 50 сучков да триста листья", Худяк., Вр. заг., Этн. Сб., VI, 45), а с другой—для великого поста и свѣтлого праздника: „сім миль (v. верст) мосту, а на кінці (v. на край мосту) явор на весь світ славен (v. *червона калина* [1]), v. квіточка зацвіла, v. дивина́ (verbascum), на тій дивині цвіт на весь світ), Номис, Прик., 290; Худяк. ib. и 95). Сам Великдень, сколько извѣстно, вербою непредставляется, так что нѣт основаній думать, что представленіе его деревом возникло через посредство Вербной недѣли (мр. вербниця, болг. врьбница, мр. и бр. верби́ч) и вербы как замѣны пальмы в недѣлю вай. Как бы ни было, слѣдующая болг. п. Лазарская (на Лазарево воскресенье, когда дѣвочки, убранныя цвѣтами, ходят по домам и поют величальныя п., *лазар'ват*, а взрослыя дѣвицы—*ладуват*, от припѣва *ладо*) или вербная, во всяком случаѣ по времени и содержанію—веснянка, представляет замѣчательный примѣр ассоціяціи представленій солнца вербой и дѣвицей (солнце = „крас-

---

[1]) Калина в той же роли, как выше всевидящее крококовее (вербовее) колесо и верба, — в веснянкѣ:

Ти калино червона!
Ти при лузі стояла,
Ти чувала, видала,
Що у Киïви дзвонють,
А на ринку говорють:
Парубоцькая краса
У дёгтю пуринає,
А дівоцькая краса
В молоці пуринає
У меду випипає.

(Костомар. в Бесѣдѣ 1872, VIII, 12; ср. выше стр. 114—6, 122—3).

Digitized by Google

ная дѣвушка по небу ходит", Худяк. 1. с. 111), дѣвицы невѣсты солнцем и вербой.

У Недини слънце грѣе;
Върбо ле, върбо, върбице ле!
То небило ясно слънце,
А є била сама Неда.
Израсла є тънка върба
У Недини равни двори;
То небила тънка върба,
А є била сама Неда.
Събрале са юргене-те,
Да си крьшат тънки върбе...
(Каравелов, Пам. нар. быта Болг., I, 207).

Припѣв „върбо-ле" и пр., повторяющійся послѣ каждаго стиха, первоначально принадлежит ко 2-му мотиву этой пѣсни („Израсла є.."). Присоединяясь и к 1-му („У Недини" = в домѣ Неды) он и внѣшним образом указывает па однозначность его со 2-м. Послѣдніе 2 стиха („Собрались молодцы — женихи, чтоб ломать тонкія вѣтки"...) сближают эту пѣсню с обширным кругом пѣсень о міровом деревѣ, который составит предмет особаго изслѣдованія. Между прочим это дерево отождествляется с невѣстой; к нему слетаются соколы (= женихи, сваты). Болѣе тѣсное родство по содержанію и размѣру (4+4) имѣет эта п. со слѣдующими свадебными:

Над рѣкою, над быстрóю
Ладо, ладо!
Стоит верба семь сот вѣток,
Семь сот вѣток и четыре,
А пятая *золотая*.
Тут ѣхало семь сот бояр,
Семь сот бояр и четыре;
Всѣ сломили по вѣточкѣ,
Всѣ сломили по вербовой,
Ивану-свѣт (= жениху) вѣтки нѣту.
Ему вѣтка золотая,
Золотая вѣковая,

Digitized by Google

То Настасья молодая.

(То же поется о дружкѣ и свашкѣ. Коханов., Нѣск. бояр. п., 98, Рус. Бес. 1871, II). Этот вар. Ст.-Осколь. у. Кур. г., б. м., есть лишь переложеніе на вр. звуки малорусскаго варіянта, по припѣву и упоминанію золотой вѣтки (намек на миѳологическое значеніе образа) болѣе архаичнаго, чѣм слѣдующій, снабженный запѣвом „птица с высоты видит сцену дѣйствія“.

Ой луговая зузуленько, 2
Рано, рано!
Чи всі луги облинула,
Да ранесенько!
Не так луги, як лужечки?
Нестій вербо над водою, 2
Да звий собі сім сот квіток,
Сім сот квіток и чотирі.
Да їхали мимо тебе...
...Сім сот бояр и чотирі
Всім боярам по квіточці,
Иванкові квітки нема[є]:
Иванкові квітка — 2
Да Маръечка дівка. (Чуб., IV, 199).

В другіе вар. (Чуб., ib., 118, 173, 268) введен мотив:

Да нестій, вербо, *розвивайся*,

(срб. листај) т. е. выходи замуж [1]). Это представленіе под

---

[1]) *Розвивайся*, см. выше, стр. 49—50, а также слѣдующее:

Ой вербо, вербо, вербице!
Час тобі, вербице розвиться;
Час тобі, Иванку, жениться.
—Ой ще нечас, непора:
Ще-ж моя дівчина (=верба) молода...
Чуб., III, 214.

Стоїт верба над водою, роспустила гілья;
Уберайся, дівчинонько; днесь твое весілья,
Гол., II, 784.

Ой шуміла ліщинонька, як ся розвивала;

Digitized by Google

вліяніем ассоціяцiи „лист (как шумящій=говорящій), слово, разум, мысль“ [1]) ведет к сочетанію:

Нестій, вербино, *роскидайся*;
Несиди, Марусю, *розмишляйся;*

Ой плакала дівчинонька, як ся оддавала,
Гол., II, 783.

Розвивайся, лозо, борзо а в чотире листи;
Як до тебе, моя мила, річку перебристи?
ib., 617.

Тополя, Гол., III, 255.

Нерозвивайся, сухий дубе... неженися, Чуб., V, 968; ср. ib., 158; Гол., III, 137; I, 243, 261; II, 755. По связи женидьбы со смертью „розвився бучок... загиб N“, Г., I, 55.

„Розвивайся луже“=сватай, Чуб., V, 115; противоположеніе „розвивайся... несподівайся“, ib., 429.

Сходно с этим „нехрестися барвіночку... неженися“, Гол. II, 434 (=нестелися, хрещатий барвінку).

[1]) К сказанному об этом сочетаніи в моей статьѣ О связи нѣкотор. представл., Фил. Зап. 1864, прибавлю еще слѣдующее. Сравненіе „*листя рясні — слова красні*“ (Гол., II, 763) предполагает сравненіе „*ряса́—краса*“, с коим сродно „*широкій лист — красота*“ („Широкий лист на калині (дѣвица), А ще ширший на дубочку“; „Широк листок на калині, Еще ширѣй на яворі“, Чуб., V, 218; Гол., II, 535), „*широкій лист — любовь* и *страданія от нея*“, Гол., II, 774; 365 („листочок широкий... люблять молодиці“);

Висока верба, висока верба
Широкий лист пускає;
Велика любов, тяжка розлука
Серденько зриває
(Гол., II, 255; ср. ib., 267).

Отсюда „лист опадає — милий покидає“ (гибнет любовь), „листочок ся стелит — милий ся женит“ (Гол., II, 349, 773[2]). Ср Цвіт опадає, Гол., I, 266, 281. Молодыя лѣта пропадают как опадает цвѣт (Гол. III, 337), как опавшія осенью, уносимыя вѣтром кленовыя листья (Чуб., IV, 410=Метл., 222; Латышскія п. у Спрогиса, 298, 1, и; Трейланд в Сб. Дашк., II, N 492, 594; Лермонтова „Дубовый листок...“; „літа завилися в кленовий лист“, Гол., II, 301; ср. ib., 781—2).

Лист — жит, Чуб., V, 9, 196; *лист — розум*, Гол., II, 832. *листонькив—мислоньки*, Чуб., IV, 118 (N 142).

Digitized by Google

Чим свого свекорка називать будеш?
(Метл., 159; Чуб., IV, 207).

Сочетаніе „дѣвица = верба, дѣвица = солнце, солнце=верба", данное в вышеприведенной лот. п. (стр. 153 примѣч.) и усматриваемое мною в болгарской (стр. 157) и сродных, мнѣ кажется заключено и в слѣдующей Пинской веснянкѣ, по началу примыкающей к пѣснѣ на стр. 158, прим.

Ой верба, верба, вербі*ста (-ца?)*,
Чого на море навісла? 2.
Под тую вербу сцежечка,
Туды (мі ?) ішла дівочка,
Да несла *золото* в приполі,
Да *розсыпала на мори.*
Кліче бацюхна з комори:
„Ходзі, бацюхно, зо мною,
„Зберим золото з тобою
„На шолкову ніточку,
„На серебрану йголочку!"
—Да немогу, дзецятко, немогу:
(І)з жалю ручок нездойму,
За слюзонькамі небачу! (Zieńk. 136—8).

Чтобы понять эту изящную пѣсню, нужно освоиться с традиціонным ходом мысли и способом выраженія. Так, чтобы понять, что запѣв этой пѣсни (ст. 1—3) есть не изображеніе обстановки, а символ, находящійся в болѣе внутренней связи с дальнѣйшим, нужно знать о существованіи поэтическаго пріема, состоящаго в превращеніи символа лица (его образа) в его обстановку (в миѳологіи образа в аттрибут, ср. стр. 9). Приведу примѣр этого, которым прійдется воспользоваться и ниже. Скрип хаты—горе хозяина:

Ой чого ти поскрипуєш, смерекова хато?
Нема добра в нашім селі, бо панів багато.
(W. z Ol., 188; Гол., II, 294).

Кто замѣтил, какое впечатлѣніе производит в вѣтер скрип

дерева, на пр. когда оно трется о другое, тот поймет естественность сравненія:

Заскрипіло деревцо йа у лугу стоячи;
Заплакала юдова свого сина годуючи,
Гильтебр., Пам. н. тв., 53.

Но в слѣдующем пѣсня *как бы* несравнивает плачущей дѣвицы и скрипящей липы, а сажает дѣвицу под эту липу:

Скрипіла липонька, скрипіла,
Під нев Марисенька сиділа,
Просплася в матінки и в вітця:
„Недайте мене за вдівця!“
(Гол., IV, 294).

Так и в приведенной веснянкѣ *верба,* под которою идет дѣвица, есть образ этой послѣдней. Значеніе этого образа здѣсь — формальное, служебное: он относит дальнѣйшее к болѣе общей категоріи поэтических образов, установляет связь частнаго и общаго, именно относит дальнѣйшій образ к категоріи веснянок, т. е. приурочивает его к положенію дѣвицы, у которой замужество еще в будущем, а не невѣсты, как ниже.

Главное содержаніе пѣсни относит ее к обширному и представляющему много подраздѣленій семейству славянских (русс., серб., болг. и др.) пѣсень на тему „милый лучше отца, матери, роду — племени“. Одно из подраздѣленій — „не отец и пр. спасет от опасности, выручит из бѣды, *поможет в трудной работѣ,* а милый“, т. е. не с отцом жить, а с милым. Одна из таких работ — *собиранье разсыпаннаго золота, бисера* и пр. Так в свад. п.:

Іде Маруся од вінця,
Сіе золото з рукавця,
За нею батенько ступою,
Збирае золото рукою.
„Мій ти батеньку, незбереш,
„А свої слёзоньки розуллеш

(Чуб., IV, 286; тоже к матери, ib., 298—9) [1]), т. е. не-

[1]) В бр. Єхала Агатка да венца,

соберешь, а еще болѣе разсыплешь, ибо *это золото — слёзы* (которыя утрет только милый):

„Ой матінко та голубочко!
Приснився мені сон дивненький:
З раю пташки вилітали,
Чорний шовк поснували,
Дрібне золото порозсипали!“
— З раю пташки, то — твої дружки,
Чорний шовк, то — твої кіски,
Дрібне золото, то — твої слёзки.

(Чуб., IV, 255).

„З суботонькі на недзіленьку
„Снівся мені (невѣстѣ) сон дівненькі:
„Сівы голубы да наленулі
„Білы жемчуг (вм. żemczur) розвернулі,
„Жыве золото розсыпалі.
— Да мое ж дзіцятко родне!
Малоумны розум маеш,
Що сёго сну незгадаеш.
Сівы голубы — сваты твое,
Білы жемчуг — коскі твое,
Жыве золото — слёзкі твое.

(Zieńkiew., Pios. gm. ludu Pinsk., 58).

Это — относительно-позднѣйшее примѣненіе образа первоначально неимѣвшаго никакого отношенія к слезам [1]),

---

Сыпала золата з рукавца.
Хто эта золата наберець,
Той мяне на вянец павядзець.
Пабярець золата меньши брат,
Павядзець на вянец больши сват

(Этн. Сб., III, 260).

[1]) Сравненія золота и слез еще нѣт в бр. свад.:
За варатамі трава мурава золатам насыпана:
Агатка ішла золата нясла, золата разсыпала,
За слёзкамі, за дробнымі, золата несабрала,
За жаласцяй, за вялікай, мамачкі непазнала.

Этн. Сб., III, 260.

Digitized by Google

как и сѣянье дѣвицей жемчуга и драгоцѣнных камней в болг. Лазарской п., примыкающей, подобно многим другим Лазарским, по размѣру 4+3 к первому разряду разсматриваемых здѣсь веснянок:

Шетала е мома-та,
Къдѣ-то е шетала,
Бѣли поли вѣяла,
Ран босилек сѣяла.
Не ся роди босилек,
Нъ ся роди маргарит
И безцѣно камене.
Надо'дохà златаре
Да си цѣнàт камене;
Не цѣнихà камене,
Нъ цѣнихà мома-та.
(Чолаков, Бълг. нар. сборник, 35).

Черты, коими изображена дѣвица здѣсь и выше, разсыпанье золота *на морѣ*, сѣянье жемчуга, уже встрѣчались выше: „Слала китайку (т. е. червону) [1]) по морю“ (стр. 138 сл.), „сіяла поле дрібнов жемчугов“ (стр. 136). Подобными чертами лот. пѣсня изображает солнце:

„Солнце заходит вечером, бросая (или „катая“) золотое яблоко; с утра, восходя оно (ж. р.) сѣет чистое серебро“, Трейланд в Сб. Дашк., II, N 85.

„Солнце сѣяло серебро на пнистом срубѣ (розчисти); посѣй, солнышко, и мою долю (часть этого серебра), хоть на краешкѣ пня“ (ib. N 67), как в другой п. (Спр. 311)

---

[1]) Ср. червоная корогов, стр. 50. *Червець*, символ дѣвства невѣсты, которая

Черчиком обсипана,
Калиною обтикана (свад.; ср. Чуб., IV, 449, 452).

В воскресенье вечером поют:

...Коробочку миши проїли,
Посипався черчик до долу;
Час вам приданки до дому!
Ми будем черчик збірати,
Та до світа будем гуляти, ib. 455.

Digitized by Google

дѣвица просит, чтобы солнце вьющее вѣнки, сидя на ивѣ, дало и ей вѣночек, ибо ей нужно ити замуж.

В мр. и болг. п. (стр. 160—3) образ солнца — дѣвицы, сѣющей золото, перенесен на дѣвицу — невѣсту, в чем и состоит, конечно, теперь утратившее смысл величанье послѣдней. Но и солнечная дѣва представляется, как мы видѣли, и вербою (между прочим вербою с золотою вѣткою или квіткою); поэтому можно бы ожидать встрѣтить представленіе солнца, или другого свѣтового явленія, деревом роняющим золото, жемчуг и т. п. Такое представленіе дѣйствительно есть и играет весьма важную роль в колядках. Во избѣжаніе новых и многочисленных отступленій, я до времени оставляю его в сторонѣ, возвращаясь к мотиву веснянок:

Собирать разсыпанное с милым.

В русальной п., послѣ запѣва (ст. 1—4: „Проводили русалочки...“), указывающаго на время, когда поется п. (на Зеленой недѣлѣ, когда „завивают вѣнки“, „прогоняют русалок“, т. е. ходят в лѣс и готовят там яичницу и др. кушанья):

...Перед варатьми далина,
Ой рана, рана, далина!
А в той далині калина,
Ой там Ганначка гуляла,
Жемчуг—намисты абарвала.
Ой туды їхав нелюбый,
(Ой) став з коника злезати,
Жемчуг—намисты збирати.
„Незседай нелюбый з коника
Не з табою (я) гуляла,
(Жемчуг) намисты парвала.

11—4=1—4; 15=5 ...миленький; 16—7=6—7; 18=8 Збирай (нужно бы „Ой зседай“); 19—20=9—10 З табою.

(Юриновка, Новг. сѣв. у. Черн. г., Черн. Губ. Вѣд. 1855, N 22=(с украинской фонетикой) Чуб., III, 189). Отноше-

Digitized by Google

ніе калины к дѣвицѣ такое же, как выше (стр. 160) вербы. Общій план пѣсни (нелюб — милый), как выше стр. 138 сл., 154. К этой веснянкѣ примыкает по размѣру сербо-хорв.:

Зелена мила дубрава,
По кој се лубе два драга;
Лубеħ jих најде шкура ноħ.
Aj почне се драга плакати,
Aj како ħе мајка лагати.
Почне jу jунак тишити:
„Лахко ħеш мајки лагати,
„Да ти се j' бисер потресал,
„Да си га брала летни дан.

(Mikuličić, N. pripov. i pjes. iz Hrv. primor., 153—4).

Вр. (Арханг. г,):

Во теремѣ дѣвица сидит,
Ожерельице жемчужное садит.
Разсыпала ожерельице
По всему высоку терему.
Несобрать, несобрать жемчужку
Ни батюшкѣ, ни матушкѣ,
Ни братцам, ясным соколам,
Ни сестрицам, бѣлым лебедям;
Соберет, соберет жемчуг
Удалый добрый молодец,
Со душой красной дѣвицей.

(П. Якушкин, Р. п., 177—8).

Соединеніе подобнаго мотива, заключавшаго в себѣ, вѣроятно, упоминаніе моря или озера (ср. выше „розсипала золото на морі") с другим, „перевоз через воду — брак" (дѣвицы неперевезет ни отец, ни мать . . . но милый)—в слѣд. сербской хороводной („у колу"):

Бисер Мара по језеру брала,
Према себе свога бабу звала:
„Дођи, бабо, и довези лађу
Да возимо бисер из језера!"

Но неотзывается отец, ни мать, брат, сестра; на конец

22

Digitized by Google

Дође драги и довезе лађу
И извезе из језера Мару, Кар., П., I, 201.

Слѣдующая, кромѣ общаго сходства мотива (разсыпанье жемчуга), и по размѣру (4+3) примыкает к болгар. „Шетала е (стр. 163). Дѣвица говорит:

... Дођ' довече, драгане!
Ја сам бисер просула,
Да поможеш купити
(v. Помози ми низати
И у киту китити).

Дальнѣйшіе стихи доказывают, что рѣчь о любви (Кар., П., I, 179—80; Пјес. из Херцег., 228). За позднѣйшее видоизмѣненіе считаю то, что в хорв. п. того же размѣра помогает собирать жемчуг подруга:

Спале, спале љубе две,
Прва ми се преспала,
Била јако жалостна.
„Љуба, кај си жалостна?"
—Как би неб'ла жалостна?
Гјунгјек сем ресипала.—
„Ниш небуди жалостна:
Бомо га скуп зебрале
На жнорицу низале,
Ж јим си надра кинчале
Пак јунаке љубиле.
(Plohl-Herdv., Hrv. n. p., 55).

Слѣд. болгарская представляет дѣвицу сидящею за обтерненной оградой, которой и птица неперелетит; черта, приближающая нас опять к мотиву: сокол похищает „дівоцькую красу" (стр. 116 сл.).

... Седнàла е малка мома...
... Дробен бисер (да) си нижи...
... Там поминà лудо младо...
„Мила момо, църнооко!
Бог да биет твой-те брате,
Што викнàхà майсторе-то
Та зидахà дворове-то;

Не им стига [1]), што зидахà:
От горе трънв кладохà
Да не пиле си пролете,
А не човек да помине.
Чин ми прелиз да поминà;
Яз при тебе да си дойдам,
Две те гердан [2]) да нижиме,
Дробен бисер и флорини.

(Миладин., 410—11).

Милый и разсыпает жемчуг.

Серб., размѣра 4 + 3 (см. выше):

Јунак мами дјевојку . . .
. . . Развија јој жут кавад [3])
И везену кошуљу,
Просу бисер на грлу.
Стаде злато плакати,
Млад је јунак тјешити:
. . . Ја ћу бисер низати
С тобом, душо, и са мном

(Кар., П., I, 439; ср. Верковић, Н. п. Макед. Буг., 220). Эта „шкода“ и утѣшенье соотвѣтствует русс. свад. пѣснѣ, разсмотрѣнной в одном отношенiи выше (стр. 8), а еще болѣе слѣдующей:

Сокол просыпает жемчуг.

Свадебная. Как сидѣла я во теремѣ
И низала-ли жемчужинки
(v. Я низала себѣ шапочку
Я по алому бархату) . . .
Не отколь взялся ясен сокол,
Он взмахнул правым крылышком,
Он задѣл им за тарелочку,
За тарелочку серебряну,
Он просыпал всѣ жемчужинки.
Как расплакалася дѣвица
Стоючи перед батюшкой . . .

---

[1]) Мало им того, что . . ., [2]) Ожерелье. [3]) Платок.

Digitized by Google

„Ты неплачь-ко мое дитятко:
Созову я князей бояр,
Подберут твои жемчужинки
До единого зернышка.
(Гуляев, Этн. оч. юж. Сиб., 12; Сах., Ск. Р. н., кн. 3, 139).

Сокол похищает разсыпанный жемчуг.

Если вышеприведенная болг. п. (стр. 166—7) о дѣвицѣ в обтерненной оградѣ, которой и птицѣ неперелетѣть, и о молодцѣ, который просит сдѣлать ему перелаз, этими чертами напоминала мр. и поль. свадебную

U nasy pani (невѣсты) gęsty sad,
Nie przeleci tam zoden ptak,
Tylko jeden . . . (жених)
(Kozł., Lud, 38—9; Гол., IV, 303, 398),

то слѣдующая сербская и по размѣру тождественна с этою свадебною:

Скочила скоком јабука,
Удрила граду у врата,
Просу се бисер из града.
Сави се [1]) тица соколе,
Покупи бисер под перја,
Стаде ми лећет' узгора [2]).
Виђоше младе ђевојке,
Фатише сивог' сокола,
Отеше бисер из перја.
Прокле их сиви соколе:
„ђевојке, среће немале!
„Доцна [3]) се ви поудале!
„Ни једна момка нестекла,
„Но стара, али удовца!"
(Кар., П. из Херцег., 260).

Подробное отнесеніе всего этого к тому или другому явленію природы, скорѣе всего к восходу или закату солнца, считаю затруднительным; но думаю, что только миѳологическое преданіе могло повести к столь странному сочета-

[1]) Слетѣв. [2]) = Ӳзгори, вверх. [3]) Поздно.

Digitized by Google

нію черт. Катящееся яблоко, ударом раскрывающее ворота города, из коего разсыпается жемчуг, по видимому, может быть только солнце [1]). Что бы ни изображал собою сокол—молодец, во всяком случаѣ здѣсь такое же примѣненіе миѳа к весняночному антагонизму дѣвиц и молодцов, как в вышеразсмотрѣнной веснянкѣ

Дівки... терем будовали
Ой щоб невилітав сивий соколонько,
Ой щоб невиносив дівоцькоі краси.

Погоню за соколом мы видѣли выше в Индійском и Скандинавском миѳѣ; но „дѣвья красота" здѣсь не мед — роса, а свѣт. На сколько глубоко в древность идет внѣ почвы славянскаго преданія это видоизмѣненіе миѳа, пусть остается вопросом; в славянских пѣснях мы еще встрѣтимся с таким же или подобным.

Здѣсь пополню пропуск. Сочетаніе „отворять ворота" (болг. „отвори порти" и жемчуг, стр. 56, 48—53), Сокол и дѣвья красота (стр. 122 и 136) встрѣчается в Ю. Италіи. В Giambattista Basile, Pentamenoul, übertr. v. F. Liebrecht, I, 152, упомянута слѣдующая игра (ib. 402). Играющіе взявшись за руки образуют круг, внутри коего один, „сокол" (farcone) поет:

Aprite, aprite porte
A povero farcone,
или
Apere le porte
Ca farcone vole 'ntrare.

При этом пляшущіе кругом поднимают руки (дѣлают ворота) и поют:

Le porte stanno aperte,
Si farcone vole entrare

---

[1]) См. выше стр. 58—61, а также слѣд. веснянку:
Котилось яблучко з гори до долу;
Час вам дівочки з гуляння до дому
(Чуб., III, 131).

Digitized by Google

(Ворота отворены,
Сокол может войти).

„Сокол“ старается проскочить в „ворота“. Если ему это неудалось, он остается в кругу и игра начинается снова. „Entrare“ войти, а не „uscire“ выйти, показывает, что первоначально сокол находился внѣ круга, за воротами. С этим ср. в сказкѣ (ib. 136) обращеніе к (мнимой) красавицѣ; по началу сходное с дѣтской пѣсней в дождь (ib. II, 253): „выйди, выйди, солнце! обогрѣй меня, царица, покажи свои прелести... отвори двери бѣдному соколу“. В ск. (ib. II, 197=la belle au bois dormaut, Dornvose, ib. I, XV) сокол садится на окно замка спящей красавицы Таліи, вслѣд за ним проникает его господин и „срывает там плоды любви“.

Возвращаюсь к веснянкѣ „вербовая дощечка“ (стр. 152). Ассоціяція этого мотива с

Покочу я золото, золото,
А ви, хлопці, в болото и пр.

есть внѣшняя, необразующая художественнаго единства. Кромѣ тождества размѣра, она основана на том, что как ходящая по дощечкѣ, так и катящая золотой перстень, есть солнце (стр. 68 сл.) и вмѣстѣ дѣвица. В „Покочу я и пр.“ она еще смотрит с презрѣніем на всѣх хлопцев без разбора; но могла быть веснянка того же размѣра, в которой катящая золотой перстень могла быть представлена так, как верба в „Ой вербо...“ (стр. 154), именно различающею между милым и нелюбом. Как бы ни было, сходный образ есть в веснянках двух других размѣров, кромѣ тѣх (4+3; 5+3), на которые до сих пор приходилось обращать вниманіе:

а) Чуб., III, 141—2; ср. Zieńkiew., 202. Размѣр $^2[^2(6)+^2(6$ до 8-и$)]$.

1 Ой нерости, кропе, 2. високо та й у городі; 2.
Ой неходи, старий 2. коло моїй хати, 2.

Ой нетопчи старий кудрявоï мъяти.
Я того старого од роду нелюбила,
По його слідочку каменем да покотила:
Ой як тяжко-важко каменю да покотитися,
А ще тяжче-важче старому да женитися.

8=1 ... поростi; 9=2 походи молоденький; 10 =3 ... потопчи м.; 11=4 ... молодого ... полюбила; 12=5 ... *персником* (v. *яблочком)*.

Ой як легесенько перснику да котитися,
А ще й легше, легше молодому да женитися.

Укроп, раз посѣянный на огородѣ, сам сѣется и почти уже не выводится и заполонил бы все, если бы его не выпалывать. Отсюда это образ немилаго, надоѣдливаго. В этом смыслѣ, как ироническое изображеніе, как насмѣшка, он пара ромену (дикой ромашкѣ, мой Разб. П. Головац. 31) в веснянкѣ (или купальской?):

Окріп та ромен; Петречко умер!
Біжіте, дзвоніте, Настеньці скажіте.
Настенька біжить, серденько болить:
„Петречку серденько; невмірай раненько!“

(В. Пасек, Оч. Росс., I, 98; ср. также Костомар. в Бесѣдѣ 1872, VI, 35).

Камінь, т. е. млиновий, мельничный жернов, как представленіе горя, несчастнаго супружества—Гол. III 241.

б) Ой високо клен-дерево мае...

(Метл., 115). При помощи опущеній легко возстановляется строгій размѣр 4+6. Что это веснянка, видно нетолько из содержанія, сходнаго с а), но и из того, что пѣсня с таким же началом у В. Пасека, Оч. Р., 178, названа веснянкой.

Digitized by Google

6. Горѣть, горю-дуб и пр.

Нѣкоторые вар. вышеразсмотрѣнной п. „Вербовая дощечка“ говорят о пылающей дубровѣ и ея гашеньѣ, что вызывает слѣдующее отступленіе, направленное к объясненію этого и других сродных весняночных мотивов.

Огонь — любовь. Н. И. Костомаров говорит: „общее в поэзіи других народов сравненіе любовнаго чувства с жаром, пламенем, почти чуждо малорусской поэзіи, если из области ея выбросить пѣсни недавно заимствованныя“, почти, т. к. исключеніе составляет только игра в „горю-дуба“ (Истор. знач. ю.-р. пѣс. творч., Бес. 1872, IV, 64). Я же и теперь, как прежде (мое соч. О нѣкотор. симв., Харьк. 1860, 24), думаю, что малорусс. н. поэзія в этом отношеніи несоставляет исключенія.

Как вр. пословица „любовь не пожар, а загорится, непотушить“, которой нѣт повода считать заимствованной, так и мр.

Ти не пожар, 2. а я не билина;
Незводь мене из розума, бо я сиротина

(Максимович, Собр. соч., II, 511), предполагает положительное сравненіе: „любовь — пожар“. Ср. вр. „пожар неярко горит=муж (нелюбит и потому) небьет:

Ах, что этот за пожар? Он неярко горит,
Он неярко горит, только смахивает [1]);
Ах, что это за муж? молоду жену небьет...
(Терещ., IV, 324).

Коли палиш сіни й хату, пали й обороги;
Коли идеш до дівчини, непитай дороги.
Коли палиш сіни й хату, пали-ж и оденки;
Коли идеш до дівчини, непитайся неньки

(Гол., III, 362), т. е. „коли любиш, люби дуже“. Невполнѣ ясно, хотя несомнѣнно относится сюда же, слѣд.:

Запалю я крайну хату на всі штирі кути;
Сам незнаю, куди маю конём повернути.
Навернув бим горі селом, та немаю д'кому;

---

[1]) Т. е. *всмахивает*=вспахивает, мр. поломня *паше*.

Digitized by Google

Та неверну долі селом д'закоханю мому.

(Гол., IV, 448).

Горит (кипит) = *болит* сердце по ком; *жар* = *жаль* (от любви и вообще).

Вр. Не огонь горит, не смола кипит,
А кипит-горит ретиво серце,
Не по батюшкѣ, не ио матушкѣ,
А кипит-горит по красной дѣвушкѣ,

(Терещ., IV, 325).

Коломию запалили, Коломия горит;
Тако й мене за миленьков головонька болит.
Вигоріла Коломия, лишилися ильми;
Ой любко ма солоденька, то-ж за тобов жиль ми

(Žeg., P., II, 195; ср. Гол., II, 248, 776; IV, 463).

Вигоріла Коломия, вигоріли Кути;
Ой ми би се *поженили* (sic, вм. *не*-) коби не рекрути,

а при этом зачѣм и любовь и брак?

На що мені женитися, на що мені долі,
Коли мені в Коломиї карабин на столі?

(Гол., II, 378; ср. ib., 379).

На представленіи любви (желанья) огнем основаны нѣкоторые заговоры („присушки") и любовныя чары (мои соч. О нѣкр. симв., 32—3; Мр. п. по сп. XVI в., 21). Кипѣнье горшка [1]) с чарами производит в привораживаемом тревогу („Ой став корінь кипіти, став ся милий журити . . ." см. в моем Разб. п. Голов., 18 сл.), жар, жажду, несет его по воздуху, при чем он кричит *пить, пить* (Квітки, Конотопська відьма; Rulikowski, Opis pow. wasylkow., 165; Кулиш, З. о Ю. Р., II, 39). Отсюда видно, что представленія любви огнем и жаждою сродны. Отсюда связь между „подай пити" и „горе" (см. *канючить* в моем соч. К ист. зв., III, 19—20). Орел кричит „*пить*",

[1]) Сходное представленіе горя в серб.: „жена мужа коротуje (=жали) коликоври земљана пиһата (=глиняный горшок), кад се с огња дигне", Кар., Посл., 80.

Digitized by Google

а потому и с опущеніем этой черты его полет—образ горя (см. ib.). Тоже без объективных основаній перенесено на ворона в слѣдующей некрасивой, но довольно сложной по происхожденію пѣснѣ:

Летит ворон з чужих сторон, та крильцями фай, фай!
Як піду я з сего села, комусь буде жаль, жаль.
Летит ворон з чужих сторон, а він *неголоден*;
Ой тот буде жаловати, хто мене негоден.

(Гол., II, 358). *Фай=жаль* предполагает нижеприводимую ассоціацію *жаль=жар*; но кромѣ этого „неголоден" предполагает, что и в первом двустишіи подавлена мысль о чем-то подобном, именно я думаю, смутное воспоминаніе о „подай море пити".

Кто подает пить, утолит любовное страданье, утѣшит

Ой вийду я на улицю — солома горить;
Сюди гляну, туди гляну, — дівчина біжить.
Нехай біжить, хоть небіжить, я *води недам*:
Иди собі, дівчинонько, під зелений гай

(Чуб., III, 153). Относительно „солома" ср.:

Ой поїхав мій миленький до Львова, до Львова,
Та згоріло серце мое, як житна солома
(Гол., II, 345).

Ой учера из вечера солома горіла,
Прийди, прийди, мій миленький, бо-м ся розболіла,
А на яку розболочку? та на головочку;
Прийди, прийди, мій миленький, хоть на годиночку
(Гол., II, 322).

Сеї ночи о півночи солома горіла;
Як ем любку поціловав, аж ся розболіла
(ib., 282).

Солома палае—дивчина вмирае, Чуб., III, 134, 138.
Полонина горіла—N ся розболіла, Г., II, 437.

Ой татуню мій миленький, татуню соколе!
Недай мене в темні гори, дай мня в чисте поле:
Волію я в чистім полі соломов палити,
А ніж маю в темних горах світонька незріти

(Гол., II, 777[2]; *палити*—топить в печи, как образ печали

Digitized by Google

(см. ниже)? или же, м. б. *палати*, или стар. *політи* = ц.-сл. ст.-русс. *польти*, пылать как солома=горевать?).

Словац.: Videla som v lese ohňom sosnu horet;
Može teba za mnom srdce bolet
(Sbor. Mat. Slov., II, 75).

„*Негорить—нелюбить*", в связи с чѣм „*курить—дурить*":

Зеленая ліщинонька негорит, ай курит;
Молодая дівчинонька нелюбит, ай дурит

(Гол., II, 809; люльку курит — дурит, Гол., I, 123).

Зеленая ліщинонька, лиш ся припалила;
Наша любов непропала, лиш ся притаїла
(ib., 810).

Это послѣднее, под вліяніем сочетанія, в родѣ „калина несніе=козак любить, заняти несміє", видоизмѣняется так:

Ще калина непристигла, лише попаліла;
Наша любва непропала, лиш ся притаїла
(Гол., II, 322).—

Єщем *в печі ненаклала*, а уже *ся курно;*
Я нікого *нелюбила*, люде *брешут дурно*,
(Гол., II, 820) =

Єще-м огня ненаклала, тріски ся имили;
Єще-м любка нелюбила, сусідки вчинили,

т. е. оклеветали (Гол., II, 417; III, 378).

Жар — жаль, откуда *куриться — журиться, димно — дивно* (в смыслѣ „печально"), мое соч. О нѣкр. симв., 24 — 5, 58; Гол., II, 283, 358; IV, 464). „Ватерка ся курит — дівчина ся журит", Гол., II, 361. „Гора куриться, дівка журиться", Гол., III, 399.

Сырыя дрова—горькій дым=горе:

Ой *закурила*, затопила сирими дровами;
Нема-ж мого Абазина з чорними бровами;

(Гол., I, 12; ср. ib., IV, 468), т. е. горе—от отсутствія милаго.

Сирові дирва—гіркий дим;
Оженив бим ся, нема с ким
(Гол., II, 235; IV, 518) =
=Сирова дрва, жугак дим;

Digitized by Google

Спала би, рожа, нймам с ким,
(Kurelac Jačke, 7).

Нѣт дыму — нѣт горя, именно там, гдѣ живет милый:

Горове, горове! то по вас дымове,
Лем там дыму нес, де мой милый жіє
(Гол., IV, 519),

в том смыслѣ как в вост. мр.

„Тіляи мені веселенько, де мое серденько!“

Дуброва горит. Здѣсь встрѣчаются двѣ различныя точки зрѣнія.

Во 1-х, „куриться=журиться“ противополагается горѣнью, при чем *горѣть—жить* (в счастьи, в добрѣ), быть засватанной, быть замужем, работать:

Осичино-березино, чом *негориш*, тільки *куришся?*
Молодая дівчинонько, чом *неживеш*, тільки *журишся?*
—Коли б же я підпалена, то-б горіла, некурилася;
Коли б мені добра мати, то-б я жила, нежурилася

(Чуб., V, 548; „добра мати“: м. б. добро́ мати; = Шейн Бр., 257, гдѣ ст. 1=1 Зелёная дубровонька; 2=2 ... удовонька; 4=4 .., *добро было)*. В моем вар. ст. 4:

—Коли б же я *засватана*, неплакала б и пр.

Ой зелена дубровонько, чом негориш, але куришся?
Ой молода дівчинонько, чом неробиш, але журишся?
Ой як би я *суха була*, горіла бим, некурилася;
Ой як би я мужа мала, робила бим, нежурилася
(Гол., I, 278).

Таким образом „діброва (суха) підпалена=дівка засватана“.

Во 2-х, упомянутаго противоположенія *еще* нѣт, а *горѣть*—болѣть за кѣм, как у Островскаго:

Бастрюков. Тужить недумал, довелось тужить.
Дубровин. За что, про что сыр бор горит?
Бастр. За дѣвку.

Согласно с этим в моем соч. О нѣкотор. симв. 10—11 и у Н. И. Костом. Истор. зн. и пр. Бес. 1872, IV, 64, объясняется весенняя игра *„в горѣлки“*, пск. *огарыши*, мр. в *горю-дуба* (Терещ., Б. Р. н., IV, 28, 316; Максимович, Собр. соч., II, 510; Чуб., III, 93, 101; Костом. l. c.).

Digitized by Google

В мр. игрѣ горящая, изображающая паробка, говорит: „горю, *горю* дуб (v. пень)!“—*чого-ж* ти гориш? „красноï *панни*“ и пр. В этом выраженіи („горю дуб“) именительный *дуб* может разсматриваться как предикативный, входящій в состав сказуемаго (мое соч. Из запис. по русс. грам., II, 73). Сочетаніе такого падежа с глаголами, кромѣ означающих вещественное и идеальное возникновеніе, чрезвычайно архаично [1]). Отсюда, как сложное имя—„в *горюдуба* гратись“. Этой послѣдней формы неслѣдует смѣшивать с родительным образа дѣйствія в поль. *stać dęba*, мр. „*горічерева* плисти“, „най я ся вхоплю (за сани), *гайдука* стану“ (коляд.). Родительный дополненія „красноï панни“ показывает, что *горю* по значенію отнесено ко глаголам желанія, как хотіти, бажати и т. п. Игра предполагает горящій дуб (стар. *дуб* дерево вообще) как образ любви, желанія. В сродном значеніи печали или заботы и в примѣненіи к дѣвицѣ мы встрѣтили этот образ в веснянкѣ (стр. 139):

Ой горе, горе сухий дубе,
Паше полобня через води,

гдѣ подлежащее—в формѣ звательнаго, а *горе* не сущ. ср. р., а 3-е лицо настоящ. вр., как в поль. „ogień gore“; „gwałtu! gore!“ и пр. (Linde, gorzeć). Такое толкованіе согласно и с началом вар. этой веснянки, записаннаго мною от женщины из с. Рубіжні Волочан. у.:

Ой сухий дубе, гориш дуже,
Паше поломъя через воду, 2
Ой через воду на слободу, 2
Де Катерина біль білила, 2
А біль білила, шиття шила 2
Й а к тому шиттю говорила: 2
„Ой шиття мое, білесеньке! 2

---

[1]) Примѣров мало: „старцем (дат. мн.)... *лежю притъча* къ наказанію“, Калайд., Пам. р. слов. XII в., 46; Неубойтесь вы родители: Не *огонь иду*, не ббожгу, Не *змъя плыву*, неоклюю, Барс., Прич., 56.

Digitized by Google

„Ой як я пійду за милого, 2
„То виперу тебе в Дунаєчку, 2
10 „Висушу тебе на сонечку, 2
„Скачаю тебе на столичку, 2
„Сховаю тебе у скринечку“. 2

Ст. 13—8 = 1—6.

19 „Ой шиття моє тонке біле! 2
„Ой як я пійду за нелюба, 2
„То виперу тебе в калюжищі, 2
„Висушу тебе у димнищі 2
„Та скачаю тебе на землищі, 2
„Сховаю тебе у боднищі“ [1]).

Этот горящій сухой дуб, кромѣ ближайшаго символическаго значенія, может быть сближен с обрядным „дубом“, т. е. высокою жердью с прикрѣпленным на верху колесом (=солнце), которая мѣстами называется именно *сухим дубом* (Максимович, Собр. соч., II, 507).

Гасить — утѣшать.

Вр. „Уж как *жарко* в теремѣ *свѣчи горят.*
Уж как *горько плачет* свѣт Аннушка,
Унимает ее родной батюшка
(Сах., Ск. Р. н., ч. 3, 143).

Т. о. свѣча горит—страдает. В силу такого представленія, в серб. о свѣчѣ горѣвшей на „крсно име“, вм. *угаси*, говорится *ућеши, обесели* свиjeћу [2]), как и в вр. *засмирить* (и закротить) свѣчу перед образом — потушить. Сходно с этим в болг. п. головня гаснет = горе забывается. Мать на вопрос сына, попавшаго в неволю, жалѣет ли она его, отвѣчает (разм. 5 + 3):

Жалим те, сину, нежаля́,
Яз ке те скоро прижаля́:
Кога ке гламня [от вогень] изгасне,
Тогай ке те яз прижаля́
(Верковић, Н. п. Макед. Буг., 239).

---

[1]) *Бо́дня*, липовка.
[2]) Ср. серб. „загасити ране“, Кар., П., II, 218.

Digitized by Google

Так как „горка горіць калінка = жалка плачиць N (дѣвица, Этн. Сб., III, 186), то гасить калину = утѣшать дѣвицу. Бр. *свадеб.*, того же весняночнаго размѣра 5 + 3:

За(v. раз)гарелася калінка,
(Ды) в цёмным лузе стоячи,
Дробные іскаркі ронючи.
(Да) гасів (v. тушыв) ветрик, нівгасів,
Па полі іскаркі разнасів.
„Ой гари, калінка, нігари,
„(Я) болей гасіць нябуду.
„Я ж цябе, калінка, півтушу,
„[Толька] болей іскаркі разнашу;
„Угасіць цябе дробный дощ,
С под цёмной хмары ідучи.

—

Расплакалася дзевачка,
Піряд татульком стаючи.
Унімав татулька, ніуняв,
Болей жаласці ей задав.
(Ой) плач, дзевачка, (чи) ніплач,
Болей унімаці нябуду.
Унімя цябе чужына,
Ўся малайцова радзіна:
З левага боку татарин,
С правага боку татарка;
З левага боку малойчик,
С правага боку сваціца
(Ды) малайцова сястрица

(Гильтебр., 274—5; Этн. Сб., 226—7; мною приведено с небольшими поправками). Сравненіе невполнѣ выдержано, т. к. луг = батько (как в мр. „темного лугу калина = доброго батька дитина) но он же и вѣтер.

В силу уже упомянутаго выше (стр. 161) пріёма (субстанціяціи образа, его обособленія, отдѣленія от обозначаемаго, представленія его обстановкой обозначаемаго), можно бы ожидать перехода образа, заключеннаго в этой пѣснѣ, в такой: под горящею калиной сидит дѣвица и

Digitized by Google

плачет. Именно такого образа ненахожу, но есть сходный в извѣстной п. „Ой вийду я на шпилёчок = Ой зійду я па могилу“.

Долина глибока, а *калина* висока,
Аж до землі *віти гнуться*.
А під тою калиною...
Стояла *дівчина, плакала—ридала,*
Аж по личку слёзи льлються.

Эти соображенія объясняют ближайшій символическій смысл слѣдующей пѣсни, широко распространенной и обыкновенно, не без основанія, считаемой весьма древнею (разм. 5 + 3):

А. *Хорватская* (Kurelac, Jake, 295).

Зелена липа горӣла,
Под ньом је мила сӣдила,
Искре су на њу падале,
Да су све птице плакале.

Из стихов, идущих в слѣд за этими, видно, что рѣчь— о невѣстѣ, которая плачет, п. ч. ее отдают далеко замуж:

Кад су се по њу возили (т. е. сваты),
Зуз пут су туње (=дуње) садили;
Кад су се назад возили,
Зреле су туње тргали,

ибо из такой далекой стороны были сваты (см. стр. 20—1). Далѣе:

Невӣста се је плакала,
А залва ју је толила:
„Неплачи се ти, невӣста!
„Три крат сам дале пељана,
„Још се нис' тако плакала“.

Очевидно, „липа = невӣста“, „горӣла=плакала“, при чем можно бы ожидать „толила“ (=утѣшала)=гасила.

Б. *Чешск., морав., словен.* (Suš., Mor. p., 641; Erb., P., 476):

Hořela lipa, hořela,
Panenka pod ňo seděla,
Jiskerky na ňu padaly,

Digitized by Google

Mládenci o ňu plakali,
Jenom ten jeden neplakal,
Co jí prstenky posmekal.

„Mládenci“, т. е. холостые; кто поснимал прстни, тот жених, о коем в другом вар.: ...neplakal,

Kery jiskerky polapal,

т. е. охранял, утѣшал.

В. *Польская*:

Gorzała lipka, gorzała,
Dziewcyna pod nią lezała,
Iskierki na nie padały,
Bez kośulke je parzały.
Jasiowi (=жениху) je było zal,
Az je chustecką przyodział

(Kolberg, Lud, I, Sandomir., 128; Roger, Pieś. l. w Górn. Szląsku, 90, гдѣ и вар.:

Zgorzała lipka i korzeń;
Tyś mnie, syneczku, niegodzien...
Moja szateczka ze złota,
Toś (ty-ś?) mi ją (w)deptał do błota.

„Syneczek“—молодец, жених. Противоположеніе „золото—болото“ (дѣвство — замужество) см. выше (153) в веснянкѣ.

Pod borem sośnia stajała
A pod nium panna gorzała
Iskry na nią padały,
Suknia na niej gorzała
(Или: Stoi panna pod brzozą,
Skwirki na nium padają
Sukni na nium gorzeją)
Przyjechał do niej młody pan,
Zarzuciul na nią swój zupan:
Siadaj, panno, koń gotowy...

(Kozłowski, Lud, 59—9). Самим поющим было понятно, что спаситель есть и увозчик. Поэтому к этому мотиву присоединен свадебный того же размѣра (в ст. 1—2) и значенія:

U nasy pani gęsty sod,

Digitized by Google

Nieprzeleci tom zoden ptok,
Tylko jedęn malusieńki
Do nasy-to Kasiuleńki
na obiod,

о которомъ выше, стр. 120.

В другом вар к дѣвицѣ под горящею сосною приѣхал „stary pon,
I rzucił na nium swój zupon.

Это означало сватовство, или предложеніе любви, ибо дѣвица отвѣчала:

Niedom ci wionyszka,
Bo-m młoda dziweczka,
ty-ś stary.
Przyjechał do ni młodzieniec
I prosił ci jom o wieniec.
—Wisi ich hajno sześć,
Wybieraj że, chtórny chcesz,
boś młody

(Kolb., Lud, III, Kujawy, 277; ср. 294—5).

Г. Из мр. веснянок ближе всѣх к предыдущим угорско-русская, по видимому, предполагающая сходную словенскую.

Червена ружа горіла, горіла,
Пôд нев біла діва сиділа, сиділа,
В решеті воду носила, носила
[И] червену ружу гасила, гасила.
Кôлько в решеті водиці, водиці
Тôлько в милоï правдиці, правдиці
(Гол., IV, 187.

Повтореніе послѣдняго трехсложнаго метра считаю здѣсь и в других случаях болѣе первообразным, чѣм размѣр 5 + 3 без такого повторенія [1]).

---

[1]) Горіло поле, горіло,
А я ж молода тушила, 2.
Решетом воду носила.
Скилько в решеті водиці

Digitized by Google

Ближайшее значеніе этого образа, именно, что „в милоі“ „не вся щира правда“, видно из сочетанія сходнаго образа с другим: горе милаго, взятаго в рекруты, изображено разливом; а равнодушіе милой тѣм, что она при этом стоит на берегу и заботится о своей безопасности; непосредственно вслѣд за этим мотив другого размѣра:

„Де ти тогди, мила, стояла,
„Коли дубровонька палала?
—Я в решеті воду носила
И нёв дубровоньку гасила

(Гол., III, 390; мой Разб. пѣс. Головац., 86—8). Эти стихи взяты из веснянки размѣра 5+3 и присоединены к пѣснѣ размѣра 4+4 („Де ти мила пробувала“ или „Десь ти мила пробывала, Коли вода луги брала“) только по сходству значенія образов разлива и пожара. Слѣд размѣра 5+3+3 виден и в слѣдующей коломыйкѣ (разм. 8+6) такого же значенія:

„Бо що же ти дівчинонько гадала, гадала,
„Та як тота Коломыя палала, палала?
—Я гадала, мій миленький, гасити, гасити,
Та немогла я що найти, щоб воду носити
(Гол., II, 248).

Как в одном семействѣ пѣсень (мр., бр., серб., болг. и др.) молодец ставится в извѣстное положеніе (его убивает стрѣла, камень и т. п.), чтобы показать превосходство материнской любви над любовью сестры и жены, или—силу любви милой [1]); так в веснянкѣ (=купальской) ставятся

Стилько в дівчаток правдиці;
Скилько в решеті дірочок,
Стилько хлопцям болячок (Чуб., III, 162).

[1]) В комическом свѣтѣ изображается отношеніе дѣвицы к молодцу в слѣдующей купальской п., пародіи неизвѣстнаго первообраза:

Летіло полело (?) через наше село,
Стало спочивати на Йванковій хаті.
Иванова хата запалилася,
Йванові голова засмалилася,

Digitized by Google

в опасное положеніе отец, мать и будущіе свекор и свекровь, чтобы показать как различно относится к ним дѣвица:

(Да) загоревся щиры бор,
А у том бару татка мой
Мы найдзём бор тушиці,
Ушатам ваду насіці.

Далѣе для матери носят кадками, но для свекра рѣшетом, для свекрови чепцом (Шейн, Бр. п, 165, N 256; пѣвица соединила в одну пѣсню двѣ различныя, по сходству образов). Болѣе древнее значеніе образа (горящая дуброва, калина, липа, сосна, поле = дѣвица), выше затемненное примѣненіем к отцу (бор, как мр. луг = отец), а еще болѣе к матери и свекрови, находим в слѣдующих веснянках:

А. „Де ви, парубоньки, бували, бували,
„Як сі (v. ті) дубрівоньки *палали*? 2.
— Ой, а ми дуброви *гасили*, 2.
Решетом воду *носили*, 2.
(„Кілько в решеті *водиці*, 2.
„Тілько в парубках *правдиці* 2.)

7—9 = 1—3 ... паняночки ...; 10 = 4, Цебрами (коновками); 11 = 5 ... в цебрику ...; 12 = 6 ... в панянках (сводный варіант из Голов., II, 179—80, 183 и нижеуказанных).

В этом видѣ пѣсня дает тот смысл, что к горю дѣвиц (или, м. б., к их любви) лишь сами они относятся искренно, а паробки — равнодушно. Я думаю, что этим противоположеніем исчерпывалась болѣе древняя пѣсня и что за позднѣйшую амплификацію, предполагающую забвеніе основного значенія образа, слѣдует считать то, что в вар. у Гол. II 180 старыя бабы тушат дуброву чепцами, дѣды - капелюхами (sic вм. рѣшетами).

Б. Ішла дівонька *через бур* 2.
На юй суконька *в девять пул*, 2.

А Павлинка з радощами
Носить воду пригорщами (Чуб., III, 205).

Стала суконька *сяяти*, 2.
(v. сіяти, маяти, шастіти, бр. шамреці).
Стала дуброва *палати*. 2.
(v. горіти, бр. гареці).

Такое начало, разумѣется, кромѣ звуковых измѣненій, можно считать общим для нѣскольких варіантов. Мн. ч. „ішли дівоньки ... на них суконьки", в виду предполагаемой миѳической основы образа, считаю позднѣйшим. Здѣсь, как и во многих других случаях, — раздвоеніе одного и того же явленія на дѣвицу, зажигающую дуброву сіяніем своей одежды, и на зажигаемую дуброву.

За тѣм нѣкоторые вар. продолжают сходно с вар. А:

Ідіт, парубки, *гасити*, 2.
Решетом воду *носити*, 2.
Скільки в решеті и пр.
... Ідіт. дівочки, гасити,
Кубочком и пр.

(Костомар., Истор. Зн. и пр., Бес. 1872, IV, 65; Чуб., III, 36—7; свадебная ib. IV, 425; Шейн, Бр., 165, N 256, гдѣ амплификація: „жоночки ... чепцами").

В одном вар. слѣдуют стихи:

Стали дівоньки гасити,
Вінками воду носитн.
Як *у віночку роса* есть,
Так у дівоньки правда есть

(Ю. Крачковскій, Быт зап.-русс. селянина, 132, Чт. в Об. Ист. и Древ. 1873, IV). Этот вар. возвращает нас к вышеразсмотрѣнной (стр. 111 сл.) ассоціаціи *роса — дѣвичья краса*, с тою разницею, что вмѣсто косы здѣсь вѣнок, принадлежность дѣвицы и представляемой дѣвицею богини (зори? восходящаго, заходящаго солнца? ср. стр. 109). Этот мр. вар. подтверждается словенскою (Шариш. комит.?) купальскою п., которую я могу привести с незначительными поправками лишь по испорченной транскрипціи, Терещ., Б. р. н., V, 62:

Червены погар гори
С червеными ягодами.

Digitized by Google

А кто же го гасиць будзе,
Кедь там паробков небудзе?
Красне дѣвочки го гася,
В вѣночках воду нося:
Кело в тым вѣночку воды,
Тело в дѣвочце цноты
9—11=1—3; 12=4 ...дѣвочек...
Красни паробци го гася,
В покретках воду нося:
Кело в тей покретце воды,
Тело в паробках свободы.

Выше (стр. 153) упомянуто, что мотив

Вербовая дощечка, дощечка,
Ходит по ней *Настечка*, 2
На всі боки леліє и пр.

сочетается с мотивом „дуброва горит", так что продолженіем только что указанной пѣсни служит

Гдесь, Настечко, *бувала* 2.
Як дуброва *палала*? 2.
Решетом воду *носила*, 2.
Дубровочку *гасила*. 2.
Кілько в решеті *водиці*, 2.
Тілько в хлопців *правдиці*; 2.
Кілько в ситі *дірочок*, 2.
Тілько в хлопців *болячок* 2.

(Гол., IV, 160).

Здѣсь в 3-м и 5-м стихѣ „решетом", „в решеті" нарушает размѣр 4+3+3. При том, если дѣвица решетом воду носила, то, значит, она нехотѣла гасить дубровы (см. стр. 182), в ней, а не в хлопцах, нѣт правды. Это противорѣчіе и в вар. у Голов. II, 684. Болѣе первообразным кажется вар. у Шейковскаго, Быт Подолян, I, 15 (=Чуб., III, 81; ср. Метл., 297—8).

[А] вербовая *дощечка*, 2.
Там ходила *Настечка*, 2.
[Та] цебром воду *носила*, 2.
Дібровоньку *гасила*. 2.

Digitized by Google

Кілько в цебрі *водиці*, 2.
Тілько дівкам *правдиці*; 2.

(т. е. много)

Кілько в цебрі *дзюрочок*,
Тілько дівкам *болячок*, 2.

(т. е. нисколько). Послѣ этого вставлен мотив, в болѣе первообразном и понятном видѣ, напечатанный у Гол., II, 684 „Що вступлю ...“ („дівочкам—каша з маслом, с гусячою лапкою). Затѣм ст. 9—12 = 1—4 ... *решетом* ... (ситом?).

13 Кілько в решеті (ситі?) водиці,
Тілько парубкам (хлопцям?) правдиці;
Кілько в решеті (ситі?) дзюрочок,
Тілько парубкам (хлопцям?) болячок.

Далѣе вставной мотив „Що вступлю ...“ (парубкам каша з червяками, з жабячою лапкою).

Относительно встрѣчаемаго здѣсь и выше сближенія вода=правда, объясняемаго посредством сравненій вода=рѣчь, рѣчь (слово)=правда, см. мой Разб. пѣс. Головацк. 64 слѣд. [1]). Этот ряд сравненій сходен с другим: лист *древесный* (как шумящій)=слово=правда или ложь (О связи нѣкотор. представленій, 18, сл., Фил. Зап. 1864).

В одном из приведенных уже (стр. 184—5) вар. дано сочетаніе „горящая дуброва — вѣнок („дѣвичья краса“)—роса — правда“.

---

[1]) Приведенное l. c. сравненіе
„В тебе тілько уцтивости, як в камінює води“
(Гол., II, 753), сродно со слѣдующим:

Разыгравсє Юрьяв конік,
Разбів камень каныцейком.
В том камені ядзерка нет,
У [наших] дзецюков правданькі нѣт.

5=1, 6=2 ... арех ...

В том ареху ядзерка есць,
У [наших] дзевачак правда есць

(*Весеньняя или* петровочная, Шейн Бр. п. 125.

Digitized by Google

...Стала дуброва горіти,
Стали дівоньки гасити,
Вінками воду носити:
Як *у віночку роса* есть,
Так у дівоньки *правда* есть.

Еще раньше было разсмотрѣно сочетаніе „сокол выносит красу—росу“ (стр. 116, 121), при чем встрѣтилось выраженіе: Парубоцька краса в огні погорае.

Нижеслѣдующія серб. п., тожественныя по размѣру 6+6 с мр. семейством веснянок, к коему принадлежит это выраженіе, указывают, б. м., на связь этих сочетаній. Они, б. м., дают основаніе думать, что в польской пѣснѣ к образу „горящая дѣвица“ присоединен образ сокола перелетающаго через ограду сада (стр. 181) не только по сходству значеній этих образов, по отношенію их к браку; но и по болѣе древней связи черт, их составляющих. В серб. п. сокол гасит горящій лѣс и горит сам:

Вишња затрепета, залелија гране,
А сокô бесједи: „нетрепећи вишњо,
„Нетрепећи, вишњо, нелелијај гране! [1])
„Брзо ћу одлетит у гору зелену,
„У гору зелену, на јелово гране“.
Сокô гору гаси, крила му се пале,
Сокô крила гаси, очи му се пале,
Сокô очи гаси, а дјевојку [2]) куне:
„Ој дјевојко војко! [3]) дуго дјевовала,
„Дуго дјевовала, па се неудала,
„И кад га удала, среће неимала,
„Среће неимала, чеда нེродила,
„И кад га родила, све црно носила.
(Vienac Kačiću Miošiću, 157).

Соко гнездо вије у јеловој гори,

---

[1]) Ср. „Нехилися, сосно, бо й так мені тошно,
Нехилися, гілко, бо й так мені гірко...

[2]) Виновница горя.

[3]) =воћка, плодовое дерево.

У јеловој гори, на јеловој грани;
Соколу долазе из горе гусари [1]):
„Издај нам, соколе, Јанину планину,
„А ми ћемо тебе из села девојку".
Ал' је то зачула из села девојка,
Брже је скочила, гору запалила.
Горела је гора три дни и три ноћи,
Док је догорела соколу до гнезда.
Соко гнездо гаси, а девојку куне:
„Ој дево, девојко! млого девовала,
„Млого девовала, мало невовала,
„И што невовала, и то боловала!"

(Кар., Пјес., I, 487).

---

[1]) Ст.-серб. *гуса*=ср. лат. cursa, incursio, *гусар*, cursarius (откуда корсар), praedo.

Digitized by Google

7. Дѣвица тонет.

а) *Колядка дѣвицѣ.* Она тонет, подает ей руку не отец, мать и пр., а лишь милый:

Плила дівойка долов Дунаём,
Дунаю, гей, Дунаю море,
Ганусю [1]) зоре!
Біжит коло ней татцейко єї:
„Подай мі, татцю, свою ручейку,
„Най я нетону в Дунаїчейку!“
—Я ті неподам, бо я сам впаду.

Тоже повторяется с измѣненіями

Там тади біжит матінка, сестричка и пр.

Наконец

Милейкий подав, дівойку дістав.
Ліпший милейкий, як брат рідненький.
(Гол., II, 80; ср. ib., 726).

б) *Щедровки того же размѣра ей же.* Дѣвица сама неподает руки (или подает, но неприплывает к берегу) отцу, матери и пр., но подает милому (Гол., II, 161; IV, 88—9; 141—2). Припѣв такой же: „Дунаю, Дунаю море! Ганусю (или имр.) зоре серденько!“ Он может служить указаніем с одной стороны на связь пѣсни с нѣкоторыми другими из тѣх, в коих встрѣчается „Дунай море“ и то-

---

[1]) Имя величаемой.

Digitized by Google

нущая в нем, с другой („зоре")—на мифологическія основанія образа.

Послѣдній стих вар. а) „Ліпший милейкий..." относит пѣсню к обширному разряду колядок и других пѣсень русс., южно-слав. и нѣмецких [1]) на тему „милый лучше роду—племени". Он указывает на то послѣднее, не мифологическое, а житейское значеніе образа, на то примѣненіе его к величаемой отецкой дочери — невѣстѣ, ради котораго образ незабывается. Колядка или щедровка пророчит дѣвицѣ скорый выход замуж (см. ниже свадебныя сходнаго содержанія).

На вопрос, что-же величальнаго, кромѣ отношенія к предстоящему браку, может заключаться в образѣ тонущей дѣвицы, уже дан косвенный отвѣт выше (стр. 109), гдѣ приведены лотыш. пѣсни, говорящія, что ночью солнце бредет по морю; что солнцева дочь купается в излучинѣ за ивовым кустом, а божій сын подсматривает; что она бредет по морю и тонет, так что виднѣется только ея вѣночек, а божьи сыновья должны спѣшить к ней на помощь в лодкѣ. Этот послѣдній мотив, именно спасеніе утопающей небесной дѣвицы (солнца,) в примѣненіи к земному браку находим в мр. свадебной п. (когда невѣсту везут к вѣнцу):

А в неділеньку рано
Море се розиграло.
Не море то играло,
Але *сонце се купало*,
А Марічка (невѣста) зазирала,
Та й у море упала.
„На-ж тобі, татку, ручку,
„На-ж тобі, татку, й обі,
„Вийми-ж ти мене д' собі!"

---

[1]) Uhland, Alte volkslieder, I, N 117: дѣвица—в челнокѣ, лодочник хочет ее утопить. Она просит, чтобы отец, брат ее выкупили, но тѣ нехотят для этого продать своих кафтанов. Только милый ради ея готов продать душу и тѣло.

Digitized by Google

—Не моя-ж то, синку [1]), воля
Виймити тя з моря.

Тоже повторяется с измѣненіем:

„На-ж тобі, мамко . , . Васильку . . .

Послѣдній отвѣчает:

Моя, Маричко, воля
Взяти тебе д' собі

(Гол., IV, 361).

Бр. У нядзельку раненько...
Совненько купалося,
N воду брала,
Совненько ратовала,
Ратуючи сама впала.
Кліча-покліча матачку:
...Да ратуй мяне с моря
Да с велікаго горя!"
—N мая дачушка!
Я цябе невратую
Ніхай цябе Бог ратуя.
Нісама туды увайшла,
Цябе долечка унясла

Сб. свз. кр., 267;

другіе вар. без упоминанія солнца: Гол., IV, 316; Метл., 128; Чуб., IV, 138—9. Бр. свадебн., с первыми стихами другого, весняночнаго размѣра:

Зыбнула мора, зыбнула,
Там наша Агатка [ў]танула . . .

(Этн. Сб., III, 240).

Вр. (Туль), свад., по началу похожа на перевод с мр.:

---

[1]) *Сынку*, обращаясь к дочери. Ср. Гол., II, 394:

Сидит донька у крісельці в віконце вглядае,
Та й на своїх білих ручках синці обзирае.
[Мать:] „А що-ж тобі, *мій синоньку*, синці під очима . . . ?

В свад. п. (зап. часть Подоль. г.):

. . . Там молода гуляла.
Прийшов батенько:
„Час тобі вже, сину, до посаженьку!"

Так и в сербск. п. мать говорит дочери:

„Залуду се удавала синко!"

(Кар., Пјес., II, 13; впрочем ib. 14 — в обращеніи к Огняной Маріи):

„Шћери моја, мој милостан сине

(Петрановић, Срб. н. п., 339).

Наоборот, у Куявян, ласкательное слово даже мужчинѣ: „Jantku, bież-no tam, *dzieweczko*". Kolberg, Lud, IV, 270.

Digitized by Google

Рано в воскресенье
Синее море играло,
Авдотья потопала,
Ручки подавала:
„Да кто-ж меня вынет
„Из синяго моря,
„Из великаго горя?
Кидался, бросался
Старый старичище—
Сѣдая бородища.
„На дно моря тону,
„За тебя замуж нейду!“
..Кидался, бросался
Андреян с поѣздом...
„Со дна моря выду,
„За тебя замуж пойду
(Шейн, Р. н. п., 415).

Ср. также Кохановская, Нѣск. русс. пѣс., 94—5; Сах., Сказ., кн. 3, 120 (N 48): не отец, а жених снимает дѣвку с камня среди воды = не отец утѣшает, а милый, ib. 142.]

В приведенной мр. свад. п.

...Сонце се купало,
А N зазирала
Та и в море упала

средній стих есть позднѣйшая раціоналистическая вставка, для объясненія связи между купаньем солнца и потопаньем дѣвицы. Болѣе первоначальная связь, именно сравненіе, — в слѣд. вар., гдѣ относительно-ново м. б. перенесеніе того же положенія на жениха:

А в неділю рано
Море се розиграло;
А не море то-то грае,
Але *сонце се купає;*
То не сонце се купае,
Молодий потопае,
Та на молоду покрикае:
„Молодечко, голубечко,
„Ратуй мене з моря!“
—Та не моя то-то воля
Ратовати тебе з моря:
Ані човна, ані весла,
Все бура віднесла.

(Wacł. z Ol., 31 = Гол., IV, 336). Эта версія может имѣть цѣлью выставить скромность, повиновеніе невѣсты:

Digitized by Google

„немоя воля (т. е. замуж), а батькова". Архаично в ней, как и в нѣкоторых из вышеупомянутых, отсутствіе отца, матери и пр., введенных лишь в угоду болѣе общему, ассимилирующему мотиву: „милый лучше роду". Отрицательное сравненіе „То не сонце..." еще непроизнесенное, а существующее лишь как воспоминаніе, повліяло (подобно регрессивной звуковой ассимиляціи) на превращеніе в такое же сравненіе предыдущих стихов

А не море ... грає
Сонце ся купає.

Первоначальное отношеніе здѣсь одновременность (когда купается солнце, то море играет) или причинная зависимость, ср.:

У понеділок рано
Соненько ся купало, 2
Вон море виливало, 2
Зільєчко покропляло,
Зільєчко барвіночок
Марьці (невѣстѣ) на віночок...
(Свадеб., Гол., IV, 423).

Слѣдующая болг. (м. б. весенняя?), выводит разсматриваемый мотив за тѣсно-племенныя предѣлы. Пѣсня эта а) начальной чертой „дѣвица на рѣкѣ бѣль бѣлила" связывает этот мотив с другим мотивом колядок, о котором ниже; б) по размѣру (3 + 5 или 5 + 3) и по главному мотиву примыкает к приведенной выше (стр. 73) сербской п. о тонущей дѣвицѣ „бјелила Маре дарове", а через эту — к приведенным там же бр., вр., лотышск.

Да́финка рано рани́ла
На Ду́нава платна́ да бѣли;
Лѐнени платна́ бѣли́ла,
С златна буха́лка [1]) бухала.
Ду́нав си мътен проте́че,
Лѐнени платна́ повле́че,
Тънка Да́фина поднесе.
Ма́ма ѝ по край [2]) ходила

---

[1]) Пральник. [2]) по берегу.

И на Да́фина думаше [1]):
„Я пла́вай, пла́вай, Да́финке,
„Да но [2]) си на край испла́ваш,
„Ма́ма-ти да те изва́ди.
—Немо́жж, мамо, немо́жж,
Че [3]) ми се коса́ заплё́ла
У рѣкитово ко́рене.
Иди́ ми тё́тя повикай!—
Тетё и не се наема.
От гдѣ е зачул Никола,
С дрѣхи-те [4]) скокнж у Ду́нав,
Да́финка с душа [5]) извади,
Нейно-то драго либенце. Dozon, 98—9.

Спасителем утопающей является милый, подобно тому, как в разсмотрѣнных выше пѣснях (стр. 177, 179—80) он же тушит горящую калину=утѣшает невѣсту или спасает дѣвицу изпод горящей липы. Это сближеніе может быть одним из поводов отыскивать болѣе глубокое сходство между образами горящей калины v. липы и тонущей дѣвицы, поводом, тѣм болѣе заслуживающим вниманія, что образ тонущей дѣвицы, подчиненный болѣе общей схемѣ „милий вірнійший батька“, в купальской пѣснѣ имѣет и такой вид:

Ой на річці на Дунаї
Там *липонька потопає*,
Та поверх гілочка випливає,
Вона дубочка прикликає:
„Та подай, дубочку, хоть гілочку!“
—Та нехай тобі кленок дає,
Що він з тобою вірно живе.

(Костомар., Ист. зн. ю.-р. пѣсен. тв., Бес. 1872, VIII, 33). Дуб = батько, клён = милый.

---

[1]) Говорила. [2]) чтобы если. [3]) потому что. [4]) в платьи. [5]) живую.

Digitized by Google

Явное отношеніе разсматриваемаго образа к браку и в поль. свадебной п. Молодая, когда приступают к „очепинам“ (покрыванью) „widząc, że przynoszą świeczki, które kupiła do oczepin starsza druchna, a które wkrótce mają być zapalone“, поет:

Żegluję płynę,
Moja Basiu, ratuj mnie,
bo zginę.

Старшая дружка: Zapal świecę, albo dwie,
Молодая: Oj ratuj siebie, albo mnie.
Ст. др.: Jak że ja cie mam ratować,
Kiedy niemogę zgruntować
(Kolberg, Lud, VI, Krakowskie, 51).

Может быть и в самом дѣлѣ, как говорит издатель, при очепинах зажигают свѣчи, купленныя для этого дружками, и может быть именно это ближайшим образом разумѣет пѣсня; но „zapal świecę“ находится в связи с подобною чертою в мр. пѣснях, неимѣющею отношенія к обряду очепин и неможет быть выведено из него:

Ой засвіти, мила, свічку, най перейду річку,
Ой засвіти, мила, обі, най перейду д' тобі
(Голов., II, 276, 358, 839, с чѣм ср. ib. 291:
Ой засвіти, місяченьку, хоть годину в нічку,
Най перейду, най перейду до дівчини річку.)
Ой засвіти, мати, свічку, постав по-над річку,
Най я перейду, най переплину до милої на всю нічку
(ib. III, 296; Метл., 40), гдѣ „мати“, кажется, позднѣйшим видоизмѣненіем вм. „мила“.

„Ой засвіти, дівчинонько, восковую свічку,
„Нехай же я перебреду сюю бистру річку“.
— Ой рада-б' я, козаченьку и дві засвітити,
Боюсь тебе, молодого, в воді утопити.—
Втонув, втонув козаченько, лиш хусточка плавле...
(Чуб., V, 309).

Прибудь, прибудь, мій миленький, з украін далеких...
Засвічу я ясну свічку, да й пущу на річку,
Буде мойму миленькому видно на всю нічку.

Digitized by Google

Непоможе милий Боже и воскова свічка:
Розольеться тихий Дунай быстренькая річка
(Метл., 39).

Вездѣ, кромѣ случая, гдѣ „мати", милая свѣтит милому. Отношеніе этого образа к ожиданію свиданія, любви, может объяснить, как он без видимой связи и цѣли попал в таночную (весеннюю) пѣсню:

Поставлю я хижку там на виріжку [1]).
Виступцем тихо йду,
А вода по каменю, а вода по білому
Ище й тихше.
Засвічу я свічку, піду через річку,
Виступцем и пр. (Метл., 294).

То, что здѣсь та-же бредет, что и свѣтит, находит соотвѣтствіе в пѣснях у Метл., 26, 113. Вышеприведенная польская свад. п. смѣшала два мотива, первоначально несвязанные между собою, именно, туземный „спасеніе утопающей" („ratuj . . .") и другой, м. б. заимствованный, который в мр. „засвіти свічку . . . най перейду річку", переходит в малопонятный намек, предполагающій разсказ о парѣ любящихся, раздѣленных глубокою водою. Печальная судьба этой пары стала содержаніем множества пѣсень и разсказов распространенных от Индіи до Греціи (Геро и Леандр), Италіи (у Страпаролы), Прованса и Франціи, Германіи, Голландіи, Даніи, Швеціи. В Германіи пѣсня этого содержанія, извѣстная народу до нынѣ, документально восходит к XIV в. (Osk. Schade, Volkslieder aus Thüringen, в Weimar. Jahrbuch für Deutsche Sprache etc., III, 1855, 269—75).

В Вестфальском вар.

Et wassen twe künigeskinner,
de hadden enanner so lef,
de konnen to nanner nich kummen
dat water was vil to bred.

---

[1]) Читай „на моріжку". *Моріг*, мурава; вр. *мурог, муруг*, род моху; бр. *мурог*, род мѣлкаго сѣна.

Digitized by Google

Она зажигает в окнѣ своей спальни *двѣ свѣчи*, чтобы милый мог переплыть к ней. Завистливая монахиня (по другому вар. — старая горничная) гасит свѣт, милый тонет, милая идет к морскому берегу, *просит рыбака закинуть* сѣть и вытянуть милаго, дарит ему за это свой золотой вѣнец и алмазный перстень, и обняв утопленника вмѣстѣ с ним бросается в волны (Uhland Alte... Volkslieder I, N 91; ср. ib. N 45—6). Мр. вышеупомянутая п. тоже представляет соединеніе черт „двѣ свѣчи" и

„Ой нате-ж вам, рибалочки та по золотому;

Та витягніть козаченька и пр. (Чуб., V, 309; ср. Метл., 18; Голов., I, 228; III, 133). Тоже и в морав. Sušil. 187, N 185, ср. ib. 186. Вѣроятно от нѣмецкой пошла мадярская (Die zwei königskinder, Ungarische volks dichtungen, übers. v. Ludv. Aigner. Pest 1873, 159).

Мысль о сомнѣніях и колебаніях невѣсты перед трудным и опасным шагом ея жизни и о том, что возможное счастье в замужествѣ сопряжено с утратою радостей дѣвства, выражено свадебною пѣснью так:

Ой думай, Марусю, та недумай,—
Пливти тобі дві річеньки, третій Дунай.
За Дунаєм черешенька з' ягідками,
А все-ж тобі негуляти з дівоньками.
„Обламаю черешеньку, та не всю;
„Погуляю неділеньку хоть одну".
(На заручинах. Чуб., IV, 73—4).

Раз мы знаем, что мысль о предстоящем замужествѣ — одна из основных в дѣвичьих пѣснях весенних, Петровочных, Купальских; нам будет понятно, что слѣдующая купальская говорит о различных отношеніях мачехи и родной матери к дочерьнему замужеству:

1 Ишли дівочки в ліс по ягідочки,
Коло Володимеря купала!
Играло сонечко на Йвана!
Та припало дівкам та Дунай пливсти,

Та Дунай-море пливсти, три річеньки брести.
Та всі дівочки в плахтах шовківках,
Дівка Оленка [1]) в плахті чернітці.
Та всі дівочки Дунай перепливли,
Дунай перепливли, річки перебрели,
Дівка Оленка в Дунаї втонула.
(В Дунаї втонула, кісонька (v. плахта) зринула) [3]).
Як прийшли слихи та до мачухи:
„Ой не жаль мені дівки Оленки,
„Ой та жаль мені плахти чернітки!“
ст. 12—14=1—3; ст. 15=4 . . . чернітках,
Дівка Явдошка [2]) в плахті шовківці.
Як прийшли слихи та до матінки:
„Ой не жаль мені плахти шовківки,
„Ой та жаль мені дочки Явдошки!“
(Записано мною. Волч. у.).

Мачеха, „утопивши головоньку“ дочери „у чужую сторононьку“, жалѣет только того, что за нею отдано, а мать—только дочери. С этим ср. бр. свадебн.:

З недзэлі на понедзелак
Васильку беда стала:
Прапала скрыня малявана,
Дачухна кахана.
„Я таю скрыню за дзень призабуду,
„Свасй дачушкі па век незабуду!“
(Этн. Сб., III, 265).

Мр. колыбельная:

Ой поломалася колисонька новая,
Ой забилася дітинка малая.
„Не так же ми жаль колисоньки новоï,
„Ой як же ми жаль дітинки малоï!
„Я колисоньку за день за два збудую,
„А дітиноньки за рік невигодую!“
(Гол., III, 460 и 457).

---

[1]) [2]) Оленка—сирота. Явдошка—материна дочь из дѣвиц участвующих в игрѣ: „се сироті й рідноï матері дочці присвівують“, прим. пѣвицы. [3]) Стих вставлен мною. Ср. Чуб., III, 195 и ниже приведенный варіант.

Digitized by Google

В подобной пѣснѣ могла быть рѣчь и не о ребенкѣ и колыбели, как здѣсь, а о дѣвицѣ и обрядных весенних и лѣтних релях (мр. колисках, т. е. качелях), которыя до нынѣ в обычаѣ у Руси и у Болгар, и как многія игры, имѣют отношеніе к браку [1]).

---

[1]) В Болгаріи (Панагюриште), в Юрьев день молодец качает дѣвицу, за которою ухаживает, и на оборот. Присутствующія дѣвицы припѣвают им:

Люлчице-ле полюлявка, ове, ове!
Та кой бѣше на люлкѫ-тѫ? ове, ове!
Ганчо бѣше на люлкѫ-тѫ.
Та кой Ганчо залюлява,
Залюлява, отлюлява?
Петка Ганчо залюлява и пр.

(Чолаков, Бълг. нар. сб., 38).

В болг. п. о женидьбѣ солнца (мужчины) (Миладин., 16—7; Верковиђ, Н. п. Макед. Буг., I, 5—8; Дринов в Періодич. спис. XI—XII, 153; Dozon, 13 сл. 17, см. выше стр. 86—7), по послѣдним двум вар. солнце влюбляется в Грозданку, нехочет свѣтить по прежнему, если Бог непозволит жениться на ней. По совѣту своей матери оно на Юрьев день опускает с неба на двор Грозданки золотыя качели (вар. „спуснѫ люлила... на крива *врбâ*“; ср. о вербѣ стр. 153—7). Малое и великое сбѣжалося туда „за здраве да се люлѣе“. Когда мать раскачала на этих качелях Грозданку, темныя мглы покрыли их и Гр. была унесена на небо. Мать успѣла ей лишь посовѣтовать: „да *говѣйш*“ столько то времени. (Говѣніе в смыслѣ сохраненія стыдливости и уваженія к мужу и роду понимается как молчаніе. И теперь, по Дозону и др., „новодоведена“ молчит мѣсяц и болѣе). Гроздана сохраняет молчаніе слишком долго. Солнце принимает ее за нѣмую и собирается жениться на другой (Дена Деница v. „Дзвезда деница, бъргозборница“ — скороговорящая) и пр. Молчаніе молодой роднит эту пѣсню с пѣснями у Кар., Пjес. из Херц., 24; Kukuljević, Dela, IV, 154. См. также Сумцов, О свад. обр., 203.

В русс. пѣснях жених с качели хочет увидать невѣсту, невѣста—свекров двор:

Мр. весенняя (уличная):

Ой на дубку (v. у борку?), на дубку, колисочка на шнурку,
Иващечко вихавсь, Иващечко вихавсь.

Digitized by Google

Литовская п.: „Что ты, милый князь (kunigeli) так долго спал? Когда ты спал, изрубили (твоих) воинов, разграбили припасы. Чего тебѣ, князь, больше жаль?“

Он (Как Владимир, „сребромь и златомь неимамь налѣсти дружины“, под 996 г.) отвѣчает:

„Не так мнѣ жаль припасов, как мнѣ жаль воинов.

„Повихайте мене, братця, *в гору високо*, 2
„Нехай же я та побачу *та далеко*, 2
„Ой де моя дівчинонька *та гуляє*, 2
„Чохлатими рукавами *та махає*. 2
„Ой перестань, дівчинонько, *чохлами махать*, 2
„Ой тоді-ж я перестану *важенько здихать!*“
„Ой поти я махатиму, поки подеру!
„Ой поти я здихатиму, поки тебе в'зьму!“

(Запис. мною, в Ромен. у. Ср. купальскую у Чуб., III, 221).

Вр. свадебная, величальная, на дѣвичникѣ (основн. разм. 5+3?):

Как у нас в бору на клену
Висит колыбель на шелку...
...Во той колыбели Алексѣй (жених) спит,
Спать неспит, только так лежит.
„Размахните меня братцы...
„...Прямо к Марьюшкѣ в горницу:
„Что моя Марьюшка дѣлает?
„Под окном сидит, чванится,
„Мною молодцом хвалится“.

(Шейн, Р. н. п., I, 450).

У ворот орѣшина
У ворот зеленая,
Ля али, али, али
Али ля, али, али!
А на той орѣшинѣ
Колыбель повѣшена.
Во той колыбели
Качался боярскій сын 2
Михаил Федорович.
„Вы братцы родные,
„Ступите поближе, 2
„Смахните повыше, 2
„Чтоб видно было далече!“
В зеленом садочку
Татьяна гуляла, 2
Цвѣты сорывала, 2
Вѣночек свивала,
На голову вздѣвала,
Себя украшала.

(ib., 423—4).

Жених приказывает слугам:

„Качайте колыбель позыбчѣй,
„Чтоб увидить ей (невѣстѣ) свекров двор
„И свекровушки терем... ib. 492.

Digitized by Google

Я припасы соберу (pilelę supilsiu) в два, в три года, а воинов невоспитаю (невырощу) и в десять лѣт..."

..."Что ты, матушка, долго спала? Когда ты спала наѣхало гостей (= сватов), увезли дочь и ея приданое. Чего тебѣ, м., больше жаль?" — Не так мнѣ жаль приданаго, как мнѣ жаль дочери. Я приданое соберу в два, в три года, а дочери невырощу и в десять лѣт" (Юшкевичь, Лит. н. п., 10—11. Сб. статей читанных в Отд. Русс. яз. II).

Варіанты вышеприведенной купальской вносят еще нѣкоторыя черты:

...Усі дівки перебрели,
Одна дівка потонула,
Дороги шати помочила,
Серебрані ключі упустила.

(Мачеха говорит:)

„Рибаки-ж мої. риболовнички!
„Неловіть-же ви моїй падчерки,
„А вловіте мині дорогі шати,
„Перейміте мині срібрані ключі!"

(Метл., 311).

Устранив подчиняющій, позднѣе наслоившійся мотив („мачехѣ жаль шат и пр.), при котором ключи получают вещественное значеніе, за этим значеніем можно усмотрѣть символическое: ключи—сама дѣвица:

Ой брязнули *срібні ключі* (=) в морі потопаючи;
Заплакала (=) *дівчинонька* (та) та милого виглядаючи

(Костом. в Бес. 1872, V, 100).

За тѣм перевѣс получают первые элементы сравненія (брязг=плачь), соотвѣтствіе между ключами и дѣвицей теряется из виду:

Зазвонили срібні ключі по над море бъючи;
Ой заплакав Василенько від дівчини йдучи.

Пѣсня с этим началом в одном из вар. (Гол., I, 228) представляла, повидимому, сочетаніе образа „срібні ключі" с другим мотивом, о котором выше (стр. 198).

Digitized by Google

Утопився Василечко (тілки хустка плавле).
Ходить дівка по бережку, білі руки ламле:
„Нежаль мені хустиночки, що я вишивала,
„А жаль мені Василечка, що я сподобала.
...Закидайте, рибалочки, трёма неводами,
Да витягнить Василечка з чорними бровами и пр.

Возвращаясь к первообразному мотиву: дѣвица = ключи, утонуть (= выйти замуж) = упустить ключи в море. Такой символизм нисколько немѣшает предположенію, что образ тонущей дѣвицы с ключами имѣет миѳологическое основаніе (176—80). Подобное мнѣніе высказал уже Н. И. Костомаров (Ист. знач. и пр. Бес. 1872, V, 100), сблизив ключи разсматриваемой здѣсь купальской с тѣми, „которыми в веснянкѣ отпирается небо. Как бы ни трудно ити в правленіи дальше, до явленія природы, лежащаго в основэтом навѣ миѳа, необходимо так или иначе отнестись к тому направленію, которое принимает мысль упомянутаго ученаго под вліяніем варіантов разсматриваемой пѣсни, в коих тонущая названа „Маринка“, „Моренка“:

...Прийшлось дівці Маринці перед вести
...на Дунай плисти...
...Ой ненько, ненько, Моренка втонула...
Моренка втонула, плахта зринула...

Или:

Ой наша Моренка гуляла
З високого терему в воду скакала...

Или:

Утонула Мареночка, утонула,
Та срібнії ключі упустила.
„Ой рибалки, рибалочки,
„Неловіть мені Мареночки,
„Уловить мені срібні ключі (l. c. 100).

Н. И. Костомаров (l. c. 99) говорит: „В купальской пѣснѣ поется о Моренѣ *или Морянѣ*, которая была вѣроятно не что иное, как олицетворенная вода, море,—богиня вод и вмѣстѣ, как показывают чешскіе памятники, богиня

Digitized by Google

смерти, т. к. и в самом языкѣ названія смерти и моря, по видимому, сродны“ . . . „В нѣкоторых мѣстах дѣлают чучело, называемое Мареною, украшают его вѣнком из черноклена с разными полевыми цвѣтами, наряжают в дѣвичью одежду, а потом, раздѣвши бросают в воду. Это чучело означает *морскую богиню* и бросанье в воду было, вѣроятно, символом ея господства над водою. Но с забвеніем языческих вѣрованій обряд бросанья в воду женскаго изображенія *подал повод* к представленію об утонувшей дѣвицѣ, за которою однако осталось миѳологическое имя Морены, нерѣдко замѣняемое христіанским именем Марины. Т. о. пѣсни касающіяся Морены в настоящее время есть пѣсни об утонувшей дѣвицѣ“.

Первая черта этого мнѣнія (Марена = богиня моря) основано на уравненіи *Марена́ = моря́на*, которое падает потому, что эта послѣдняя форма в мр. купальских пѣснях, сколько извѣстно, не встрѣчается и без других доказательств невытекает сама собою из поль. *Marzana*. Точно так из принимаемаго многими коренного сродства между *мру*, *мереть* и *море* еще неслѣдует, что Марена—богиня моря. Заключенное в этом положеніе, что *Марена́* (чеш. мор. Mařena, поль. Marzana)=смерть, признавалось весьма многими, в том числѣ и мною. Оно основано частью на том, что чешско-морав. пѣсни на „Смертной недѣлѣ“ отождествляют Марену и смерть (Smrtolenko, smrtolo kam's klíče děla=Mařena, Mařena, kde's kluče poděla, Suš., 769, 771), частью на сближеніи *Морена* с скр. *мара́на-м*, ср. р. смерть.

Теперь, взяв за исходную точку мр. величальныя пѣсни о тонущей дѣвицѣ и неотдѣляя их от купальских заключающих сходный образ, я склоняюсь к предположенію, что в основаніи этих идеализацій судьбы дѣвицы в предстоящем замужествѣ лежит миѳологическій образ болѣе внушающій сочувствія, чѣм образ смерти. Быть может, смерть (поль. mór, Roger, P. l. w Górnem Szląsku, 205) выносимая в началѣ весны и противопоставляемая вносимому, встрѣчаемому лѣту, маю, есть миѳологическая лич-

Digitized by Google

ность совсѣм отличная от той дѣвицы в вѣнкѣ, называемой в мр. Мареною, при топленьи которой на Купала, поют пѣсни о тонущей дѣвицѣ. Быть может, и в чеш.-морав. пѣснях лишь сближены и спутаны преданіем смерть и та небесная ключница, которую просят отворить небесныя ворота во время жатвы (Suš., 769). Трудно понять, как с такою просьбою можно обращаться на пр. не к зарѣ или солнцу, а к смерти. Считаю не неумѣстным вопрос: к которой из предполагаемых двух личностей относилось первоначально самое имя *Марена́* (sic, в Харьк. губ. См. Пассек, Оч. Росс., I, 96; я и сам слышал такую же форму: моя ст. О купаль. огнях, III вып. Вѣстн. Моск. Арх. Общ., 1—2. Христіанское имя Марина с таким удареніем мнѣ невстрѣчалось). Ибо слово это (предполагая, что оно не возникло из христ. имени Марины), буде бы относилось к свѣтовой миѳической личности, могло бы быть сближено не с *мар*- мереть, а с *мар*, блестѣть, которое в греч. *μαρμαίρω*, русс. *мрѣять*, *марить*, *марево* (К ист. зв., I, 204).

Допустив, что в основаніи пѣсень о тонущей дѣвицѣ лежит миѳическій, уже человѣкообразный образ, нужно думать, что в самом этом образѣ были черты, облегчавшія его примѣненіе к земной дѣвицѣ. Примѣры такого обратнаго перенесенія образа с неба на землю были уже приведены выше (61). Почему бы ни был приписан дѣвичій вѣнок солнцу и солнцевой дочери (в лотыш. п., ib. 64, 67), раз он приписан, его, уже с миѳологическими чертами, легко вновь перенести на земную дѣвицу. Лотышская пѣсня (Бривз., N 99 = Спрогис, 312, 22) говорит:

„*Солнцева дочь* бредет через море, виден (уже) только вѣночек". „Гоните лодку, божьи сыновья, спасайте душу *солнца!*"

Это почти точный противень вышеприведенных пѣсень о спасеніи тонущей дѣвицы суженым.

Вѣнок находится в тѣсной связи с самой дѣвицей, замѣняет ее. Что случится с вѣнком, то и с дѣвицей, так

Digitized by Google

что на Руси (Пасс., Оч. Росс., I, 108) и в Польшѣ на Купала дѣвицы бросают с себя в воду вѣнки и гадают по ним. Кому дает дѣвица свой вѣнок, тому и себя (Коляд. у Гол., IV, 89). Как выше, кто спасет тонущую, тот ей суженый, так и о пущенном на воду вѣнкѣ:

„Хто венок пуйме, тот мене возьме" (Чуб., III, 115 и пр.). Т. о. с купальской пѣснею о тонущей аналогична купальская же, начинающаяся также, о вѣнках:

Пішли дівочки та по ягодки,
Коло води — моря
Ходили дівочки
Коло Мариночки,
Купала!
Гратеме сонечко,
На Йвана!
Уже дівочки поплели віночки,
Коло води моря и пр.
Віночки невъянуть, дівочки неплачуть,
Віночки *в*тонули (вм. по-), дівочки сплакнули
(Пасс., Оч. Р., I, 97).

Такое же соотвѣтствіе между лотыш. п. а) и б):

а) Я сидѣла на берегу рѣки, вижу — ѣдет вдовец. Вдовец подал мнѣ руку, я прыгнула в рѣку: пусть лучше несет меня поток, чѣм конь вдовца", Бривземн., N 412. б) „Пася стадо на берегу потока, я бросила в него (свой) вѣнок. Пусть лучше унесут волны потока, чѣм негодный отецкій сын" ib. N 469.

Превращенія утонувшей. Тогда же, т. е. когда несут топить *марену* (куклу) и черноклен [так я слышал; по другим, (Пасс., Оч. Р., I, 96; Терещ., V, 79—80; Маркев., Обычаи, 10) черноклен называется Мареною, а кукла в женской одежѣ—купалом], поют и слѣдующую п.:

А. 1 Як пішла Ганна до броу по воду,
Ганно моя, панно моя,

Ягодо моя червоная!
Та стала Ганна на всхитки кладки,
Кладка схитнулась, Ганна втонула.
Ганнина мати громаду збірала,
Громаду збірала, усім заказала;
„Неберіте, люде, у броду води,
„Бо у броду вода то Ганнина врода.
„Неловіте, люде, у Дунаї риби,
„Бо в Дунаї риба то Ганнино тіло.
„Некосіте, люде, по луках трави,
„Бо по луках трава то Ганнина коса.
„Неламліте, люде, по лугах калини:
„По лугах калина, то Ганнина краса
(Записано мною от женщ. из Волч. у.).

Б. Пас., Оч. Р., I, 108—9:
Як пішла Ганна в Дунай по воду,
И ступила Ганна на хитку кладку
Б. 3 = А. 3.
4 Як потопала, тричі зринала.
Б. 5—6 = А. 4—5; Б. 7 = А. 6 . . . у Дунаї
Б. 8=А 7 . . . слёза.
9 „Неловіте, люди, у Дунаї щуки:
„В Дунаї щуки—Ганнини руки.
„Неловіте, люди, у Дунаї сомів:
„У Дунаї соми—Ганнини ноги.
Б. 13—14 = А. 12—3 Неламайте . . . по лугам.
15 „Нервіте, люди, по лугам терну:
„У лузі терен — Ганнини очі
Б. 17—8 = А. 10—11 . . . по лугам.

Припѣв тот же, что в А. Стих 4 Б. заставляет ожидать продолженія:

Тричі зринала, усім наказала,

которое, если бы подтвердилось, показало бы, что ст. 4—5 А.=5—6 — лишніе, что мать введена сюда под вліяніем другой п., в родѣ вышеприведенной стр. 198—9), в которой мать противополагается мачехѣ. В сродных пѣснях

содержаніе стихов А 6 слѣд. влагается в уста самой дѣвицы.

Эти сродныя—а) Голов., II, 679; б) ib. 582; в) Купчанко (Зап. Ю.-з. отд. Геогр. Об., II) 373. Здѣсь дѣвица бросается в море, по видимому, спасая свое дѣвство от преслѣдованія братьев (с чѣм ср. лотыш. п. Бривз. N 345, выше стр. 70):

а) Пішли два браті (і?) в поле орати,
Ганунька сестра їстоньки несла.
Ой здібало єї гей би два браті,
Гей би два браті, два нежонатих,
Дали Гануньці коня тримати,
А сами сіли сніданьє зъїли...

Так это понято, по видимому и в польской п., впрочем другого размѣра и незаключающей в себѣ указаній на заимствованіе:

Oj posłała ja ćterech bracisków
zielonej łącki kosić,
I kazali se najstarsyj siostrze
śniadanicko przynosić.
Najmłodsa siostra śniadanie niosła
pod zieloną olsynę—
Z koników zsiedli (братья?) śniadanie zjedli
oj nadobnyj dziewcynie.
I kazali jej koniki wodzić
po zielonyj olsynie;
Konie wodziła, w Dunaj skocyła,
cnoty nieutraciła.
Pływaj ze siostro, pływaj ze nasa,
plywaj, ruciany wieniec,
Płace cię ojciec, płaće cię matka
i niejeden młodzieniec.
(Kolberg, Lud, I (Sandomierskie), 56).

В мр. вар. *б* и *в* „два“ v. „три козаченьки“ давшіе Ганнѣ держать коней, отличены от ея братьев, которым она несла ѣсть. Далѣе

а) Взріла Ганунька, що неправдонька

Digitized by Google

(б. А она взрівши, що то не жарти . . .
в. Взріла Аница, що небилица)
Пустила коня (v. коні) в чистое поле,
Сама скочила в синёе море.
Ой як скакала, наповідала,
Щоби в тім морю води небрати,
На воді піна—щоб незбирати,
На траві роса—щоб не щибати [1]),
В лісі береза—щоб нерубати,
В лузі калина—щоб неламати,
В терну тернина—щоб незбирати,
На грушці груша—щоби нервати;
Бо в морю вода—Гандзина врода,
На воді піна—Гандзина міна [2]),
А в траві роса—Гандзіна коса,
В лісі береза—Гандзине тіло,
В лузі калина—Гандзине личко,
В терну тернина—Гандзини очі,
На грушці груша—Гандзина *душа*.

То, что Ганнѣ дали держать коней, может зависѣть от того, что и ея миѳическій первообразъ тоже держал коней. По лотыш. п. (о заходящем солнцѣ): „Солнце (*сауле*, женщина, дѣвица) плавит (купает) своих коней в морѣ; само сидит на горѣ, золотыя возжи (у него) в рукѣ", Спрогис, 311 (15)=Бривземн., N 76. Лотыш. пѣсни много раз говорят о солнцевых конях (на пр. Бривз., N 43, 51, 73, 319, 388).

Замѣтим, что в купальской „Як пішла Ганна"... размѣр 5 + 5 переходит в 6 + 6, при чем это колебаніе ненарушает правильности стиха. Тоже и в вар. в) только что приведенной пѣсни. Т. о. эти пѣсни сродны со слѣдующею болгарскою нетолько по содержанію, но и по внѣшней формѣ.

Болг. п. разсказывает: с вечера мать сговорила Ян-

---

[1]) Так на основ. Голов. Ц, 582, т. е. несшибать, вм. нещипати. [2]) *міна* — зміна? платье...

Digitized by Google

ку, а утром стала ее проклинать: „дай, Господь, чтобы ты вышла замуж и

„Дом да сбереш, Янке, като тъпан пепел [1]),
„Рожба да си родиш, кога върба цъвни,
„Рожба да завържиш [2]), сладак живот да имаш,
„Кога риба пѣе, кога Дунав дума!"

Янка свила себѣ вѣнок из „здравца" и пошла на Дунай по воду. Три дня, три ночи ждала она, непроговорит ли Дунай и незапоет ли рыба, и наконец спросила у Ильчо, гнавшаго лодью с низу, неслучалось ли ему слыхать этого. Тот усмѣхнулся и говорит: „поберемся" (двама да се земем). Янка плачет и неотвѣчает.

Илчо си поминѫ, Янка в Дунав скочи
Янка си потънѫ, вѣнец-ат ѝ плувнѫ.
Янка му говори: „много здраве, вѣнче
„(Много здраве, вѣнче) на мајка ми носи!
„Да неиде, вѣнче, на Дунав за вода;
„Ште нагребе, вѣнче, Янкини-те сълзи.
„Много здраве носи на девет мой братя,
„Сѣно да некосѭт край Дунав в ливади,
„Че штѫт да покосѭт Янкина-та коса.
„Много здраве, вѣнче, на мой мили тетя,
„Да неоре тетё край Дунав в нивя-та,
„Че ште да изоре Янкини-те кости".

(Dozon, Бълг. н. п., 95—6).

„Вѣнец-ат ѝ плувнѫ", находящее соотвѣтствіе в мр. и лотышской п., звучало бы здѣсь в мр.

Ганна втонула, віночек изплив [3]).

То, что Янка вьет вѣнок из раст. здравца, находится в связи с порученіем, которое она ему дает: „много здраве носи на..." Об этом горном растеніи замѣчено в Слов.

---

[1]) Сколько пыли удержится на бубнѣ.

[2]) О плодовой завязи.

[3]) Ср. лотыш. п.: „Потонула ясеневая лодья, потонуло сто молодых дѣвиц; волна выбросила сто бисерных вѣночков", Спрогис, 162.

Digitized by Google

Караджича, что монахи, приходя в село приносят его в гостинец (как поздравленіе и привѣтствіе) хозяевам и хозяйкам.—Порученіе плывущему вѣнку ср. с мр.

...Ой зірву я з рожі квітку, та пущу на воду:
„Пливи, пливи, з рожі квітко, та до мого роду".
...Вийшла мати води брати, на бережку стала:
„Чогось сяя з рожі квітка на воді зівъяла!
„Либонь же ти, моя доню, сім неділь лежала".
—Нележала, моя нене, ні дня, ні години,
Та зсушили извъялили все чужиї ниви.

В серб. п. дѣвица

три венца оплела.
Један венац сам себи пустила,
Другога сам братцу даровала,
А трећега на Дунај метала:
„Плавај, мили мој венчиц зелени,
„Тер приплавај пред Јурјеве дворе
„И опитај Јурјеву мајчицу:
„Ако сте ви Јурја оженили?...

(Mikuliić, Nar. pripov. i p. iz Hrv. primor., 165).

Возможно, что болг. *Янка*, принимаемое за производное от муж. *Янко*, есть собств. Анна: приставочное *й* в началѣ в болг. нерѣдкость („юрвай", Милад. 382 и т. п.). Уменьшительное от Анна в ст.-русс. есть Янъка (Лавр. л.², 201—2). Впрочем сходство имен в мр. и болг. п. может быть случайно.

В. Пассек (Оч. Р., I, 115) говорит: „Порою мнѣ приходило на мысль: нѣт ли между этой Ганной, ея близостью к Дунаю, ея несчастной долей с одной стороны и царевною Анной, женою Владиміра, с другой—чего либо общаго? По лѣтописи, царевнѣ Аннѣ было нелегче, чѣм Ганнѣ в пѣснѣ: она с плачем поѣхала за море".

Я с своей стороны думаю: так как извѣстно, что имена присутствующих на игрѣ вплетаются в пѣсню, примѣняемую к ним (см. выше: Оленка, Явдошка), и затѣм могут в ней оставаться, как выраженія неопредѣленнаго лица; то для множества никому неизвѣстных Ганн, вѣроят-

Digitized by Google

ность оставить слѣд своего имени в этой пѣснѣ неизмѣримо больше, чѣм для царевны Анны. Календарных причин прочности имени Ганны в купаль. пѣснѣ невидно.

В приведенном варіантѣ болгарской пѣсни материнская клятва весьма слабо связана с тѣм, что дѣвица тонет и пр. Сравненіе же с пѣснями частью того же размѣра 6+6, частью близкаго (5+5), частью совсѣм отличнаго (4+6) (на пр. Миладин., 259, 363; Безс., Болг. п., I, N 44, гдѣ почему-то из Янки сдѣлана лодочница; Милад., 262), дѣлает еще болѣе вѣроятным, что клятва материнская, которая должна прекратиться лишь тогда, когда запоет рыба и т. п., есть совсѣм особый, различно разрабатываемый мотив, лишь в одном варіантѣ внѣшним образом приставленный к мотиву: из потонувшей—трава и пр. Однако материнская клятва может быть причиною того, что дѣвица, по выраж. мр. п. „утопила головоньку у чужую сторононьку“. Ср. ниже проклятіе сыну и выше стр. 71.

Тожество размѣра нижеприводимой хорв. п. (6+6) дает возможность предположить, что за ея неясностью и благочестивыми католическими вставками (вообще частыми в пѣснях сербо-хорв. католиков, на пр. Plohl-Herdvigov, Hrv. n. p., 66: Марія вм. дѣвица, Исус вм. милый) скрывается болѣе первообразный мотив, сходный с вышеприведенным: из вѣнков дѣвицы — пшеница и вино. Дѣвица просит мать свить ей вѣнок. Та отказывается:

Нем'рем га навити проз те злате нити (?);
Нај ти га навине Јожеф и Марија.
  Дивојчица млада навила првога,
Хитила га таки на те житне поље,
Гдје ми расте крухек, Језушево тјело,
С којега се служе те свете мешице:
Који буду јели, звеличени боду.
  Дивојчица млада навила другога,
Хитила га таки на те винске горе,
Гдје ми расте винце, Језушева крвца,
С којега се служе те свете мешице:

Digitized by Google

Који боду пили, звеличени боду

(Plohl-Herdv., ib., 65).

— Сравненіе пѣсни о Ганнѣ и пр. с лотышскими и нижеприводимою мр., мнѣ кажется, полезно как по отношенію к примѣненію образа к нестарѣющим бытовым явленіям, каковы любовь, брак, примѣненію объясняющему живучесть образа; так и по отношенію к вопросу о древних основаніях образа.

Каково должно было быть примѣненіе, на это я старался отвѣтить, поставив эту, саму по себѣ темную пѣсню, в ряд с другими, заключающими сходный образ и болѣе менѣе явственно идеализующими судьбу дѣвицы—невѣсты. Нѣкоторое подтвержденіе для этого можно вывести из семейства лотыш. пѣсень, одна из коих была уже приведена выше по другому поводу (стр. 70—1). Другія см. у Спрог., 27—30. Два варіанта говорят о выданной за муж, послѣ долгой разлуки навѣщающей родительскій дом. Старая мать встрѣчает ее, утирая слезы: „Мое милое дитя (собств. взлелѣянное, выношенное на руках)! Как далеко ты на чужинѣ! Это девятое лѣто, а ты в первый раз пріѣхала навѣстить!“ В третьей пѣснѣ тѣми же чертами изображается посѣщеніе тетки. „Вошла отцевская сестра, *как солнышко*, в избу... Тут всѣ мои дѣтки, только нѣт младшей (племянницы).—Меньшая (сестра, отвѣчают племянники) пошла гулять на берег рѣки... рвать цвѣты черемхи. Когда она рвала, упало (в воду) *золотое колечко*; *доставая колечко* (ср. выше стр. 69, 70, 73), уронила она покрывало; доставая покрывало, падает сама в рѣчку. Неснесла (незадержала, неоставила у себя) рѣчка, вынесла в море; неснесло море, выбросило на берег. Там выросла густая липа о девяти вѣтвях. Из девятой вѣтви ея братья сдѣлали гусли. Говорят братья играя: печально звучат эти гусли; так плачет наша младшая сестра, ходя по чужой землѣ“. Как в извѣстном сказочном семействѣ (Аѳ., Ск., VIII, 313) дудка из калины, выросшей на гробѣ убитаго, в руках братьев или сестер поет про его судьбу; так здѣсь гусли, душа липы—дѣвицы, говорят, что она выдана

Digitized by Google

в чужи люди. Что „душа“ употреблено мною не произвольно, видно из слѣд. лот. п. Умершаго с горя отвергнутаго жениха схоронили в розовом садочкѣ. Там выросла густая липа о девяти вѣтвях. Что воскресенье ходят туда дѣвицы; свивши вѣночки, идут в церковь Маріи. Марія спрашивает, плача: „гдѣ, дѣвица, взяла такой (вѣночек)?— В Ригѣ купила, деньги дала.—В Нѣмеччинѣ сковала. — „Что лжете, дѣвицы? *Это душа молодца*“ (Бривз., N 382; ср. ib. 381). Растенія выросшія на гробѣ несчастных любовников—широко распространенный странствующій мотив. В настоящем случаѣ примѣненіе к молодцу и причина его смерти могут разсматриваться, как относительно позднѣйшія наслоенія, несущественныя по отношенію к основному образу (тонет дѣвица), который находим и в слѣдующем вар.: „Побѣжала (я) сиротина с плачем по берегу рѣки, срывая липовые цвѣты. Доставая цвѣты, упала сама в рѣку“. Рѣчка (как выше) выносит ее в озеро, озеро в Двину, Двина в море, море выбрасывает на ком пѣны. „В ногах моих выросла густая липа. Божьи сыновья (diva dali) проѣзжая мимо, сломали верхушку, заткнули за шапки, поѣхали в церковь Маріи. Марія сказала: это не липовые цвѣты, это дорогая (милая) душенька утонувшей в морѣ *во мглистое утро*“ (Magazin der Lettisch-literärisch. geselsch. XIV B. 2 (1869), 164). Имѣет ли послѣдняя черта миѳологическое основаніе, сказать трудно. Там же (165), *как колядка* с припѣвом *koładu, koładu!*,— варіант, по началу примыкающій к нѣкоторым редакціям сказки о калиновой дудкѣ (сестра из зависти убивает сестру, на гробѣ которой вырестает калина) и о Рись—мати [Рудч., II, N 18: одна сестра топит другую, обладательницу золотой яблони и, как служанка (=туманная служанка солнца, Спрог. 312, 25) других вар., выдает себя за ту, которую утопила]: „нас было три сестры; меня третью взненавидѣли, вбросили меня в рѣчку“ и пр., как выше.

Мр. „*постова́*“, т. е. веснянка:

У дощовую негоду
Пішла невіхна по воду,

Digitized by Google

Кинула відерця на воду, 2.
А коромисел на море:
„Станьте, відерця, каменем,
„А коромисел явором!“
Їхали купці Харьківці,
Стали явора рубати,
Тонки гуслоньки тесати,
На синє море пускати:
„Пливіте, гуслоньки, пливіте,
„Та жалібненько гудіте,
„Так як невіхна в свекорка:
„З ночі до ночі в роботі,
„К білому світу в клопоті“.
Ст. 16 = 1.
Пішла дівчина по воду.
18—26 = 3—11
27 „Та веселенько гудіте,
„Так як дівчина в батенька;
„З ночі до ночі в таночку,
„К білому світу в віночку“.

(Записано в 1863 г. В. С. Гнилосыровым от женщ. из Волч. у.).

„Густи“ о гуслях в мр. архаично. Сравненіе с вышеупомянутыми лотышскими и слѣдующею вр. дает возможность предположить, что „у дощовую негоду“ (в лот. „в туманное утро“) тонет и превращается в дерево первоначально не коромысло, а сама дѣвица. Это образ участи невѣсты. Вторая половина мр. п. могла развиться из первой под вліяніем обычнаго в веснянках противоположенія доли замужней и дѣвицы. Вм. „невіхна“ в ст. 2 могло первоначально стоять „дівчина“.

Под вліяніем варіанта вышеприведенной мр. веснянки возникла средняя часть вр. п. (См. Оскольск. у.), сохраняющая еще слѣды первоначальнаго размѣра 5 + 3 („Возьму, млада“, т. е. возьму м'лада и пр.).

Ой молодость, молодость,
Да дѣвичья ты красота!

Digitized by Google

На чем тебя вспомянуть,
Вспомянуть тебя воздохнуть?
Вспомяну свою молодость
Тоскою—кручиною,
Печалью великою.
Да не я спила—съѣла,
9 Иль хо́роше сходила... [1]

—

10 Возьму, млада ведерцы,
Пойду, млада, по воду,
Пущу вёдры под гору,
Сама взойду на́ гору:
„Станьте, вёдры, пеньями,
„А я, млада, яблонью,
„Яблонью кудрявою!“
Ѣхали бояре из Москвы,
Рубили яблонь по́д-корень,
Кололи доски тонкія,
20 Дѣлали гусли звонкія.

—

21 Да кому в гусли поиграть?
Да кому под них поплясать?
Играть будет Петру—судырь,
Петру ли свѣт Степанычу;
Плясать будет то Марьѣ свѣт,
Да Марьѣ свѣт Ивановнѣ.
Ой Петр—от свѣт, позвончѣй,
А Марья—свѣт поплавчѣй!

Запѣв (ст. 1—9) есть позднѣйшая приставка, связанная со слѣдующими ст. 10—20 (=мр. веснянкѣ) лишь тѣм, что пѣвица, замужняя, вспомнивши молодость, вспоминает и пѣсню изображающую дѣвичью судьбу. Г. Кохановская (Остатки бояр. пѣсень, Р. Б. 1861, II, 128), незамѣчая

---

[1] Это прямо мр.:

Та ні я зпила—зъїла
Ни хо́роше сходила.

указанных выше разчлененій этой пѣсни, понимает post hoc как propter hoc: „*с тоски с печали* о безрадостной молодости молодая молодушка стала яблонью кудрявою“. Если, как вѣроятно, пѣвица примѣняла превращеніе к себѣ, то оно в символическом смыслѣ выхода замуж совершилось за долго до воспоминаній о молодости.

Окончаніе пѣсни (ст. 21), приставленное к ней независимо от запѣва, дѣлает из нея величанье, вѣроятно, мужа и жены, присутствующих на „бесѣдѣ“. Символизм спутан: играть на гуслях=любить такую-то (см. выше 12), но она же является и пляшущей. Из сочетанія готовых поэтических мотивов выходят иногда цѣльныя художественныя произведенія высокаго достоинства, но выходят и болѣе-менѣе безсвязныя сцѣпленія. Я не могу вм. с г. Кохановскою (l. c.) думать, что эта пѣсня „замѣчательна по изумительной силѣ народнаго духа“ потому дѣ что она „принадлежит к тѣм пѣсням, гдѣ слова плачут, а пѣсня весело поет и пляшет“.

Превращеніе вѣдер в камень и коромысла (= самой дѣвицы) в явор могло быть mutatis mutandis перенесено на молодца в слѣдующей колядкѣ, которой первая половина (1—25: мать проклинает сына, 3 сестры его провожают из дому, младшая спрашивает:

„Коли-же братейку, гостейком будеш?“
—Як білий каменец на верха сплине и пр.)

составляет особый, извѣстный в нѣсколькихъ варіантах пѣсенный мотив:

...Навернув конём от схода сонця
Та й поїхав си у темний лісок.
Виїхав овін в чистоє поле,
Став му коничок білим камінцём,
Він молодейкій зеленим явором.
Ой стала мати за сином плакати
И пішла она за ним глядати.
Вийшла она си в чистоє поле,
В чистоє поле, в болонічейко,
Та и став еї дождҗик кропити,

Digitized by Google

Та стала она на білий каминь,
На білий каминь, під зелен явір,
Ей стали єї мушки кусати,
Стала она си галузки ламати,
Прорік яворец до неї словце:
„Ей мати моя, мати проклята!
„Недала єс мі в селі кметати,
„Ище мі недаш в полю стояти!
„Білий камінец—сивий коничок,
„Зелене листья—мое одінья,
„Дрібниї прутики—моï пальчики"...

(Голов., II, 55).

Считаю вѣроятным, что в основаніи образа тонущей дѣвицы, из которой выростает липа или явор, лежит солнечный миѳ. Выше (стр. 71), по поводу одного из вар. разсматриваемых здѣсь пѣсень, приведено довольно ясное свидѣтельство лот. п.: „Густая липа выросла на концѣ пути солнца" и пр. Если, как можно думать, разсматриваемый пѣсенный мотив вмѣстѣ с вышеупомянутыми сказками, принадлежит к одному семейству с древнеегипетской сказкой о Батау и Анепу (разсмотрѣнной Мангартом в Lett. Sonnenmyth. Z. f. Ethnolog., VII, 235, 327); то можно ожидать, что и в пѣснѣ окажутся слѣды полнаго круга превращеній солнечной дѣвы, т. е. в дерево и потом обратно, сходно с упомянутыми сказками. Согласно этим можно разсматривать слѣдующую лот. пѣсню, какъ продолженіе исторіи утонувшей дѣвицы:

„Куда ты летиш, сокол (v. коршун, ястреб), надѣвши восковыя рукавицы?" — Лечу навѣдаться к липѣ, велика ли она выросла [1]). — Густа, высока я выросла, вѣ-

---

[1]) С этим началом параллельны начала двух других пѣсень: а) „Куда ты поѣдешь, братец, надѣвши бѣлыя рукавицы? — Поѣду навѣстить сестру; слышу, обижает ее чужанин (муж)", Magaz. l. c. 174, Спрог. 241—2; б) „Куда поѣдеш, братец, обувши бѣлыя ноги? — Ты сестрица неспрашивай. Подай мнѣ меч, поѣду в золотой лѣс. — „Привези мнѣ золотую

Digitized by Google

тви опустила в Двину. Я сломлю верхушку, брошу в морскую глубину. Найдут моряки-рыболовы, возьмут меня в лодку, повьют шолковым пологом, отнесут в церковь Маріи, положат в золотую колыбель. Положив в колыбель, зовут ангеловъ укачивать. Укачивали два божьи сына, укачивая, ухаживая (ожидая?) выкачали красную дѣвицу". За тѣм слѣдуют стихи непонятные мнѣ, а по видимому и и издателю, которому принадлежат вопросительные знаки:

Paziešt (?) sowu mamuleniu.
„Kur tu biei miła motie?"
„Szym godym po jureniu lidineju
Por pałaku wanadzianiu". (?)

Предпослѣдній стих испорчен вставкою „szym godym" [„Этими годами (этим временем?) я носилась по морямъ сивым соколом (v. сѣрым ястребом)" ?], Magaz. d. Lett. Ges. l. c., 168—9. Варіант у у Бривз. N 123 начинается съ „Я сломила вѣточку" и кончается такъ: „Качает, лелѣет ее Марія, и выросла красная дѣвица съ золотыми волосами и бѣлорумяным лицом".

Эпизод Калевалы о прекрасной Айно представляет нѣсколько точек соприкосновенія со славянскими пѣснями. Так Айно вяжет три (банные) вѣника (= вѣнки слав. п.) для отца, матери и брата, но не для стараго Вейнемейнена, за котораго нехочет идти за-муж. Она говорит, что лучше ей утонуть в морѣ чѣм выйти за старика [1]). Когда

вѣтку". Из этой золотой вѣтки свила я себѣ вѣночек, вошла в церковь, господа спрашивают: „Гдѣ ты взяла? Кто тебѣ дал? — В Ригѣ купила, деньги дала, в Нѣмеччинѣ сковали" (Magaz. ib. 169).

[1]) Ср. на пр. вр.:

На дно моря пойду, за стараго нейду;
ручки недаю!
Незамай мое тѣло вода размывает,
Незамай мое бѣло рыба разъѣдает,

Digitized by Google

она утонула, мать плачет по ней в три ручья, три потока, на каждом три водопада, в каждом водопадѣ по три скалы, на каждой скалѣ по зеленому холму, на каждом холму по три зеленыя березы и на каждой березѣ по три кукушки, при чем однако всѣхъ кукушекъ только 3: одна три мѣсяца кукуетъ (по?) дѣвицѣ, другая 6 мѣсяцев осиротѣлому жениху, третья — всю жизнь — бѣдной матери. — Это измѣненіе мотива извѣстнаго всѣм славянским племенам, литовцам и лотышам скорѣе пришло с юга на сѣвер, чѣм на оборот.

Среди такой обстановки находится слѣдующій мотив.

Когда мать Айно была еще в дѣвках, дѣва солнца дала ей золотые дары (пояса и пр.), дѣва мѣсяца серебряные. Дѣвица от радости два дня неснимала их с себя, на третій спрятала их в сундук, гдѣ они лежали до возраста ея дочери. Айно надѣвает это *солнечное* и *мѣсячное платье* и в горѣ от предстоящаго замужества, приходит к берегу моря. Утром *при восходѣ солнца* она увидала вдали — 3 дѣвицы купаются. Она сняла платье и поплыла к ним, по пути сѣла отдохнуть на камень, камень погрузился на дно и Айно утонула. Утопая, она говорила: „пусть никогда мой отец незакидывает сѣтей в этих водах, мать неберет отсюда воды для дома, брат непоит здѣсь коня, сестра неумывает своего лица“, п. ч. „эти воды смѣшаются с моею кровью и рыбы здѣсь будут питаться моим тѣлом“ (Кал. перев. Гранстрема, 25).

Солнечное и мѣсячное платье утонувшей приводят на память слѣдующую словацкую пѣсню, которая по размѣру $^2(6+6)$ отчасти или вполнѣ сходна с вышеприведенными мр., болг., хорв. (стр. 206, 210, 212), а по общему характеру подходит к другим пѣсням того же раз-

---

Незамай мою косу волна разбивает,
Незамай мою русу трава первивает,
(Кохановь., Нѣск. р. п., 94—5).

Digitized by Google

мѣра и разряда (см. мой Разб. пѣсень Голов., 47 слѣд.).

Naša pani kňahne po palote tiahne,
Piesеňku si spieva, slzami zalieva:
„Bože môj, Bože môj, čo som urobila,
„Za tebä, suhý býl, ružu som pustila.
„Keby bola išla za Dunaj za králá,
„Za Dunaj za králá, za Nemca císara,
„Bola by videla jak to more ihrá,
„Jak to more ihra, jak ten Dunaj splýva“.

Конюх подслушивает эти сожалѣнія и доносит ея мужу, который приказывает:

„Pani moja, pani, obliekaj si šaty
„Čo sa budú rovnat' slnku i miesiaci.
„Pojdeme sa dívat' jak to more ihrá,
„Jak to more ihrá, jak ten Dunaj splýva“

и заставляет ее трижды переплыть Дунай:

„Mojou kňahňou budeš, keď tretí raz prejdeš.

За третьим разом она тонет. Он:

„Rybári, rybári, lapajte mi rybu,
„Lapajte mi rybu, môjmu srcu líbu.

За первым разом вытянул он ея вѣнец, за другим „rubok“ за третьим саму (Sb. Matice slov., I, 41).

В моравской п. весняночнаго размѣра Дунай должен переплыть жених:

Tam z tej strany Dunaju
Tam se chlapci scháziju
Sobě hadky dávajú:
„Kdo ten Dunaj přeplyne,
„Ten to děvče dostane“
(Suš., Mor. n. p., 189).

Тот же мотив без всякой вѣроятности заимствованія с одной или другой стороны, в колядкѣ (запис. в Вилен. губ., сообщенной мнѣ студ. Садовским):

Посеред двора широкаго,
Там плывець Дунай цихусяньki,
Там стоïць явор зелянюсенькi.

Digitized by Google

„Хто геты Дунай пираплывець,
„Хто геты явор пирасячець?
Адазвався малады N
„Я геты Дунай пираплыву,
„Я геты явор пирясяку.

С этим ср. купальскую (Шейн, Бр. п., 164):

У короля сирад двора
Божа ж мой!
Тынок высок, Дунай глубок.
„Хто геты тынок пираскочиць,
„Хто геты Дунай пираплывець,
„Каралевночку за сябе возмець.

Исполняет эти задачи не N, а N (величаемый).

Превращеніе убитой. К другой группѣ, отличной от пѣсень о Ганнѣ по размѣру (основной разм. 4+4), принадлежит купальская у Чуб., III, 213, А:

Торох, торох (v. порох 2.) [да] по дорозі,
Голос, голос [да] по диброві...
...[Ой] то брат сестру зарубать хоче,
[А] сестра (в) брата [да] просилася:
„Ой братіку, муий голубчику!
„Нерубай [ти] мене й у субуитоньку,
(Зарубай мене й у неділеньку)
Й у неділеньку [рано] пораненьку,
Посічи [ти] мене [да] на друибен мак
[Да] посій [ти] мене й у трох городочках,
Й у трох городочках [да] на трох грядочках,
[А] й уродиться да трой зіллечко...
[Що] любисто(чо)к [за] для любощей,
[А] барвіночок [за] для дівочок,
[А] василечок [за] для пахощей.
...[И] до церкви йдуть [и] васильки несуть
...[И] мене спомянуть, [и] тебе прокленуть.

Послѣ 15-го ст. въ этом вар. пропуск, дополняемый дру-

Digitized by Google

гими варіантами: Б (Чуб. ib.) и В (Черн. губ. Вѣд. 1855, N 21, мѣстечко Юриновка Новгород-сѣвер. у.):

Порах, порах па дарогах,
Иване, Иванесеньку!
Сестрин галасок па дубровах:
Сестра в брата просилася:
„Братко-ж ты мой да й Иваначку!
„Негуби мене да й у барочку,
„Приведи мене да й да дамочку,
„Загуби мене в неделячку,
„Як измыю да й галованьку,
„Да й заплету русу косаньку.
„Загуби мене в-край дарозі (v.)
„Абсей мене гваздычками
„Абсады мене василёчками,
„Девачки йдуть, гваздычкы рвуть
И мене зпаминуть:
„„Тут спить—лежить Иванава сестра!“
„Парабочки йдуть, стрелачки рвуть
И мене зпаминуть:
„„Тут спить—лежить Иванава сестра
Да й Анюшачка!“
(Маладички йдуть) василёчки рвуть
И мене зпаминуть...
Иване, Иванесеньку.

Пѣсня эта извѣстна и как русальная (Чуб. III, 191), стало быть вовсе не исключительно приурочена к Купалу. Весьма вѣроятно, что она, как и пѣсни о тонущей дѣвицѣ, примѣнялась к выходу замуж. Превращеніе в цвѣты можно сблизить со свадебным мотивом: невѣста сѣет свою красоту, долю (Гол. IV, 216, 235—6; 212), которая выростает цвѣтами, достается другим дѣвицам (ср. мое соч. Сл. о П. Иг., 57—9); оставляет свои цвѣты на память матери, сестрѣ—дѣвицѣ (Чуб., IV, 258, 405), как оставляет она свой дѣвичій вѣнок (Чуб., IV, 178; ср. Гол., I, 178), свой портрет (Гол., IV, 217).

Digitized by Google

Польскій вар. (Kozłowski, Lud etc., 41—2) мотивирует убійство тѣм, что сестра непослушалась брата, уѣхавшаго на войну, потеряла вѣнок, привела дитя. В этом, но не въ слѣдующих стихахъ пѣсня самостоятельна по отношенію к мр.:

Porumbciez me w drobny macek,
Zasijciez me w ogródecek,
(Za)sijcie me we świtanie,
Jok nojrońsy ptasek wstanie;
Wyrośnie ze mnie troje ziela...
Rutka, lelijo i sołwija;
Bendo tamuj panny pytać
O grzeczny Kasi bendo spiwać.

Нѣкоторые русс. вар. (Чуб. III, 191; 213—4, Б; Безс., Бр. п., 43; ср. и Шейн, Бр. п., 156) раціонализуют превращеніе:

...поховай мене,
Обсади мене трома зільями.—

Потеря перстня дѣвицей (мотив, о котором будет рѣчь и ниже) переносится в хорв. пѣснѣ на св. Юрья, как можно думать, лишь на том основаніи, что пѣсни, в коих встрѣчается этот образ, совпали по времени с днем св. Георгія:

Свети Јура крес наложил
На Јурјеву на вечерју,
Димо пошел, перстен згубил.
„Иди, љуба найди га...
(Kukuljević, Dela, IV, 249).

Подобным образом смерть и превращеніе в растенія в слѣд. купальской п. приписаны Ивану:

Йване Йвашеньку,
Та непереходь та дороженьки,
Купала на Йвана!
Купався Йван та в воду упав,
Купала на Йвана!

Digitized by Google

Як перейдеш, виноват будеш,
Виноват будеш, й коника збудеш.
Як поймаем, порубаем
На дрібен мак, на капусточку,
Та посіем в трёх городочках...
...Та виросте з тибе три зілини...

(Метл., 310; В. Пасек, Оч. Росс., I, 96:

...Посічу тебе на капустоньку
Та посію тебе у трёх городцях.
Та вроди, Боже, трое зіллячок...).

Мотив убійства — переход через дорогу — может быть первообразен и имѣть миѳическія основанія.

Черты „в воду упав“, „коника збудеш“ в самой этой пѣснѣ неимѣющія значенія, намекают на существованіе другой, сродной, с коей они тѣснѣе связаны, в родѣ на пр. слѣд. купальской же того же размѣра (5+5):

Иване, Ивашеньку!
Та неграй конем да по над морем,
Иване, Ивашеньку!
Да Дунай-море да й урічливе,
Урочу [1]) я тебе и коня твого
Коня вороного, тебе молодого [2]),
Збру(о?)ю твою да козацькую,
Красоту твою молодецькую.
Збру(о?)ю твою на возах везуть,
Красоту твою на руках несуть,
В збру(о)ю твою убіраються,
украшаються...

У Чубинскаго, III, 221—2 непосредственно за сим идет пѣсня того же размѣра на тему: „вдову легко брати а важко житы“, а дѣвицу на оборот, извѣстная, как самостоятельная веснянка (Чуб., III, 114—5). Причина сшивки этих двух пѣсень, кромѣ единства размѣра, может б. та, что и первая, несмотря на реалистическія черты взя-

[1]) Кто говорит? море?
[2]) Можно бы ожидать „коня вороньця й тебе молодця“.

Digitized by Google

тыя из козацких пѣсень, примѣнялись к сватанью и браку. Возможность такого пониманія дана была стихом:

„Та неграй конем та *понад морем*“, ибо „ходити коло води“=любить, ухаживать:

Ой неходи коло води, бо з берега втонеш;
Ой нелюби багатої, убогую візьмеш
(Чуб., V, 38; ср. Гол., IV, 473).

Ой неходи по-над воду, бо в полонку впадеш;
Ой нелюби чужих жінок, бо кайдан неввійдеш

и пр. (ib. IV, 517).

Ой неходи коло води білими ногами,
Неуривай серця мого чорними бровами.
Ой неходи коло води, нехай тя забуду;
Нехай тебе инший любит, я тебе небуду
(Гол., II, 271).

Ср. ib. 753, 91, а по первому стиху ср. слѣд.:

Ой неходи коло води, жовтоногий кібче:
Єсть у мене кращий тебе, доріженьку втопче.
Ой неходи коло води, жовтими ногами:
Єсть у мене кращий тебе з чорними бровами
(От черноморца).

Совершенно явственно тоже значеніе (=ухаживать, любить) у Гол., II, 403—4 (NN 739—742 должны быть соединены в одну пѣсню). Отсюда понятно слѣдующее:

Куди хожу, туди хожу, а все по-над воду

(т. е. чтобы ни дѣлала, а все—мысль о нем; а между тѣм)

Гей неприйде мій миленький на мою незгоду
(Гол., II, 407).

Ходит милий над водою, сітков рыбу ловит;
(а между тѣм)
„Щось до мене, пане брате, дівчинонька неговорит
(Гол., III, 136).

Ти на тім боці, я на сім боці,
Обоє над водою;
Несуди-ж ти мене, серденько моє,
Стоячи з другою (Чуб. III, 175),

т. е. хотя мы в разлукѣ, но любим друг друга, поэтому...

Digitized by Google

Отношеніе образа „быть у воды“ к началу пѣсни „...Вівчарь вівці ганяє“ см. в моем Разб. пѣсень Головацкаго 20.

По отношенію к значенію „коло води“ образ дѣйствующаго безразличен. Ср. выше „жовтоногий кобець“ и ниже лебедь, голубь: Чуб., V, 224; Гол., III, 386—7, 780.

Упасть с коня в воду = жениться, Голов., III, 819; IV, 445.

Превращеніе сгорѣвшей (сгорѣвшаго).

Б. м. не случайно, а в силу принадлежности к одному и тому же разряду и в силу связаннаго с этим древняго сродства образов, выше разсмотрѣнныя пѣсни о тонущей дѣвицѣ и по размѣру сходны с пѣснями о горящей липѣ — дѣвицѣ. Ср. русс., серб., болг. п. о тонущей, на пр. серб.

Бјелила Маре дарове (стр. 71—4, 194)

и морав., хорв., поль., русс. о горящей, на пр. поль.

Pod borem sośnia stojała
A pod nium panna gorzała
(стр. 180 сл.).

Пѣсни о превращеніях утонувшей (убитой, убитаго) отличны по размѣру (6+6 и 4+4). Этим ослабляется ожиданіе подобнаго случая, именно пѣсень о превращеніях сгорѣвшей (сгорѣвшаго). Тѣм не менѣе вѣроятно, что этот мотив, как самостоятельный или главный, существовал, облеченный в размѣр 5+3, ибо в качествѣ второстепеннаго, он вошел в нѣкоторые вар. пѣсни о дѣвицѣ утопившей свое дитя и за то казненной. В одних вар. палач ей рубит голову (Suš., Mor. n. p., 158) или бросает в рѣку (Suš., ib. 157; Kolb., P. l. pol., 155 сл.). Послѣднее дает повод внести сюда вышеразсмотрѣнный мотив: дѣвица тонет, отец и мать ее неспасают (Kolb., ib., 166—7). В других вар. — сожженіе:

...I zapalcie ją (Kasię) na polu
I naróbcie z niej popiołu и пр. (Kolb. ib. 153).

Digitized by Google

Или она сама говорит когда ее сожигали:

Naróbcie ze mnie popiołu
I rozsiejcie mnie po polu.
Wyrośnie ze mnie róży kwiat
Będzie mnie płakać cały świat и пр.
(ib. 154, 161).

К малорусской купальской (см. выше стр. 352):

Посій мене в трёх городках,
Уродиться тройзіллячко:
Любисточок для любощей,
Барвіночок для дівочок,
Василечок для похощей

примыкает болгарская хороводная (от хоро), в которой сожженіе является уже сознательно-иносказательным поэтическим образом:

Море велико, море кадуно!
Изгоре ме, опали ме,
Учини ме сухо дрво,
Сухо дрво яворово.
Земи телка [1]), осечи ме,
Та ме стакни (в) силен вогень,
Яз ке стана прах и пепел.
Та ме збери в тенки скути,
Та ме фрли в градина-та,
Градина-та басиљок-о.
Яз ке никна жълто цвеħе,
Да ме береш мале китке.

Сходно с этим в вар. Милад. 376—7:

Да го сеиш (пепел) во градина
Да израстит рамн босиљок,
(Рамн) босиљок киска цвеке,
Да го берат девойки-те
Да го посѣт в пазу'и-те [2])

---

[1]) Сѣкира.

[2]) Вар. у Верковича, Н. п. Макед. Буг., 53—4 к приведенным выше стихам 1—12 присоединяет другой мотив. Обо-

Digitized by Google

Болѣе длинный ряд превращеній в слѣд.:

Ако умрам, да нежаляш,
Да не жаляш, да неплачиш,

ротившійся в цвѣток просит:

Ми недавай на моми-те,
Че моми-те лудо носат:
Ден ваздаден на глава-та,
Вечер ке си дома дойдат,
Ке ме свалет от глава-та,
Ке ме фрлет [1]) сред кашта-та,
С'утром рано ке да станат,
Ке да сметат рамна кашта,
Ке ме фрлет на бунište [2]).
Да ме дадеш на момчета,
Че момчета мудро носат:
Ден вазда ден на глава-та
Вечер ке си дома дойдат,
Ке ме кладот студна йода,
Ке ме земат от вода-та
Ке нареде на глава-та.

Этот мотив, как самостоятельный, в серб. п. того же размѣра:

...Невен цвијет проговара...
...Јунацим' ме недавајте,
Јунаци ме ружно носе:
Об дан носе за саруком
А у вече веће баче,
А ја јадан веће вехнем.
Ђевојкам ме раздјелите:
Ђевојке ме добро носе:
Об дан носе за јашмаком,
А у вече у водицу,
А у јутру у недарца
Тад невехнем, него чезнем.

(Кар., Пјес. из Херц., 252. Другая сходная п. „Смиљ се тужи" id. Пјес., I, 382). Болѣе далека и отлична по разм. 5+3 мр. веснянка (Чуб., III, 68; Гол., IV, 166: Роман зілля копає) и бр. того же размѣра купальская (Шейн, Бр. п., 151):

(Ой) у гарóдзе над тынком
Дваранін зелля копаїць.

---

[1]) Бросят средь избы. [2]) Сметник.

Да ме зе'иш во екуте'и,
Да м' однесиш на гемія,
Да ме фрлиш по море-то.
Ке се сторам морска риба,
Ке ме фатет влакари-те,
Влакари-те, рибари-те,
Ке м' иста'ет на ноф пазар.
Ти д'излезиш да ме купиш,
Да ме вариш, да ме печиш,
Ке се сторам праф и пепел.
Да ме збериш в ал шамія,
Та да пойдиш во градина,
Тамо да ме испосеиш,
Ке излезам рамн босильок,
Що го носет девойки-те
Девойки-те в пазу'и-те;
Ке излезам бяло цвеке
Що го носет юнаци-те
Юнаци-те пот фесо'и

Милад. 458 (ср. тоже ib. 378—9 (N 296), 387 (N 318).

Digitized by Google

IV.

Веснянки (Петровочныя, Купальскія) размѣра 5+4.

Размѣр ²(5+4), представляющій возможность растяженія второго метра до 5-и слогов, на пр. „Ой весна, весна | (та) весняночка“, столь же характеристичен для весенних и лѣтних дѣвичьих пѣсень, как размѣр ²(5+5) с припѣвом — для колядок. Ср. на пр.

— „Ой весна, весна да весняночка“,

веснян., Чуб. III, 113.

— „[Ой] на морі утка купалася“,

весн., Чуб. III, 134—5; Шейн, Бр. п. 121—2, купальская ib. 155 и весн. Чуб. III, 146.

В мр., бр. варіантах утка

На бережечку *сушилася;*
Дівка (Оленка) *журилася*...,

т. е. переходъ мысли, как в словѣ *сухота,* печаль. В Ст. Осколь. у. пѣсня с таким же началом — свадебная, основанная на другом сближеніи, извѣстном и в мр. свадебных (Чуб. IV, 181, 354): утка боится холодной воды (лютаго мороза), дѣвица — лютаго свекра („На морѣ утушка купалася“, Кохановская, Остатки бояр. пѣс. 94, Р. Бес., 1861, II).

— В предыдущую веснянку вводится ст. „Чи було літо, чи не було“, неумѣстный в веснянкѣ, собственно принадлежащій слѣдующей Петровочной.

Та Петрівочка минається!
А чи було літо, чи не було,
Чомусь воно мені недокучило;

Digitized by Google

Що я молода[я] негуляла,
Що я челядоньки невидала.
Мене моя мати непускала,
Та й у комірочку зачиняла,
Золотим замочком замикала,
[А] замикаючи [при]говор[юва](и)ла:
„Оттут сиди, доню, в комірощці,
„Поки розійдуться вечерниці!"
А я [в] комірочку підкопала[ся]
Пішла на улицю, [на](по)гуляла[ся].
Иду из улиці нагулявшися,
Сидять вороженьки повисипавшися

(Волч. у.; ср. Метл. 328: Чуб. III, 132, 146).

— Весн. „Та дубрівная (та) зозуленько" Метл. 305; Чуб. III, 144—5 (А. Ст. 1—9, Б.); Голов. II, 680. Это жалоба невѣстки, или дѣвицы, которая представляетъ себя уже невѣсткой.

Сходны по началу, но другого весняночнаго размѣра 5+3+3, пѣсни у Голов. II, 179, 183.

— Весн. „(Ой) у горо́ді у холоді", Чуб. III, 155 (как мать будет горевать, выдавши дочь за-муж).

— Весн. „Ой горе, горе, сухий дубе" (см. выше 139; и слѣдующій вар.:

Ой сухий дубе, гориш дуже,
Паше поломъя через воду, 2
Ой через воду, на слободу, 2
Де Катерина біль білила, 2
А біль білила, шиття шила, 2
Й та к тому шиттю говорила: 2
„Ой шиття мое білесеньке! 2
„Ой як я піду за милого, 2
„То виперу тебе в Дунаєчку, 2
„Висушу тебе на сонечку, 2
„Скачаю тебе на столичку, 2
„Сховаю тебе у скринечку". 2
Ст. 13—18=1—6
19 „Ой шиття мое тонке біле! 2

„Ой як я піду за нелюба, 2
„То виперу тебе в калюжищі, 2
„А висушу тебе у димищі, 2
„Та скачаю тебе на землищі,
„Сховаю тебе у боднйщі“.

(Волч. у.) „Біль білила“ см. также Шейн, Бр. п. 132.

— Петровочная „Малая нічка Петрівочка“ (см. выше 140) и купальская „Малая ночка купалночка“ (ib. ср. Шейн, Бр. п., 157).

— Весн. „Летіли гуси зизаючи“ (величанье своего села и насмѣшки надъ чужимъ), Чуб. III, 161—2.

— *Петровочная*:

Ой під вербою зеленою
Там стоять коні на припоні 2
И посідлані й понуздані, 2
Ой тілко сісти, поїхати 2
Та й у Рубіжню дівок сватать. 2
Та й у Рубіжні дівки багаті:
Шиють рушнички з крамниночки,
Торочять торочки з чорного шовку

(Волч. у.), 2-я половина (Там, (т. е. в другом селѣ N), усе дівки убогиї) опущена. Ср. Чуб. III, 114—5.

— *Купальская*:

Та купалочка з купала йшла
Та кропом очі завішала,
А в зуби ріпи натикала.
А їй же люде дивуютьця.
„Та недивуйтеся, дивні люде!
„Я бачила (диво) ще дивнійше;
„Що рак-неборак цівки суче,
„Муха-горюха діжу місить,
„А комарь пищить, водицу тащить:
„„Ой як би мені не перелази,
„„Тоб приніс [водиці] (и) ще [й] чотирі рази.

Волч. у.

Ср. три хорошіе вар. у Шейна, Бр. п. 148—9, испорченный у Чуб. III, 200—1 (Из Б. р. н. Терещ.)=Безс. Бр.

Digitized by Google

п. 54, с ошибочными объясненіями того, что значит „рак на буйрак“ (т. е. неборак) и цівки“.

— Весн. „Ой під вербою [да] неметено“, Чуб. III, 126, Купаль. ib. 210.

— См. также купаль. у Чуб. III, 211, 212, 213—4, 219, 220.

До чего исключительно этот размѣр принадлежит весенним и лѣтним пѣсням, видно и из того, до какой степени он необычен в пѣснях другого содержанія, неприуроченных к веснѣ и лѣту. В V-м т. Сб. Чуб., заключающем в себѣ образцы почти всѣхъ употребит. размѣров, всего 1884 N пѣсень. В этом числѣ пѣсень размѣра 5+4 около десятка, при том почти исключительно таких, которыя или суть веснянки, петровочныя и пр. или ведутъ отъ нихъ свое начало.

Т. о. пѣсня „Ой ти дібровная зозуленька“, Чуб. V, 688—9 есть прямо петровочная, а сходная съ нею по началу п. Чуб. ib. 360 (706), находащаяся и во внутренней связи с предыдущею, имѣет размѣр 5+4 только в первых двух стихах, чѣм быть может указывает на свое происхожденіе, а затѣмъ переходит в 4+4.

Можно попытаться возстановить первообраз этой пѣсни, напоминающей Theilung der Erde Шиллера и вр. стих у Безс. Кал. I, 1—7) или таким образом:

Боровая зозуленько!
Чому рано некувала,
Чому правди неказала?
Чому рано незбудила?
Чужі дівки рано встали,
Щастя—долю розобрали;
Я молода спізнилася,
Лиха доля зустрілася и пр.

или в размѣрѣ 5+4.

П. „Ой ти утка сіра луговая“ есть прямо великорусс. плясовая, т. е. всетаки веснянка (Сах. Ск. Р. н. I, 3, 87; Шейн, Вр. п., 218), весьма распространенная до Харьк. г.

Digitized by Google

включительно, своим размѣром и характером доказывающая, что разсматриваемый разряд пѣсень непринадлежит исключительной малорусской пѣсенности:

Ой ты утушка луговая!
Люли, люли луговая!
Ты (и)гдѣ спала—ночевала?
Ночевала я в лужочкѣ,
Под ракитовым под кусточком,
Под калиновым под листочком.

—

Уж как шли прошли скоморохи,
(=Тут ишли—прошли три вдалые,
Три молодчика молодые)
Они срѣзали по пруточку,
Они сдѣлали по гудочку.
„(˘ ˘), вы, гудки, негудите,
„Мово батюшку несбудите!
„Мой-ет батюшка спит с похмѣлья,
„Со великого перепою;
„Моя матушка за рѣкою
„(˘) Варит пиво (молодое?)
„(˘) Курит вино зеленое,
„(˘) поит зятя молодого
„Своего гостя дорогого".

Значит, как говорит дѣвица в другой мрусс. лѣтней, „Я одкрадуся, нагуляюся".

Извѣстная п. „Та орав мужик край дороги", Чуб. V, 1177, заключает в себѣ весняночную черту:

(v.) А там дівка Катерина
(Та вона) в Сулі ноги мила...

с чѣм ср. выше 139 и 144.

— П. у Чуб. V, 722 есть веснянка того же характера, как выше стр. 144.

— Б. м. под вліяніем таких веснянок, как выше 140, гдѣ „...Катерина с тонкою біллю говорила" к этому же размѣру склоняется один из вар. п. о дѣтоубійствѣ (Чуб. V, 363), пѣсни, коей болѣе исправные вар. имѣют другіе

Digitized by Google

размѣры: 6 + 4 (Укр. п. вид. Баллін. 67) и другой, въ п. тоже записанной мною, 4 + 4 [1]).

Столь же рѣдко встрѣчается размѣръ 5 + 4 между свадебными (на пр. Чуб. IV, 171). [2]).

За исключеніем упомянутых, остается еще два семейства пѣсень размѣра 5 + 4, заключающія в себѣ образы, которые я a priori назову *верба над водою* и *ремез*. Эти образы, различные по происхожденію, сближены между собою и, по видимому, не без взаимнаго вліянія, прошли весьма сходные пути развитія. Формальное их сходство состоит в том, что оба семейства в концѣ развитія дают поэтическія формы, принадлежащія к найболѣе сложным и совершенным, представляющія особаго рода сочетаніе символизма (иносказательности в тѣсном смыслѣ, когда

---

[1]) Послѣдняя замѣчательна по мотиву второго, ожидаемаго убійства, встрѣчающемуся и в дѣйствительности:

Катерина
(Вона) сина породила,
В колодязі затопила,
З буйним вітром говорила:
„Повій вітре буйнесенький,
„Та нажени чорну хмару,
„Спусти з неба дрібен дощик,
„Позаливая всі слідочки,
„Щоб туди люде неходили
„З колодязя води брати,
„Щоб дитяти незиськали
„Та батюсці несказали:
„Мій батенько *мене любить,*
То він мене з світа згубить!

[2]) Не чаще встрѣчается в V т. Чуб. и другой весняночный размѣръ 5+3 (на пр. 321). Пѣсня ib. 795 есть веснянка= приведенной выше, стр. 144. В свадебных этот размѣр обычен, но нѣкоторыя из этих свадебных суть веснянки, на пр. Чуб. IV, 80 (46), 249 (603), 322 (845).

Digitized by Google

сравниваемыя величины принадлежат к различным порядкам) и реалистической типичности.

Можно различать три способа пользованія поэтическими образами:

А. Когда словесное выраженіе находит только образ, а примѣненіе его держится лишь в мысли;

Б. Параллелизм, когда выражается сначала образ, потом примѣненіе, при том как равносильныя части цѣлаго;

В. Когда примѣненіе подчиняется образу или на оборот.

Первый случай такого подчиненія (В.), сравнительно мало извѣстный, состоит в том, что примѣненіе представляется сравненіем, объясняющим символическій образ:

...Там тобі, дубе, горе буде,
Як тій невістці у свекрухи.

Или:

Соловьеви діти погоріли...
...Ой як козаченьку без дружини,
То так соловейку без дитини

Чуб. V 850.

Второй случай, подчиненіе символическаго образа объясняемому, представляет нѣсколько видоизмѣненій: сравненіе в тѣсном смыслѣ при инверсіи (на пр. N мається, як горох при дорозі), припѣв, запѣв. Запѣву народной пѣсни в лично-поэтических произведеніях соотвѣтствуют такія формы, как на пр. вступленіе „Мѣднаго всадника", пролог „Руслана и Людмилы" Пушкина. Извѣстно, что этот пролог написан лѣт через 8 послѣ самой поэмы. В народной поэзіи скорѣе наоборот: подобный акт творчества состоит в соединеніи двух или болѣе пѣсень, первоначально самостоятельных, из коих та, которая становясь запѣвом расширяет сцену дѣйствія или углубляетъ его смысл, может быть древнѣе той, к которой присоединяется.

Что до сходства значенія разсматриваемых здѣсь образов, их т. ск. лексической синонимичности, то оно, если неошибаюсь, было замѣчено уже давно. Именно, мнѣ

Digitized by Google

кажется, что Г. С. Сковорода. († 1794) соединил в одно два свои, различныя по языку стихотворенія, на основаніи сходства значенія народно-поэтических образовъ, внушивших ему эти стихотворенія. Впрочем Сковорода, для выраженія основного правила своей жизни (см. эпиграф), равномѣрно переиначил оба образа: вм. „невий гнізда на ледоньку“ — „неклади гнѣзда *высока*“; вм. „нестій вербо над водою“ и „явір над водою“, поставил „явор над горою“ и „верба над водою“ в том смыслѣ, как дуб и трость в баснѣ.

„Господь гордым противится, смиренным дает благодать“.

Ой ты птичка желтобока!
Неклади гнѣзда высока;
Клади на зеленой травкѣ,
На молоденькой муравкѣ.
Вот ястреб над головою
Висит, хощет ухватить;
Вашею живет он кровью:
Вот-вот ногти он острит!
    Стоит явор над горою,
Все кивает головою.
Буйны вѣтры повѣвают,
Руки явору ламают;
А вербочки шумят низко,
Волокут мене до сна;
Тут течет поточок близко,
Видно воду аж до дна.
    На чтож м(е)нѣ замышляти?
Что в селѣ родила мати? (sic)
Нехай у тѣх мозок рвется,
Кто высоко в гору дмется;
А я буду себѣ тихо
Коротати милый вѣк.
Так минет мене все лихо,
Щаслив буду человѣк.

(„Сад божественных пѣсней, прозябшій изъ зерен священнаго

Digitized by Google

писанія". Ркп. Библ. Х. У.).

Зерна народной пѣсни, переродившіяся у старца Вар-Саввы, в свою очередь переродились в стихотвореніи В. В. Капниста († 1824), автора оды на рабство, который, по видимому, не слѣдовал примѣру Сковороды и нелегко мирился со своим „низким предѣлом":

К верху жаворонок вьется,
Над горой летит сокол,
Выше облаков несется
К солнцу дерзостный орел;
Но летает над землею
С мягкой травки на цвѣток
Нѣжной пылью золотою
Отягчённый мотылек.
Так и мнѣ судьбою вѣчно
Низкій положон предѣл:
В урнѣ роковой, конечно,
Жребій мой отяжелѣл.
Случай как ни потрясает
Урну, всё успѣха нѣт;
Как жезлом в ней ни мѣшает,
Жребій мой на дно падет.
Так и быть! Пусть на вершинѣ
Дубы гордые стоят;
Вѣтры буйные в долинѣ
Низким лозам невредят.
Если жь рок и тут озлится,
Что осталося?—Терпѣть!
Болѣ щастливый боится,
Чѣм нещастный умереть.

Digitized by Google

1. *„Ой нестій, верьбо, над водою“*.

Веснянка и купальская:

Ой нестий, вербо, над водою,
Непускай гилья по Дунаю:
Ой Дунай—море розливае,
И день, и нич прибувае,
(Та) в верби корень пидмивае,
(И)з верху вершок усихае:
[Ой] стань (собі), вербо, на риночку,
У хрещатому барвіночку,
У запашному василечку.
(Маркев. Обычаи и пр. 12, Чуб. III, 205).

То, что это есть пѣсня весенняя и лѣтняя, а вмѣстѣ и традиціональное значеніе отдѣльных черт образа (верба=дѣвица, см. выше 156—60; разлив — горе, выход замуж, мое соч. Сл. о П. Иг. 73 сл.; барвинок, василек—символ дѣвства) показывает, что пѣсня противоставляет счастье дѣвицы участи замужней. Слѣдующая веснянка в вышеупомянутой формѣ уподобленія символа объясняемому, неоставляет мѣста сомнѣнію:

(Ой) нестій дубе при дорозі:
Там тобі, дубе, горе буде,
Як тій невістьці у свекрухи:
З ночі до ночі на роботі,
Прийде до дому—у скорботі.
Стань собі, дубе, у садочку;
У хрещатому барвіночку,
У запашному василечку:
Там тобі, дубе, добре буде,
Як тій донечці у матінки:
З ночі до ночі у таночку,
Прийде до дому у віночку
(Метл. 301; ср. купаль. Чуб. III, 207).

Б. м. сходное значеніе имѣет лотыш. п.: „низковѣтвистый дуб, зачѣм ты ростешь в долинѣ? Над тобою летают пчолы, мимо тебя ѣздят бортники и еще дѣвицы ло-

Digitized by Google

мают (твои) вѣтви, стоя на пригоркѣ". (Бривземн. в Сб. Дашк. N 216).

К этому же семейству веснянок должна быть отнесена безыменная п. у Чуб. V, 489—90 (А, Б).

Ой нестій, явор, над водою:
Да вода корень підмивае,
Да вітер гілле (об)ламае [1];
Да нейди, дівко за старого и пр.

Подобный вар. мог быть извѣстен Сковородѣ („вѣтры .. руки явору ломают").

Отсюда идет образ, иначе примѣненный в общеизвѣстной п. другого, менѣе первообразнаго размѣра (4 + 4 + 6):

Стоїть явір над водою,
в воду похилився;
На козака пригодонька,
козак зажурився . . .
(Ср. Чуб. V, 319, 421).

Б. м. от веснянки „Ой нестій вербо", под вліяніем пѣсень о любви, разлукѣ через ворогов и т. п., размѣра 5 + 7 (ср. Голов. I, 105—6; Чуб. V, 372; ib. 157; „Чи заміж іти, чи дівкою гуляти", Гол. I, 270; Этн. сб. III, 94—5) идет „лѣтняя п.":

Ой стоїт, стоїт вербонька над водою.
„Зімная вода крыніца пуд тобою:
„Ні ее піці, ані есці варыці
„Ой оно туолько козаченькоў чарыці".
„Ой очарыла, дзевонько, очарыла:
Сјеў вечерані, вечеронька неміла!"
—Бодай ты незнаў, як коніка седлаці,
Як я незнаю, чым цебе чароваці.
Ой очарыла ліхімі чаренькамі:
Бјелым ліченьком, чорненькімі очамі.
(Заблудовье, Этн. сб. III, 94).

[1]) „*(Об)ламáе*". Для размѣра я прибавил предлог. Существованіе таких архаических форм настоящ. вр. (не „обла́мує") для меня внѣ сомнѣнія.

Digitized by Google

Дальнѣйшее видоизмѣненіе образа в слѣд. п., гдѣ „чари“ =отрута:

Ой нестуй, нестуй, вербонько над водою,
Каламутная водиця пуд тобою:
Ні її пити, [ні з її] (ані їсти) варити,
Ой ино ею вороженькув труїти...
(Чуб. V, 132).

Ср. также Шейн Бр. п., 134 (195).

То что в весн. „Ой нестій вербо“ высказано, как совѣт („Стань собі, вербо, на риночку) в слѣдующей весн. изображено, как дѣйствительность:

Ой під вербою неметено,
Під зеленою непрометено.
Та устань, Галочко, ранесенько,
Обмети вербу чистесенько:
Ой там N (Ивасё) з крамом стане,
З хорошим крамом, обідцями;
Усім дівочкам роспродае,
Дівці Галочці даром дае. (Метл. 302).

Представленіе символа (верба = дѣвица) обстановкою ср. с подобными случаями, упомянутыми выше (стр. 160—1, 179—80; Разбор Пѣсень Головацк., 67—9). Относительно *мести* см. выше стр. 51. Т. о., при матеріализаціи символа, совѣт „обмести вербу“ значит тоже, что при параллелизмѣ (верба=дѣвица) — „час тобі, вербице розвиться“ (веснянка, Чуб. III, 194, 214).

По размѣру, к одному типу с веснянкою „Ой нестій вербо“ принадлежит польская:

Czego, kalino, w dole stoisz?
Czy się na górce suszy boisz?
(v. Czy ty się letniej...)
—Żebym się suszy niebojała,
W tém dole bym ja niestojała.—

Digitized by Google

A ty, kalino, rozwijaj się;
A ty, dziewczyno, rozmyślaj się!
—A jużem (ja) się rozmyśliła,
Ojća i matki odstąpiła.
(Przytulę-ć ja się do Jasieczka:
To mój ojczulek i mateczka).
(Kolb., P. l. P., 210, 214).

Ближайшая по качеству символа мр. п.

Червона калино, чого почорніла?
Чи суши боїсся, чи дощу бажаєш?

б. м. предполагает сходную с польскою пѣсню весняночнаго размѣра, примѣрно такую:

Чому калино стоїш в лузі...
...А ти, калино, розвивайся;
А ти, дівчино, розмишляйся.

„Калина в лузі“ = „дівчина в батька“; относительно „розмишляйся“ ср. свадеб.:

Нестій, вербино, розкидайся,
Несиди, Марусю, розмишляйся,
Чим свою свекруху називать будеш?
(Метл., 160).

Послѣдніе 4 стиха польской пѣсни, указывающіе на совершившійся выход из дѣвства, служат точкой прикрѣпленія к весняночному мотиву других, невесняночных: о потерѣ вѣнка и прижитом ребенкѣ (Kolb., ib. 214), о братѣ, который, пріѣхавши с войны, рубит голову сестрѣ, в дѣвках прижившей дитя (ib. N 18, a, c, e). Этот послѣдній мотив взят из самостоятельной пѣсни, другого размѣра (4+4) и напѣва (ib. N 18, g). Другой примѣр подобнаго уподобленія невесняночнаго мотива и размѣра весняночному представляет пѣсня:

W dole kalina stojała,
Drobne jagódki rodzała.
Ptaszkowie na niej siadali,
Drobne jagódki zjadali.
Panowie do nich strzelali

Digitized by Google

Kiej do wdownli jechali.
(Kolb., ib. N 20, a, b).

До сих пор это—весняночно-свадебный мотив (panowie = swatowie), который за тѣм становится запѣвом мотива „брат покупает у шинкарки сестру", как самостоятельная п. имѣвшаго размѣр 4+3:

Hej we Lbowie, we Lbowie
Zjeżdżają się panowie

(ib. N 20, c—g; Cp. N 20, a, b и h)=

У Києві на ринку
Пьють чумаки горілку (Ант. и Др. I, 283).

Для опредѣленія степени сродства малорусской и польской п. типа „czego kalino" (разм. 5+4) со слѣдующей словацкой, размѣра 4+4, слѣдовало бы знать напѣв этой послѣдней. Если бы в числѣ их оказались однородные с напѣвами польской п. (Kolb. ib. 207, сл. N 18 и слѣд.); то можно было бы сказать, что размѣр 4+4 в этой слов. п. производный, возникшій из 5+4:

Ty kalino, čo nerodíš,
Čo na prostried mori stojíš?
—Už som i ja zarodila
Červenyma kalinama;
Spodky vtački obzobali,
Vršky dievky oblámaly,
Chlapcom piera posielaly.—
A ja smutná nemám komu;
Poručeno Panu Bohu!
(Sb. Mat. Slov. sv. II, 46).

Море в подобной связи упоминается и в мр. веснянкѣ:

Ой верба, верба, вербіста,
Чого на море навісла? (Zieńk. 136).

Digitized by Google

В приведенной ниже пѣснѣ „Ой кудро“, по запѣву примыкающей к веснянкѣ „Ой нестій вербо“, есть черты („хтож тобі вербі *кудрі ізвив*“ и пр.), взятыя из другого, слѣдующаго семейства пѣсень:

А. *Колядка*, величанье дѣвицѣ, сводный вар. на основаніи вар.: Свидницкій, Великд. у Подол. Осн. 1861, Дек. 65; Чуб. III, 299, 474.

Ой хвалилася біла береза, Гой дай Боже!
Перед дубами (v. лісами) своїми витами:
—Хвались—не хвались, не ти кохала:
Кохали тобі вітри буйниї,
Вітри буйниї, дощи дрібниї.
Ой хвалилася кгречная панна
Перед дівками (v. дружками) своїми косами.
—Хвались—нехвались, не ти кохала:
Кохала тобі ненька старенька
Ясного сонця против віконця,
Ясної днини против кватири.
Від сего слова бувай здорова,
Не сама собою, з отцем маткою и пр.

Ст. 9—11 находят соотвѣтствіе в веснянкѣ:

Ой ти селез[е]ню—коси часті!
Хто ж тобі коси ці завивав?
—(Ой) завивала-ж мені утінка
Темної ночі на ставку,
Ясного сонця на плавку.—
Ой ти молóдче (v. N) кучерявий!
Хтож тобі кучері ці завивав?
—(Ой) завивалаж мені матінка
Темноі ночи при свіч(ецьц)і,
Ясного сонця биля віконця,

(К ист. зв., II, 17; ср. Сах. Ск. Р. н., 3, 215 (6)).

Б. Веснянка, сводный вар. на основаніи Чуб. III, 158 и 145; размѣр 5+4 с возможностью растяженія до 5+5 (даже 5+6).

Ой хвалилася [да] березонька:
„[Що] на мені кора [да] біленькая,

Digitized by Google

[Що] на мені листе [да] широкее,
[Що] на мені гілле [да] високее".
Ой одозветься зелений дубо[чо]к:
„Ой нехвалися [да] березонько:
Не ти сю кору [да] вибілила,
Не ти се[е] листе [да] широчила
Не ти се[е] гілле [да] височила:
[Ви]білило кору [да] ясне сонце],
Широчив листе [да] буйний вітер,
Височив гілле [да] дрібен дощик".
Ой хвалилася [молода дівчина] (дівчинонька):
„Що в мене коса [да] до пояса,
„Йу мене личко [да] білесеньке(е),
„Йу мене брівки [да] чорненькії!"
Ой озоветься [да молодой козак] (козаченько):
„Ой нехвалися [молода дівчино] (дівчинонько):
Не ти се[е] личко [да] вибілила,
Не ти сі брівки [да] вичернила;
Вибілило личко умиваннечко,
Вичернило брівки (малюваннячко)" [1]).

В. Свадебная, разм. 5+5+7, Чуб. IV, 350.

Послѣ того, как образ кудряваго дерева с подмытыми водою корнями опредѣлился в пѣснях, подобных вышеприведенным, он переходит из самостоятельнаго (А) или параллельнаго (Б) в запѣв (В) пѣсни о горькой долѣ быть за пьяницей, пѣсни возникшей независимо от этого запѣва и извѣстной без него, как веснянка (Чуб. III, 147) или „бесѣдная" (Шейн, Бр. п., 249). Т. о. возникает слѣдующее художественное произведеніе:

Сводный вар., на основаніи веснянки (Чуб. III, 117, N 8, Дорогичин, Кобрин. у.) и безыменной (Чуб. V, 586—9).

---

[1]) вм. „мулярнички" Ч. III, 145.

Digitized by Google

Ой кудро, кудро кудрявая,
Ой ти вербице зеленая!
Хто-ж тобі, кудро, кудрі ізвив,
Хто-ж тобі, вербо, корні підмив?
—Ой звили мені темні луги,
Темниї луги, круті береги;
Звила кудрята темна нічка,
Обмила корні бистра річка,
Обмила корні бистра вода...
Ой я молода, як ягода,
Непійду заміж за год, за два,
Та пійду заміж аж пъятого...
За пъяниченьку проклятого.
Ой кажуть люде, що він непъе,
Аж що вечора з корчми іде.
Та пропив коня вороного,
Іде до дому по другого,
А я молода против ёго
Несу рублика золотого,
Викуплять коня вороного.
„Ой як викупиш, люблю тебе,
„Як невикупиш, убъю тебе!"
Ой не раз, не два викупляла,—
Мені молодій одна шана:
З хати віконцем утікала,
В вишневім саду ночувала,
Із соловейком розмовляла:
Соловеечко як тёх, так тёх,
А я молода як ох, так ох!
А зозуленька куку! куку!
За що ж я терплю таку муку?

Как веснянка, это — предчувствіе; как неприуроченная ко времени, это—сознаніе наступившей доли. Такая молодая и прекрасная и такая несчастная! Завила кудри дѣвичья воля (луг—берег = батько—мати), подмыла корни горькая доля. Доля настигла, как ни откладывалось замужество, сколько ни тратилось замужем любви, смиренія, преду-

Digitized by Google

предительности. И *за что?* Характеристичный для мр. пѣсни вопрос без отвѣта, о которым еще встрѣтимся ниже.

Из других вар. упомяну Чуб., V, 489, 3:

Сосенко моя кудрявая...
...На тобі кора дубовая,
На тобі листя березовое...

Это явное искаженіе вм.

На тобі кора золотая,
На тобі листя джунджовое (=перловое),

что указывает на связь с фантастическим деревом, играющим важную роль в колядках.

На существованіе вар. с запѣвами о березѣ, указывают пѣсни, в коих эти запѣвы сжаты в один стих, стали намеком, неясным внѣ пѣсенной традиціи:

Бяроза, бяроза кудрявастая!
Дасталась мужу наравистому...
(Шейн, Бр. п., 246);
Бѣлая бярозынька водой замуціла,
Нящасная мая доля замуж пакруціла
(ib. 247).

Ср. Ой ель мая зелёная!
Свекроўка мая шалёная
Загадала мне работку рабіць... (ib.).

В болѣе первообразной и ясной формѣ параллелизма этот образ (береза) встрѣтился только в пѣснѣ других размѣров: 4+4 (который мы видѣли и выше в словац. п. „Ty kalina, čo nerodíš) и 4+6):

Зелёная берозенька!
Чему, бела, не зелёна?
—(А) як же мне зелёной быць
При дарозе стоючи?
Да што дзень купцы едуць,
На кореньях агне кладуць,
Церез гальё дымы ідуць...
...Красная дзеванька!
Чему смутна невесела?
—(А) як (же) мне весёлой быці!

Digitized by Google

Што дзень (то) госцейкі,
Што суботы то свацейкі
Што недзелі маршалачкі
Зелёное віно возець,
Мене маладое просець . . .

(Вил. г. Этн. сб., III, 205—6).

По размѣру, образу и его примѣненію, впрочем словесно невыраженному, к этой п. примыкает лотышская (Сб. Дашк. 59, N 236):

„Береза, береза, березонька! Кто тебя так опечалил? Холодный ли сѣверный вѣтер? Или жестокія руки мороза оцѣпенили твои листья? Или гнѣвный поток воды отполоскал от корней опору матери — земли?" — Не от мороза я застыла, и не вода меня одолѣла. Пришли, одолѣли „*сумпурни*", погнули — поломали мои вѣтви, притоптали — повырвали зеленую траву в березникѣ! Печально, печально каждое утро всходит красное солнце".

„Трава" и пр. в этой пѣснѣ находит соотвѣтствіе в мр. веснянкѣ разсматриваемаго здѣсь размѣра 5+4, в коей послѣ двух начальных стихов размѣра 4+4 (=4+3):

Ой схилився сухий дуб
На зелену дубрівоньку

слѣдует:

„[Ой] зелена ж моя дубрівонько!
Ой рано ж тебе спустошено,
На сіно траву покошено;
Тілько зосталось тройзілле(чко):
(Що) перве зілле барвіночок,
(А) друге зілле василечок,
А трете зілле любисточок.

(Чуб. III, 157).

Как в мр. и вр. пѣснях сваты представляются вражеским войском, Литвою, родня жениха — Татарами (см. выше 179), так сватам — купцам вышеприведенной бр. пѣсни соотвѣтствуют в лотышской *sumpurni*. *Sumpurnis*, *sumpuris*, по Ульману (Lett. Wb.), hundschnauze, песиголовец, людоѣд; но может быть это объясненіе основано на случайном

Digitized by Google

сходствѣ с лот. *suns* собака и *purns* рыло, морда.

Сюда примыкают мр. пѣсни, в коих в той же роли по отношенію к дубровѣ или березѣ, как купцы и Сумпурни, являются Татары, гусары, рекруты (Ант. и Драг., Ист. п., I, 77—9, 84; Zieńkiew., P. l. Pińsk., 398 сл.). Отношеніе этих пѣсень к тому или другому татарскому набѣгу, „к какому нибудь дѣйствительно случившемуся ... плѣненію Татарами дочери какого нибудь волынскаго вельможи, который имѣл настолько власти, чтобы гнаться за Татарами“ (Ант. и Др., l. с. 84), на мой взгляд, возможно как позднѣйшее наслоеніе (в родѣ замѣны Татар или им подобных рекрутами), как примѣненіе образа, имѣвшаго прежде другое значеніе: как береза, так и полонянка—невѣста.

Одна из упомянутых пѣсень о березѣ и татарах, именно Wacł. z Ol. 443=Гол. I, 101=Ант. и Др. I, 77, представляет трудность, которая небудет устранена до появленія лучших варіантов.

Береза говорит:

„Підо мною Татари стояли...
... *Самборівці* шапочки зносили
Та й гультая живцем на паль вбили.

Ант. и Др. I, 77: „вѣроятно тут есть намек, что Самборовцы побили гультяевъ — татар во время ночного роздыха и сносили их шапки, т. е. попользовались их добычею“. А м. б. „*Самбурці*“ по отношенію к березѣ, были первоначально в той же роли, что и Татары и „*Сумпурни*“ лотышской пѣсни?

Digitized by Google

II. *Ой ти ремезе, ремезоньку* и т. п.

1. *Ремез.*

Слѣдующая пѣсня поется как щедровка, но. судя по основному размѣру 3+4, отличному от господствующаго, почти исключительнаго размѣра щедровок (4+4) и колядок (5+5), и потому, что варіанты ея встрѣчаются как веснянки, возникла из веснянки.

Ой [ти] ремезе, ремезоньку,
Щедрий вечер!
(Та) невий гнізда на ледоньку,
Бо ся лед[онько] буде розбивати,
Твоє гніздонько [буде] потапати;
5=1
6 Вий си гніздонько на явор[онь]ку:
[Як ся яворонько] (явір ся) буде розвивати,
Твоє гніздонько [буде] прикривати.
9 Ой (ти) Василю, Василеньку!
Нестав світлоньки у тещенька (тестенька?),
Бо ся тещенько буде (йме?) гнівати,
Твою світлоньку [буде] розкидати.
13=9
14 Став си світлоньку у батенька:
Хоть ся батенько буде (йме) гнівати,
Твою світлоньку [буде] прикривати.
(Золоч. окр. Гол. IV, 38—9).

Отец противопоставляется тестю, как выше в веснянкѣ „Ой нестій дубе“ мать — свекрови. Пѣсня говорит, каково быть „в приймах“ у тестя“, что может случиться с бѣдняком и сиротой, и каково—у родного отца. Варіант этой щедровки—на тему „милая лучше роду племени“:

Ой [ти] ремезе, ремезоньку!
(Та) невий гнізда на ледоньку:
(Бо) лед буде ся розмерзати,
Твоє гніздонько заливати.
Ой (ти) Гринуню, Гринуненьку!
Нестав світлоньки просто батенька:
Як ся батенько розгніває,

Digitized by Google

Твою світлоньку розкидає.

Тоже повторяется с измѣненіями в 6 и 7 ст.: матінки братчика и пр. Наконец

Ой (ти) ремезе, ремезоньку!
(Та) невий гнізда на ледоньку,
(Извий гніздечко v. та извий собі) в темнім лісі,
У темнім лісі на орісі,
У темнім борі, на яворі:
Явір ся буде розвивати,
Твоє гніздонько окривати.
Ой Гринуню . . .
Став си світлоньку просто милої:
Твоя милая [хоть] ся розгніває,
Твою світлоньку поліпляє.

(И. Галько, Нар. звыч. з окол. под Збручем, II, 25—6).

Щедровка у Чуб. III 450 представляет примѣр внѣшняго, неорганическаго сочетанія мотивов: „Ой ремезе . . . неклади хатки на лёдочку, бо" и пр.; „неклади . . . в ярім житі":

Яре жито будуть женці жати,
Твою хату розбірати;
„ . . . Неклади . . . в полі":
В чистім полі плужок оре.

Этот послѣдній ст. служит переходом к особому колядочному мотиву: „святые орють, Пречистая им ѣсть носит". Наконец

Наклади гніздо в густім лісі . . .

Тот же расширенный образ — в гаёвкѣ (веснянкѣ), Pauli, I, 24; Гол. IV, 170): „Ой римезю" . . . невей гнѣзда на леду . . ., а „на орісі", и не на нем, а „на яворі", и не на яворѣ, а „на сосні", и не ней, а

В гречної панни у світлиці . . .

Кромѣ распространеній, построеніе пѣсни — аналогичное с „Ой нестій дубе при дорозі" (см. выше и Метл. 301).

Ремез (по видимому, собств. artifex; *ремез* или *ремес* в этом смыслѣ предполагается литовским *remėsas*, ремесленник, и словом *ремество* из *ремесьство), род синицы (parus pendulinus, beutelmeuse), весьма искусно вьющей

Digitized by Google

гнѣздо яйцем или кошелем, лишь с небольшим отверстіем. Гнѣздо его, как я сам видѣл, хранится в малорусских домах, как талисман, по видимому, охраняющій „хату“ (и само гнѣздо, по словам пѣсни, есть „хатка“). По Котляревскому (Эн.) оно употребляется для чар, неизвѣстно, каких именно: ворожка, собираясь гадать о будущем,

...в горщичок наклала
Відёмських всяких разних трав,
Які на Костянтина (21 Мая) рвала,
І те гніздо, що ремез клав...

Г. Галько (l. c.) думает, что пѣсня совѣтует ремезу невить гнѣзда *на леду* только по тому, что в дѣйствительности он его вьет то в очеретѣ, то на деревѣ (над водою). Однако это наблюденіе объясняло бы только совѣт некласть гнѣзда над водою, который дѣйствительно и находим в слѣд. отрывкѣ:

Ой ти ремезо, [да ти] ремезонько!
[Да] немости гнізда [да по] над Десною,
Бо [Десна] Десни (з весни) [що день] прибуває,
Вона ж твоїх діток позатопляє (Метл. 368).

Эта форма образа, сходная с „Ой нестій вербо над водою“ (см. выше), может быть, есть первообразная. За тѣм она измѣнена, вслѣдствіе перенесенія на ремеза традиціонной черты другого образа. Совѣт пѣсни предполагает, что ремез кладет гнѣздо именно на леду. Должно быть, было такое повѣрье о другой береговой птицѣ, зимородкѣ (Eisvogel). Это гр. *ἀλκυών*. Тема — *ἀλκυον*, откуда *ἀλκυόνη*, морской зимородок; позднѣе в аттич. яз. со spir. asp., вѣроятно в силу сближенія с *ἁλσ*, море, откуда этимологія *ἁλκυών, παρὰ τὸ ἐν ἁλὶ κυεῖν*; независимо от греч., лат. alcedo (Curt. Grundz. d. Gr. Et. N 6). Сказанія древних сочетают эту птицу с *κῆυξ, κηΰξ* (из *καύαξ, καύηξ*, морская чайка (Curt. ib. ²496), с именем коей сходно слав. *чаица, чайка*.

По Овидію, Цеикс, сын Люцифера (*ἑωσφόρος*), тревожимый страшными видѣніями, ѣдет морем спросить совѣта у Дельфійскаго оракула и гибнет в бурю. Тѣло его

Digitized by Google

прибивает волною к тому утесу, с котораго высматривала его жена Гальціона, дочь Эола, извѣщенная снами о гибели мужа. Узнав тѣло Цеикса, Гальціона бросается в море;

. . . . . безсмертные боги
В птиц превратили обоих; одна им судьба; и по нынѣ
Вѣрны бывалой любви, и по нынѣ их брак неразрывен.
Поздней зимней порою семь дней безбурных и ясных
Мирно без слета сидит на пловучем гнѣздѣ Гальціона;
Море тогда безопасно; Эол, заботясь о внуках,
Вѣтры смиряет, пловца бережет, и воды спокойны
(перев. Жук.).

Подобныя сказанія повторялись учоными до XVI в. включительно. Геснер, зоолог, жившій в этом вѣкѣ, повѣствует: По Плутарху альціон — самое умное и почтенное из морских животных: по пѣнію, превосходящему пѣніе соловья, по быстротѣ полета, супружеской любви, прилежанію; гнѣзда его, построеннаго корабликом, немогут ни перевернуть, ни потопить морскія волны; он сплетает рыбьи кости в щар, вытягивает этот шар в длину, как челнок и прикрѣпляет к берегу, так что его нелегко оторвать камнем и желѣзом. Дверцы гнѣзда альціон устраивает из разбухающаго вещества, и входит в гнѣздо, выдавливая воду из дверец. Аристотель говорит, что это гнѣздо похоже цвѣтом на губку, а формою на колокольчик или баночку с длинной шейкой. Альціон *высиживает яйца в серединѣ зимы*... Нѣкоторые говорят, что гром небьет в тот дом, гдѣ находится гнѣздо альціона; что это гнѣздо охраняет сокровища и удаляет бѣдность (Брем, Птицы, I, 147—8). „*Алконостъ*“ русских азбуковниковъ „птица есть, имѣет гнѣздо на брезѣ песка, вскрай моря, и ту кладетъ яица своя. Время ж изытія чадъ ея въ зимній годъ бываетъ; но егда почютитъ изытіе чадомъ ея, взымаетъ въ яицахъ чада своя и носитъ я на среду моря и опущаетъ въ глубину. Тогда убо море многими бурями ко земли приражается; но егда алконостъ сноситъ яица на едино мѣсто и

Digitized by Google

насядетъ на нихъ верху моря, яицамъ въ глубинѣ сущим, тогда море непоколебимо бывает за седмь дній, дондеже алконостовы яица в глубинѣ излупятся. Вышедши чада познаютъ своя родители" (Сах., Ск. Р. н., II, кн. 5, 142; отсюда то, что в ст. о голубиной книгѣ Стратим птица

Живет на синем морѣ,
Плод плодит на синем морѣ,
В морѣ яйца несет,
Из моря дѣтей ведет,

Н. Баталин, Др. русс. азбуковники, Фил. Зап. 1873, V, 65).

Реальныя основанія подобных сказаній могут состоять в том, что наши зимородки (alcedo hispida), впрочем невьющіе гнѣзд, а выдалбливающіе для них норы в береговых обрывах и выкладывающіе дно норы рыбьими костьми, живут парами; что их и зимою можно видѣть над прорубями. Бѣлый зимородок (ceryle rudis), живущій тоже парами в Египтѣ, Сиріи, Палестинѣ, залетающій и в Европу, тоже дѣлающій гнѣзда в норах, плодится не только в Мартѣ и Апрѣлѣ, при самом низком стояніи Нила, но гдѣ уровень воды не мѣшает (т. к. норы его—у самой воды), и в Декабрѣ (Брем, ib. 154—6). За тѣм уже в древности зимородку приписано искусно построенное гнѣздо какой нибудь другой птицы, именно между прочим, судя по указаніям мр. пѣсни, ремеза, и сидѣнье на волнах, замѣченное за какою нибудь из морских птиц.

Как мр. пѣсня предполагает, что разлив затопляет свитое на льду гнѣздо ремеза; так, вѣроятно, в средніе вѣка существовало сказаніе об алкионѣ, яйца котораго унесены морем. Вѣроятно, по этому в греч. переводѣ арабской передѣлки Панчатантры (Калила и Димна, с персидскаго, на который переведена Панчатантра в XI в. по Р. Х.), сдѣланном Симеоном Сетом ок. 1080 г. (Стефанит и Ихнилат, Benfey Pantschat., I, 8), птица, о которой разсказывается нѣчто подобное, именно береговой кулик (Strandläufer; турухтан, machetes pugnax?) названа ἀλκυών. Тоже и в Эзоповских баснях Максима Плануда, жившаго

Digitized by Google

лѣт 250 спустя послѣ Сета (Benf., ib. 236, 238). Разсказ Панчатантры „Турухтан и море“ слѣдующій: На берегу океана жила пара турухтанов (Strandläufer). Когда пришла пора, самка сказала самцу: „послушай, милый! поищем безопаснаго мѣста, гдѣ мнѣ класть яйца“. Самец отвѣтил: „этот берег океана прелестен; поэтому клади здѣсь“. А та сказала: „при полной лунѣ сюда заходит морская волна; она уносит и свирѣпных царей — слонов: поэтому поищем мѣста подальше“. Услышав это, самец улыбнулся и сказал: „о милая, ты говоришь пустое; что такое море, чтоб осмѣлиться обидѣть моих дѣтей?“ Несись, небойся!“ Самка разсмѣялась, зная истинную мѣру его силы, а море, слыша это, подумало' „Поди ты! что за высокомѣріе этой птицы! Правду говорят: „кто смирит самомнѣніе? Турухтан (Strandläufer) спит вверх ногами, боясь что на него обрушится небо“. А попытать его силы! Что он сдѣлает, когда я унесу его яйца?“ И унесло яйца волною. Самка стала горевать и сказала мужу: „О безумец! неговорила ль я тебѣ, что яйца погибнут в прилив?“ Но самец неунывает и рѣшается мстить. Сначала он думает своим клювом выносить и высушить море [1]); потом сдается на уговоры самки и созывает на помощь всѣх птиц. Птицы рѣшают, что и всѣм им с морем несовладать, и жалуются на свою обиду своему царю, служителю бога Вишну Гарудѣ—птицѣ. Тогда Гаруда отказывается служить своему богу, пока небудет отомщена обида одного из его собственных слуг, турухтана. Вишну грозит высушить море, пустивши в него огненую стрѣлу, и море в страхѣ, отдает яйца турухтану (Benfey Pantschatantra, II, 87 сл.). К этому же семейству относится буддійскій разсказ, конечно, не созданный буддизмом, а лишь приспособленный им к своим цѣлям: Гаутhама—Буддhа в одну из прежних своих жизней был бѣлкою. Разлив унес в море дерево, на

---

[1]) Сюда б. м. примкнет исторія басни:

Надѣлала синица славы,
А моря незажгла, Кр.

которомъ было его гнѣздо с птицами. За это Буддһа берется раскропить море своим хвостом, и когда Сакра (Индра) говорит ему, что эта затѣя безумна и море бездонно, отвѣчает на это ироніей. Сакра приходит в изумленіе от такой силы воли и любви и заставляет море возвратить Буддѣ дѣтей (Benf., ib. I, 236—7). Оттуда же (Spence Hardy, Manuel of Buddhism) Бенфей приводит латинскій разсказ неизвѣстнаго происхожденія, что неустраняет его подлинности (такія вещи нарочно невыдумываются): Раз загорѣлся лѣс, окружавшій город Лавиніум, лиса стала тушить пожар, брыжжа хвостом, обмокнутым в воду.

Этот разсказ, справедливо относимый Бенфеем к одному семейству с предыдущим, не есть простое измѣненіе одного из вар. этого послѣдняго. Подобно тому, как мр. веснянки представляют два параллельные образа дерева, подмытаго разливом („Ой нестій, вербо, над водою") и дерева, объятаго пламенем („Ой горе, горе сухий дубе"); русс. пѣсни представляют, как увидим, параллелизм образов птицы, коей гнѣздо унесено разливом, и птицы, коей гнѣздо сожжено пожаром. Такіе два сходные ряда разсказов могли и в древности существовать и видоизмѣнять друг друга, так что на пр. месть морю („раскропить хвостом") могла, как в приведенном разсказѣ, явиться средством потушить пожар, а пожар, котораго роль могла первоначально быть таже роль обидчика, что и разлива, мог стать средством отомстить другому обидчику. Так в баснѣ Федра „Лисица и орел" (Phaedri Fab. I, 30 (28)), орел уносит в свое гнѣздо лисенят. Лисица похищает с олтаря горящій факел и окружает пламенем дерево, на коем орлиное гнѣздо, так что орел, чтобы спасти своих птенцев, выдает лисицѣ ея лисенят. В соотвѣтственной Эсоповской баснѣ лиса сама не в силах отомстить орлу. Он сам уносит с олтаря часть жертвеннаго мяса с приставшими к ней горящими углями, т. о. зажигает свое гнѣздо. Орлята падают на землю и достаются лисѣ. В баснѣ Пильпая (русс. перев. Политич. и нравоучит. басни Пильпая, философа индійскаго, с франц. Бор. Волковым, СПб. 1762, Б.

Digitized by Google

14), ястреб уносит воробьят. По просьбѣ пары воробьев, змѣя созывает других змѣй, которыя бросают горящіе фитили в гнѣздо ястреба и сожигают и его самого и его дѣтей. Все это напоминает вышеприведенныя (стр. 188—9) серб. п.: дѣвица мстит соколу, зажигая его гнѣздо.

Разсказы, за образец коих возьмем разсказ Панчатантры „Турухтан и море", представляют такую, б. м. непервообразную сложность содержанія, что легко разлагаются на 2, на 3 момента: 1. безпомощность, невинная гибель слабых; 2. а) их месть сильному, б) союз слабых против сильнаго. Для сравненія с разсматриваемыми пѣснями нужен только первый момент; второй, находящійся в нѣкоторых русс. сказках, я оставляю в сторонѣ. Впрочем весьма естественно вплетеніе в первый из названных моментов черты, подготовляющей дальнѣйшее возмущеніе против хотя бы и неодолимой силы, черты, как гордость, чувство собственнаго достоинства. Так Пушкин в одном из величайших своих произведеній, „Мѣдном всадникѣ" пытается соединить в одну поэму „Родословную моего героя" и судьбу Евгенія. Евгеній, хотя и не свил себѣ еще гнѣзда на берегу моря воднаго и моря исторических событій (с которым тоже „кто съвѣтьнъ?"), но собирается его свить („жениться? Чтож? за чѣм же нѣт..." Соч. П. М. 1882. III, 459); но, не так, как у турухтана индійской басни, его хватает только на безумную вспышку; „Добро...!" ib. 369; первоначально этой рѣчи было 40 стихов, ib. 465).

---

2. *Чайка.* Пѣсни о ремезѣ, согласно со своим величальным назначеніем (как веснянки, щедровки), указывают вдали возможность гибели, но вмѣстѣ и возможность спасенія („неклади гнѣзда там, а клади там"). В других болѣе или менѣе сродных п. несчастье по винѣ или без вины, уже настигло. К таким принадлежит извѣстная п.

Ой біда, біда чайці небозі,
Що вивела діти при битій дорозі.

По размѣру, впрочем, она невяжется с разсматриваемым

Digitized by Google

семейством. Относительно содержанія ср. „Идуть женьці жати, діток забирати“ с подобным вышеприведенным (Чуб., III 450) стихом одного из вар. пѣсни о ремезѣ. В других вар. чаенят забирают чумаки (Рудч, Чум. п., 88 сл.). Один из таких вар. оканчивается стихами:

Ой лети ж ти, чайко у гору високо,
Уже ж твої чаенята у морі глибоко.

Послѣ того, что сказано в пѣснѣ раньше, именно, что чумаки повкидали чаенят в кашу, это „у морі“ может быть понято только в переносном смыслѣ гибели (мое сл. о П. Иг., 77 сл.); но б. м. в основаніи лежит неизвѣстная нам п., в которой чаенята в самом дѣлѣ гибнут в морѣ, в котором (в извѣстном припѣвѣ „чайки“) думает с горя утопиться и сама мать.

3. *Перепелка.*

Колядка:

Зажурилася да й перепела: Гой да Боже!
„Де би я собі гніздечко звила?
„Звила би я го в озимім житі,
„(Та) женці зайдут, мене (из)найдут,
„Гніздо розібьют, діти розженут.

Тоже повторяется еще два раза с измѣненіями в 3-м ст.: „в ярій пшениці“, „в зелений траві“. В этом видѣ пѣсня могла примѣняться только ко вдовѣ, для которой нѣт нигдѣ безопасности (ср. пѣсни о перепелкѣ и вдовѣ с дѣтьми, Чуб. V 853, N 417; Zieńk. 170). Для примѣненія к дѣвицѣ нужно бы противоположеніе, как выше („Ой нестій дубе при дорозі“... а „у садочку“; „Ой ремезе... невий гнізда на ледоньку... а... на яворі“), которое и находим в бр. ярной (весенней) п.:

Пірапёлка! (2)
Ня вій ты гняздечка блізко длі дарожкі:
Пастухі пагонюць, гняздечка папоруць;
Суві ты гняздзечка на зялёным дубу:
Станіць вецір павіваць, тваїх дзяцей калыхаць.
Ты дзевынька! (2)
А нявій вяночка: восінь нідалёчка,

Digitized by Google

Сваточкі пріедуць, цябе с сабою во́зьмуць
(Шейн, Бр. п., 195—6).

В одном из вар. вышеупомянутой пѣсни о перепелкѣ и вдовѣ находим черту, с которою встрѣтимся и ниже в пѣснях о соловьѣ: перепелята говорят:

Погорив *пожар*, сіруткам нужкі коле
(Zieńk. 158).

Вр. п. XVII в. говорит не о степном пожарѣ и заставляет предполагать другую пѣсню, не о перепелкѣ, а о другой птицѣ, вьющей гнѣздо на деревѣ. Эта пѣсня важна между прочим, как доказательство, что в этом семействѣ размѣр 5+4 восходит не менѣе, чѣм к началу XVII в.:

Сплачетца [мала] птичка [бѣлая] пелепелка:
„Охте [мнѣ] молоды горевати:
„Хотят сырой дуб зажигати,
„Мое гнѣздышко разорити,
[Мои] малые дѣти побити,
„Меня пелепелку поимати.
Сплачетца на Москвѣ царевна:
„Охте мнѣ молоды горевати:
„Что ѣдет к Москвѣ измѣнник
Ино Гриша Отрепьев рострига и пр.
(Бусл., И. Хр., 1034).

4. *Зозуля*. Мотив сходный с вышеприведенным („Зажурила ся да й перепела“) приспособлен к обычному запѣву колядок господарю: зозуля будит хозяина и сказывает ему радость: зозуля

...Стала ся томити, де ма’т гніздо вити:
„Вила би м го, вила в лісі при дорозі
В лісі при дорозі, та на ліщинойці;
„Ліщинойку рушат, гніздо разпотрушат,
„Гніздо разпотрушат, діти ми оглушат.
...Вила бим го вила при потічейку,
При потічейку, на сітничейку;
Водиця прийде, гніздо забере,
Гніздо ми забере, мене осиротит.
Буду го вити на вишнім садочку...

Digitized by Google

...Та я си буду рано кукати,
Рано кукати, газду зобуджати...

(Гол. II, 78).

5. *Соловей* и *иволга*. Петровочная, стало быть весенняя п. размѣра 5+4 приведенная выше (стр. 28), по поводу припѣва, сближена там с веснянкою размѣра 5+3 (Чуб. III, 138). Кажется, лучше разсматривать эту п. в другой связи, принимая, что отношеніе в ней соловья и иволги такое же, как ниже соловья и кукушки. По вар. Сахарова (Сказ. Р. н., кн. 3, 262) „Соловей гнѣздо *за*вивает“ т. е. начинает вить, а „Иволга развивает“ (несовѣтует?):

Хоть ты вей, невей, соловей,
Небывать твоему гнѣзду совитому,
Небывать *твоим* (у Терещ. „Иволги“) дѣтям вы-
[вожатым...

6. *Соловей* и *кукушка*.

Строгіе и по видимому состоящіе из небольшаго числа слогов малорусскіе (и общеславянскіе) пѣсенные размѣры, весьма помѣстительны, так как то, что в них можно принять за стих, нерѣдко есть полустишіе. Стих кончается там, гдѣ напѣв. Т. о. стих веснянок разсматриваемаго здѣсь семейства, ²(5+4) заключает в себѣ 18, а с ненарушающими размѣра растяженіями—20 слогов, т. е. болѣе, чѣм гекзаметр. Ср. на Чуб. III, 144—5. Глядя с этой точки, я думаю, что длинная строка многих нынѣшних вр. пѣсень, о 22—3 и болѣе слогах, соотвѣтствующая мр. полустишію, произошла от позднѣйших растяженій и вставок, иногда нескрывающих первоначальнаго, болѣе короткаго размѣра. Вот на пр. п., записанная в Трехостровянской стан. З. В. Д., Ѳ. С. Аврамовым. В нѣкоторых мѣстах предполагаемыя вставки ставлю в [ ].

„Ты взойди, [солнышко,] солнце [красное взойди] утром
рано,
Обогрѣй, [обсуши доброва] молодца на [нужноем] бике-
тѣ [молодца]!

Ты воспой, [мой славный] соловьюшек, [воспой рано
при долин[ушк]ѣ,
Притѣшь, [призабав до́брова] молодца [при го́рѣ], при
[большой го́рѣ] кручин[ушк]ѣ.
Я сам тебѣ, мой славный соловьюшек, со времячком
пригожусь;
Построю тебѣ, [мой славный соловьюшек кле]нову[ю]
клѣтку,
Положу[-ка только положу] тебѣ, [млад соловьюшек,]
золоту [тебѣ] наше́сточку
[Я] посыплю тебѣ[, мой соловьюшек, я бѣлой — ярой]
пашеницы,
[Я] поставлю тебѣ [напиться, мой славный соловьюшек,]
медовой [сладкой] сытицы“.
—Ненужна[, ненужна[мнѣ [соловьюшку кленовая] твоя
клѣтка,
Ненужна и пр.... золотая нашесточка,
Ненужна и пр.... ярая твоя пашеница,
Ненужна и пр.... медовая сытица,
Мнѣ нужна [толичко нужна мнѣ] соловьюшку[, нужна]
своя воля [волюшка]!

Т. о. и в слѣд. вр. в нѣкоторых стихах без натяжки можно усмотрѣть размѣр веснянок и пѣсни о Ксеніи Годуновой:

Кукушечка соловушку журила-бранила:
„Невей ты[, невей] гнѣзд[ышк]о [, невей] при дорожкѣ,
Ты свей [тепло] гнѣздышко [, ты свей] при долинкѣ,
При зеленой [при] травинкѣ, при [мѣлком] лѣсочкѣ:
Никто твое гнѣздышко[, никто] нерозо́рит.

Этот мотив стал запѣвом пѣсни о молодцѣ в темницѣ (Сах., Ск. Р. н., кн. 3, 247 и 225. В послѣдней есть стихи:

[Молодой] соловей [тепло] гнѣздо с(о)вивает...
...Нѣгдѣ мнѣ, соловью[шки], [тепла] гнѣзда свити,
Нѣгдѣ мнѣ [малых] дѣток выводити.

В первой из названных п. запѣв указывает на непред-

Digitized by Google

усмотрительность, на свою вину, как на причину несчастья, и т. о. умѣряет сочувствіе к пострадавшему.

Запѣв предполагает самостоятельную пѣсню, в родѣ слѣдующих:

А. По рощицѣ Машинька гуляла,
Со правой со рученьки кольцо потеряла,
Со той тоски со досады рощу зажигала.
(ср. стр. 189).
„Гори, гори рощипа, гори зеленая!
„Всѣ пеньица—кореньица всѣ вон выгарайте,
„Всѣ пташечки—кинарейки всѣ вон вылетайте!"
Один, один млад соловушек в рощѣ оставался.
Прилетала к соловушку горькая кукушка,
Молодого соловушка журила бранила:
„Уж ты глупый—неразумный младой соловейко!
„Ты умѣешь, соловейко, только пѣсни пѣти,
„Ты неумѣешь, соловейко, тепла гнѣзда вити!
Уж ты свей-ко гнѣздо при долинѣ, при кустѣ ракитѣ:
Что никто тоё гнѣздышко неразо́вьет,
Малых дѣтушек никто нерозгонит!"
(Аренц. Сб. п. Сам. кр., 43—4).

Б. Дуброва зілянáя дубавáя!
Па дубровушкі трапінушка ляжала,
Па трапінушкі две девушкі гулялі,
У карманы белаї рукі апушшалі,
Ис карманав крімешыкі вынімалі,
Ис крімешыкав агонушак вырубалі,
Зялёную дубраву зажыгалі.
Гарі, гарі, дуброва, гарі жарчя!
Все асінкі, бярёзкі пагарелі,
Маладыя дубочкі падапрелі,
Салавьіная гнёздушка згарела:
Салавьíная гнёздушка папялочік,
Салавьінаї детки агулёчік!
(Щигр. у. запис. М. Е. Халанскій).

Digitized by Google

Сюда—пословица: „Бор сожгли, а соловушек по гнѣздышку плачет“, Даль[1], 667.

7. *Соловей и сестра (зозуля, перепелка).*

а) Как самостоятельная пѣсня: А, Б, В, Чуб. V, 850—1; Г, отрывок в 5 ст. П. Л. Мр. и Червонор. н. думы и п. Спб. 1836, 84=Ант. и Др., Ист. п., I, 269, А; Д, Метл., 446 = Ант. и Др. ib., 99; Е, Чуб. V, 935; Ж, Ант. и Др. ib. 269, А; З, Чуб. V, 1057. Размѣр 6+4 мог произойти из 5+4.

Привожу эту пѣсню по А с небольшими измѣненіями по другим вар.

Ой ішли козаки з Украïни,
Стали на попасі край долини,
Викресали огню з оружини,
Та пустили пожар по долині,
Соловьеви діти попалили,
Великого жалю наробили...
...Прилетіла сестра з Украïни:
„Чи я тобі, брате, неказала:
„Немости гніздечка йу лужечку,
„Помости гніздечко йу садочку
„На високім деревку на яворку;
„Ніхто ж того древка незрубае,
„Соловъевих діток незаймае“.

В 1-м ст. вм. „козаки“ — в нѣскольких вар. „чумаки“, в Б—„Ой десь узялись усарини“, что представляет неполное и б. м. случайное сходство с серб. п. выше стр. 189. Сестра в Б — зозуля, в З — перепелка. В послѣднем козаки запалили дуброву (ср. выше),

Та одна діброва негоріла,
Соловейкові крильця посмалила.

Перепелка говорит:

[А] чи я тобі, брате, неказала:
Небгай же гніздечка у діброві,
А зобгай гніздечко [у степу] край дороги,

что б будить проѣзжих чумаков. Она даст самодовольные, т. наз. совѣтчиками, благоразумные, хотя поздніе и во

всяком случаѣ неисполнимые совѣты, примѣняясь к себѣ.

Вар. В, Е, Ж, опуская разговор соловья и сестры, расширяют цѣпь причин и слѣдствій, круговой поруки бѣды и горя:

Із за гори вітер повіває,
Та чорную хмару наганяє,
Та се дрібен дощик накрапає,
Та синёго моря доповняє.
Що синеє море розигралось,
Турецький карабель розірвало
(v. По синёму морю хвиля грає,
Козацький карабличок розбиває)
Сорок тисяч війська витопляє.

Здѣсь вар. Е объясняет связь с дальнѣйшими ст.:

Чотирі тисячі [на берег] вихожає.
Ой їхали вони з україни,
Попутали коні у долині
Сами посідали на могилі,
Викресали огню з оружини,
Роспустили пожар по долині и пр.

Противорѣчіе между вар. называющими корабль то турецким, то козацким, или, в вар. Е, между тѣм, что разбивается турецкій корабль, а „сорок тисяч козаченьків потопає“ может примиряться так или иначе. Или так, что воспользовавшись крушеніем, спасаются козаки, бывшіе гребцами на турецкой каторгѣ; или так, что козаки взяли турецкій корабль, потом потерпѣли крушеніе. Как бы ни было, я думаю, вопреки мнѣнію Ант. и Др. I, 270, что 1-е 3 ст. вар. Ж (Ант. и Д. ib. 269, А) и Д принадлежат не думѣ в тѣсном смыслѣ, а пѣснѣ с основным размѣром 5 + 4 или 6 + 4, и что сочетаніе бури на морѣ, попаса и пожара, попалившаго соловьят, есть дѣло художественнаго умысла.

β. Таже пѣсня как запѣв. Выше мы видѣли, что вр. п. о соловьѣ и кукушкѣ становится запѣвом о молодцѣ в темницѣ. Таким же образом пѣснѣ невольной разлукѣ козака с домом (Гомін, гомін) предпосылается запѣв:

Digitized by Google

Зажуритця соколонько:
„Бідна ж моя головонько,
„Що я рано с виръя вийшов...

Пѣсню:

Ой йшла вдова долиною
Из малою дитиною...

(Орел утѣшает сарказмом:)

Неплач, вдово, нежурися...
Бо я твого мужа знаю,
На чорний чуб наступаю,
З лоба очи видираю...

нѣкоторые вар. начинают с запѣва:

Ой непугай пугаченьку
В зеленому байраченьку.
—Ой як мені непугати?
Що все гори та байраки,
Нігде в світі проживати;
Нігде ж мені гнізда звити

(Чуб. V, 806—7).

По тому же художественному пріему, самостоятельной пѣснѣ про брата и сестер с неодинаковою долею (Чуб. V, 916—7, N 482 Б 483) подчиняется, как запѣв, вышеразсмотрѣнная п. (Чуб. V, 915—6, N 482 А; Метл. 369—70, с небольшими измѣненіями по вышеупомянутым вар.):

Ой йшли чумаки з україни и пр.
...Попалили діти соловъїни.
Стали соловейки щебетати,
Стали бурлаченьку (sic вм. -ньку) проклинати.

За тѣм, как бы без связи с предыдущим:

Ой нарву я хмелю зеленого,
Накладу я вогню жарκенького,
Та наварю пива пъяненького,
Та назову сестру багатую,
А вбога-небога сама прийде;
Посажу багату в кіньці стола,
А вбогу-небогу край порога;
Напою багату медом—вином,

Digitized by Google

А вбогу-небогу гірким пивом.
Стала сестра сестру частувати,
Стала сестра сестрі вимишляти:
„Се́стро ж моя, сестро убогая!
„Коли б ти, сестро, така як я,
„То-б ти сиділа, де тепер я,
„Коли-б ти, сестро, так робила,
„Ти-б в таких латах неходила.
„Що я раненько уставаю,
„По́ два починки напрядаю,
„Та свої скрині наповняю,
„Та свої діти зодягаю“.
—Сестро-ж моя, сестро богатая!
Що я раній те́бе уставаю,
По три починки напрядаю,
Та чужі скрині наповняю,
Та чужі діти зодягаю!

Здѣсь, как и в построенной аналогично с этою пѣснѣ „Ой кудро“ (см. выше)—стремленіе возвыситься от созерцанія личной участи к болѣе широкому и весьма мрачному міросозерцанію. Личная доля ставится на міровую сцену, при обозрѣніи которой можно в ряду причин и слѣдствій найти отвѣт на вопрос „*почему*“, нѣт отвѣта на вопрос „*для чего*“ и находится отрицательный отвѣт на вопрос „*за что*“. Родственнаго воззрѣнія надобно искать не в христіанствѣ.

Друзья Іова смотрят на его несчастье лишь как на слѣдствіе извѣстных причин: „Поднимается ли тростник без влаги? ростет ли камыш без воды?“ Іов 8, 5. „Вспомни же, погибал ли кто невинный и гдѣ праведные бывали искореняемы?“ ib. 4, 7. Сам Іов, конечно, неотвергает того, что тростник неростет без влаги, но он не может успокоиться на этом: „*Он* губит непорочнаго и виновнаго“, ib. 9, 27. „Земля отдана в руки нечестивых“ ib. 9, 24. „Если же я (и) виновен, то *для чего* напрасно томлюсь?“ ib. 9, 29. „Он не человѣк, как я, чтобы я мог отвѣчать ему и ити вмѣстѣ с ним на суд“, ib. 9, 32.

Digitized by Google

„Нѣт между нами посредника, который бы положил руку на обоих нас“ ib. 9, 35. С этой точки нѣт примиренія между *почему*, *за что* и *для чего*.

Экклесіаст говорит: „Вот еще какую мудрость видѣл я под солнцем, и она показалась мнѣ важною: Город мал и людей в нем немного; к нему подступил великій царь, и обложил его, и произвел против него большія осадныя работы; но в нем нашелся мудрый бѣдняк, и он спас своею мудростью этот город; и однако никто невспомнил об этом бѣднякѣ. И сказал я: мудрость лучше силы, и однако мудрость бѣдняка пренебрегается и слов его неслушают“. Экклес. 9, 13—6. „И обратился я и видѣл под солнцем, что не проворным достается успѣшный бѣг, не храбрым побѣда, не мудрым хлѣб, и не у разумных богатство и не искусным благорасположеніе; но время и случай для всѣх их. Ибо человѣк не знает своего времени. Как рыбы попадают в пагубную сѣть и как птицы—в силки; так сыны человѣческіе уловляются в бѣдственное время, когда оно нежданно находит на них“, ib. 9, 11—2.

Digitized by Google

Дополненія.

К стр. 16. К этому *стадо,* сходка для игры, хороводов, а не к *стадо* grex, может относиться названіе мѣстности (площади, потом застроенной) в стар. Псковѣ: „въ лѣто 7040 бысть моръ во Псковѣ; тогда мца Августа 15 погорѣ *Стадище*“ (собств. мѣсто гдѣ „стадо“) за Варламомъ“, Пск. I, П. С. Р. л. IV, 298.

К стр. 25. С „игрища *утолочена*“ ср. стар. *толока* в см. игрища, не без основанія осуждавшагося христіянским благонравіем. В „Уставѣ Св. кн. Владимира ... о церковных судах: „аже дѣвку умолвить кто къ себѣ и *дасть въ толоку,* на умольници (=с подговорившаго) епископу 3 гривны серебра, а дѣвицѣ за соромъ три гривны серебра, а на толочныхъ (с толочан, участников в толокѣ) по рублю, а князь казнить“, Соф. I л., П. С. Р. л., VI, 85. Невѣроятно, чтобы рѣчь шла о толокѣ (помочах) для работ.

К стр. 51, 59 („солнце метет“). Ср. в „Pentamerone“ G. Basile: „едва солнце рисовою метелкою своих лучей успѣло смести сажу ночи, как он ...“ (перев. Либрехта, I, 129); „Как скоро солнце смело своим золотым вѣником сор тьмы с полей, окропленных утреннею росою,

Digitized by Google

Кола Маттеи взял корзину... ib. 194.

К стр. 138. Солнце или зоря стелет красную ткань, сыплет золото, серебро. Ср. у Квитки („Маруся“): „Ось и зачервоніло на тій дорозі, де ёму (сонцю) треба йти, и розислалось мов сукно, як кармазин красне; далі неначе срібні цвітки по нёму хто посипавъ, а тут и увесь путь став мов золотим піском по червоному полю посипаний. Зазолотились и верхівъя дерева по лісам, и ось золотий по них пісок сиплетця по дереву нижче, усе нижче. Стало винирять (=виринать) з-за землі... що? И світ, и огонь, и краса!“

К стр. 138—40. *Снода.* Возможно другое, м. б. болѣе вѣроятное объясненіе этого слова. Это — искаженіе поль. *cnota*. Бѣль (пряжа) как символ дѣвства, названа „цното тонкая“, от *cnota* честь, дѣвичья честь — дѣвство, cunnus virginis, при чем к *цнота* отнесен эпитет бѣли. Таким же образом в свадебной п. *цнота* (откуда искаженіе *снотон* вм. *цнотку*) замѣнила другой символ дѣвства, калину. Ср.

Темного лугу калина,
Доброго батька дитина:
Хоть вона по ночам ходила,
Та при собі калину носила;
Куповали купці, непродала,
Прохали хлопці, недала,
Шовком ніженьки звъязала,
Для свого друга держала;
„А мій Ивашко розограв,
„Шовку ниточку розирвав.
(Чуб. IV, 451—2),

с вар. Г (ib.):

По ночам неходила,
Своеї цноти незгубила и пр.

и вар. А:

...по ночам неходила
При собі *снотон* носила и пр.

Digitized by Google

Указатель.

I.

II. Слова (косым шрифтом) и образы.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ОПЕЧАТКИ.

Стрц.	*Стрк.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
9	13	стр. 210	стр. 2
14	17	а то,	говорится не это, а то,
—	19	созрѣнья	созрѣванья
19	1	Дїев	Дієв
—	25	неудату з	неудату 3
21	6—7	изношонный	изношенный
—	23	припѣоу	припѣву
22	28	лѣл-ѣ-яти	лел-ѣ-яти
23	26	(в Черн. горѣ)	(в Черн. Горѣ)
—	37	труба, ка	труба, -ка,
34	37	і ржуць	іржуць,
39	4—5	чистити,	чистили,
42	11	Плугатири	Плугатирі
55	31	мгра	игра
58	13	metajůt	metajůt
60	38	но оно	но она
61	7 и 8	покотилося	покотилася
62	30	(лѣтнее	(лѣтнее)
68	19	Возможн,	Возможно,
73	31	стр. 76)	стр. 70)
79	4	(стр. 65)	(стр. 75)
—	7	Што си	Што су
—	8	151)	151)
81	32	и слнце	(и) сл̑нце
—	37	явлоющи	явлѣющи
82	23	изложен"	излажен"
—	24—5	протошниц	притошниц
—	31	in dura-	indura-
83	27	сироти	спроти
85	29—30	саовила	самовила
90	18	дівно	дивно
97	33	(=си)	(=цу)

Digitized by Google

Стрц.	*Стрк.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
98	38	(lîgamińa,	(lîgawińa,
99	2	(не помѣта)	(не помѣха)
102	29	99)	64—5)
111	9	Исус	Исус бредет
—	10	)бредут	бредут)
—	14	94)	96)
113	25—6	54—5	48—9
114	23	Вишни ћу	Вишнићу
115	5	Парубацькая	Парубоцькая
—	7	в дёгти	в дёгті
116	16	тернянком	терняньком
117	1	конкол.	кокол.
122	28	пѣсня?)	пѣсни?)
—	—	Гуинледою	Гунцледою
128	27	58)	52, 64)
143	10	ни	нин
—	16	сваше	свате.
144	3	137)	132)
—	28	также	так же, т. е. заимствованіем
—	30	т стар	те стар
152	16	(185	(48
162	27	наберець	паберець
169	19	Glambattista.. Pentamenoul	Giambattista.. Pentamerone
195	15	177, 179—80	180—2
199	37	свівують“	співують“
202	35	198)	197—8
203	11	(176—80)	(191)
206	6	тот	той
—	33	броу	броду
210	28	віночек	віночок
215	33	(См.	(Ст.
223	22	Анюшачка	Анютачка
228	33	посѣт	носѣт
229	18	кладот	кладат
235	33	140,	139 и пр.
236	7	a priori	a potiori
—	22	позаливая	позаливай
251	4	3+4	5+4
257	1	птицами	птенцами
261	23	на Чуб.	на пр. Чуб.

Digitized by Google

Стрц.	*Стрк.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
262	15	ненужна[	ненужна]
263	9	рощина	рощица
—	20	тоё	твоё
—	29	дубраву	дуброву
264	36	даст	дает
266	28	вм. -ньку	вм. -ньку в
268	13	солнпем	солнцем

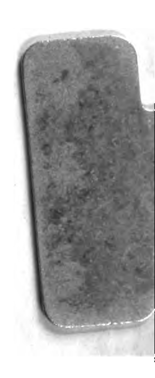
Digitized by Google

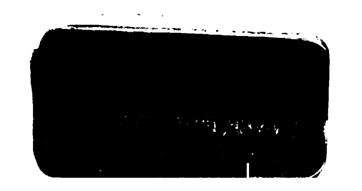
ОГЛАВЛЕНІЕ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 064234666